

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2021 Том 21 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2021 Volume 21 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 10.02.2021. Выход в свет 24.02.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,58. Тираж 500 экз. Заказ № 8. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назрова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шуакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Кравченко С.А.** От формальной к цифровой рациональности: побочные эффекты, амбивалентности и уязвимости (на англ. яз.)..... 7
- Мартыненко Т.С.** Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе 18
- Девятко И.Ф., Богданов М.Б., Лебедев Д.В.** Динамика диаметра зрачка как индикатор когнитивной нагрузки респондента: методический эксперимент по сравнению CASI и P&PSI вопросников 36

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Козырева Р.М., Жу Ди, Низамова А.Э., Смирнов А.И.** Справедливость и неравенство в потреблении домохозяйств в России и Китае: сравнительный анализ (на англ. яз.) 50
- Ключарев Г.А., Чурсина А.В.** Научоемкие производства для инновационной экономики: мнения экспертов 68
- Кученкова А.В.** Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников 84
- Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В.** Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества 97
- Темнова Л.В., Лапшина А.К.** Динамика видеопредпочтений российской молодежи (на примере видеохостинга YouTube) 110

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

- Сорокин П.С.** «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования 124
- Радкевич К.В., Шабага А.В.** Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства 139
- Никулин А.М.** Энциклопедии как инструмент модернизации: сталинистские версии аграрного знания 154
- Троцук И.В., Субботина М.В.** Три вопроса в основе социологического изучения героизма (на англ. яз.) 169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Зайцев Д.В., Зайцева О.В., Ярская-Смирнова В.Н.** Инклюзивные тренды городского развития: темпорально-пространственные социальные практики 181

ЮБИЛЕИ

- Горшков М.К. 192
- Козырева П.М. 194

- НАШИ АВТОРЫ** 196

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kravchenko S.A.** From formal rationality to the digital one: Side-effects, ambivalences, and vulnerabilities 7
- Martynenko T.S.** Lifestyle diseases: Health in the contemporary city 18
- Deviatko I.F., Bogdanov M.B., Lebedev D.V.** Pupil diameter dynamics as an indicator of the respondent's cognitive load: Methodological experiment comparing CASI and P&PSI 36

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Kozyreva P.M., Zhu Di, Nizamova A.E., Smirnov A.I.** Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis ... 50
- Kliucharev G.A., Chursina A.V.** High-tech industries for an innovative economy: Expert opinions 68
- Kuchenkova A.V.** Employment precarization as a factor of wages differentiation and social well-being 84
- Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V.** The student youth's universal values and the Russian society development 97
- Temnova L.V., Lapshina A.K.** The dynamics of video preferences of the Russian youth (on the example of YouTube) 110

SOCIOLOGICAL ESSAYS

- Sorokin P.S.** "Transformative agency" as an object of sociological analysis: Contemporary discussions and the role of education 124
- Radkevich K.V., Shabaga A.V.** Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space 139
- Nikulin A.M.** Encyclopedias as tools of modernization: Stalinist versions of agrarian knowledge 154
- Trotsuk I.V., Subbotina M.V.** Three questions to start the sociological study of heroism..... 169

SCIENTIFIC LIFE

- Zaitsev D.V., Zaitseva O.V., Yarskaya-Smirnova V.N.** Inclusive trends of urban development: Temporal-spatial social practices 181

ANNIVERSARIES

- Gorshkov M.K. 192
- Kozyreva P.M. 194

- AUTHORS** 196

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17

From formal rationality to the digital one: Side-effects, ambivalences, and vulnerabilities*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article considers challenges for man, society and nature, which appeared under the new types of rationality and bring not only the desired achievements but also unintended consequences in the form of side-effects, ambivalences, and vulnerabilities that become more complex. Thus, formal rationality became a factor of transition from traditional societies to industrial ones, which facilitated the establishment of high standards of living, but at the same time had side-effects such as the ‘iron cage’ of bureaucratization that made social relationships impersonal and without binding values. The growing formal rationality produced more complex side-effects such as ‘legitimation crisis’, ‘colonization’ of the essential functions of people’s life-worlds, and dependence on legal and administrative bureaucracies. Formal rationality led to ambivalences: rationalization helped people to adapt to the dynamics of social life but also had irrational consequences — achievements in scientific knowledge and technologies advanced beyond moral limits. Formal rationality gave birth to ‘society of normalization’ and biopower which generated the system of total control in the form of the Panopticon spreading its influence throughout the whole society. McDonaldization as a form of modern formal rationality worsened the situation by producing globally dehumanized nothings. Digital rationality creates objective conditions for complex vulnerabilities to society and nature in the form of ‘normal accidents’ and ‘collateral damage’. The author argues that digital rationality acquires two basic types that are culturally determined: pragmatic type — hybrid rationality rooted in the principles of practical, formal, instrumental rationality and McDonaldization; substantive digital type with an emphasis on human needs and ontological safety. To minimize the vulnerabilities of the pragmatic digital rationality and to avoid the digital ‘iron cage’, the author suggests: rejection of radicalism and pragmatism in relation to digital technologies and artificial intelligence; humanistic modernization; eco-digital policy; interdisciplinary research of complex nonlinear vulnerabilities.

Key words: rationality, global complexity, nonlinearity, side-effects, ambivalences, vulnerabilities, dehumanization, the digital ‘iron cage’, humanism

* © S.A. Kravchenko, 2021

The article was submitted on 03.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

Rationality, like other social phenomena, develops due to the ‘arrow of time’ (I. Prigogine) and becomes more complex in its new types. Rationalization provides people with the desired goods and comforts but also with unintended consequences in the form of side-effects, ambivalences, and vulnerabilities. All rational systems produce certain irrationalities which limit or even undermine both rational manifestations and humanistic social practices. Today, digital rationality develops and changes the character of the earlier types of rationality, because it helps people to adapt to the global complexity and nonlinear development. However, it also produces new challenges for man, society, and nature.

The stronger formal rationality, the more complex its side-effects and ambivalences

Sociologists showed that growing rationality leads not only to the desired achievements but also to the unexpected side-effects. M. Weber identified four types of rationality: practical — detailed consideration of difficulties of adaptation to social reality and attitudes to them from purely egoistic interests to pragmatic positions; theoretical — cognition of the world by means of deduction, induction, revealing of causality, etc.; substantive — stipulates the human activity within the culturally significant values; and formal — distinguishes modern capitalism from other historical types of capitalism and implies the ‘superiority of the West’. Weber insisted that modern capitalism has a specific rational ethos expressed in ‘an attitude that, in a calling, seeks profit rationally and systematically’. However, Weber worried that rationalization would have side-effects such as the ‘iron cage’ of ‘mechanized petrification’: will the rational society consist of ‘specialists without spirit’ and ‘sensualists without heart’? [27. P. 64, 182]. Moreover, Weber was one of the first scholars to argue that science as a significant factor of rationalization produces a threat to the individual autonomy, i.e., a ‘caster of experts’ should not confront people’s conscience and values [26. P. 58]. He believed that formal rationality had both clear undoubted advantages and latent hidden dangers in the form of ‘irrational elements’, and under certain circumstances could transform into irrationality leading to disenchantment and the ‘iron cage’ of bureaucracy. Indeed, formal rationality contains a predisposition to produce side-effects by replacing humans with technologies (bureaucratic rules) and minimizing the factor of reason.

Since Weber’s time, the development of formal rationality has produced complex side-effects that become especially evident in the middle of the 20th century. Weber considered rationalization in terms of individual purposive-rational action within economic, political, and religious structures. Habermas identified two types of rationalization: “rationalization of action orientations and life-world structures” and “expansion of rationality, that is, complexity of action systems” [12. P. 145]. Thereby, there are such side-effects as ‘legitimation crisis’: markets and administrative systems, based on the achievements of science and technologies, function in accordance with instrumental rationality as a renewed type of formal rationality, and ‘colonize’ the essential functions of people’s life-worlds. Children

are mainly socialized not in families and schools but by media; decision-making is determined by the market system; mutual social dependence is replaced by the dependence on legal and administrative bureaucracies; there is no more a goal of collaborative understanding [11]. To minimize side-effects of rationalization, Habermas insists on developing communicative actions, non-institutionalized opinion, and public discussions of economic and political issues [10].

Further development of formal rationality led to complicating ambivalences. According to Mannheim, rationalization becomes more complex, which produced ambivalences: on the one hand, rationalization helps people to better and more easily adapt to the dynamics of social life; on the other hand, there are irrational consequences due to the effect of ‘contemporaneity of the non-contemporaneous, and unbalanced development of different areas of life of both individuals and social groups. This, “technological and natural scientific knowledge has advanced beyond moral powers and insight into the working of social forces... in none of the more complex societies is the good judgment and morality necessary for mastering social and economic problems equally distributed among all groups and classes”, which brings a new challenge for the contemporary society: it cannot stand “the general lack of rationality and morality in the control of the total process, and their unequal social distribution will not allow it to go on» [21. P. 41, 43, 44]. However, according to Mannheim, irrationality in the form of sublimations can act as a powerful impulse to create cultural values or enhance the joy of life, which is reflected in sports and festivities. If irrationality is not socially structured, it is dysfunctional, which can be manifested in the ‘negative democracy’: “democracy itself produces its own antithesis and even provides its enemies with their weapons... Democratization is similar, in this regard, to other achievements of modern technique, the radio and the press, in that it can produce destructive as well as constructive results, according to the direction in which it is guided... Democracy in this sense is a means of radiating social influences which can work in a morally destructive, as well as in a constructive way” [21. P. 71]. Democracy, like other life realities, is based on principles of formal rationality and pragmatism; therefore, it generates complicating ambivalent consequences for both society and nature.

Foucault links the development of formal rationality with the birth of ‘society of normalization’ [8. P. 107], which implies control of individuals and division of social groups (poor, unemployed and mad) according to certain forms of knowledge. In modern societies, the discourse of knowledge represents biopower that can take the form of all relationships — in fact, the power-knowledge over everybody’s life. Therefore, power produces knowledge, and knowledge as power produces the truth about what should be considered as a ‘rational order’. So, there are new rationalities that set disciplinary forms of social control, the legitimacy of which is determined by the unity of knowledge and power. As a result, there are more complex ambivalences. On the one hand, the disciplinary power based on the triumph of rationality contributes to minimizing some dangers and social deviations. On the other hand, the triumph of rationality latently generates irrationality in the form of various others —

‘sick’, ‘insane’, ‘outsiders’, ‘marginal’ — on whom social control is focused. Rationalization and bureaucratization of the system of control (the Panopticon as an ideal system of gathering information) led to dehumanization: the process that began in prisons later spread to hospitals and army, schools and universities, throughout the whole society, and formed a ‘carceral net’ that covered the ‘entire social body’ [7. P. 290]. The disciplinary power makes social institutions dysfunctional, because they risk to be left without individuals, who are displaced by alienated, disciplinary individuals imprisoned the complex rational ‘iron cage’.

At the same time, Foucault is optimistic about the future and predicts the replacement of ‘society of normalization’ by a society of more humane principles with the idea of ‘governmentality’ (governance + mentality). According to Foucault, governmental rationality allows to combine optimally rationality of various power structures and individuals’ truths relying on their self-rationalization, self-discipline, and self-reflexing that implies active organization of human subjectivity in both social and material worlds [5; 6]. Followers of Foucault name two key directions for the development of governmental rationality: 1) social practices in the form of voluntary self-actualization of individuals’ power over themselves (fitness clubs, medical centers for diet nutrition, beauty, etc.); 2) rational perception of new challenges produced by the rationalizing society, technology, and nature [19].

Ritzer made an important contribution by defining McDonaldization as a form of modern formal rationality which produces nothing: “a social form that is generally centrally conceived, controlled, and comparatively devoid of distinctive substantive content... There are dynamics pushing in the direction of the ever-greater global proliferation of nothing” [24. P. 3, 5]. Nothing is especially expressed in empty social forms such as non-places, non-things, non-people, and non-service. Even “in the realm of higher education, the textbook falls toward non-thing”: “instead of having to read many books, or experts from them, the student is given a textbook that offers the authors’ summaries of those books”; routine medical procedures and such extreme things as heart transplants are “examples of nothing” [24. P. 175]. McDonaldization produces ambivalences with complex effects of dehumanization. On the one hand, it provides a high average standard of knowledge and reduces risks of unqualified education and treatment. On the other hand, essential elements of this type of rationality are complex effects of irrational rationality manifested in dehumanized relationships, alienation of human mind: “The main reason to think of McDonaldization as irrational, and ultimately unreasonable, is that it tends to be dehumanizing” [25. P. 134]. Interaction between professors and students is minimized, and creative discussions are increasingly replaced by formal control and tests. Medical care is also dehumanized: patients feel themselves as parts of a medical conveyor belt. The time spent on tests significantly increased, and the time spent on communication with doctors decreased. Many treatments, especially operations of conveyor type, are based on costs reduction, which consequently deteriorates the quality of medical care. Parents and children communicate less with; reading at night is replaced by watching movies or playing computer games. The online university

moves towards the nothing: “Internet universities are likely to closely resemble one another with the result that not one of them can have much in the way of uniqueness”. Moreover, McDonaldization has a negative impact on the authentic environment and produces Disney’s worlds as “non-places, and all of them are awash with a wide range of non-things (such as mouse-ear hats), staffed by non-people (the cast members, in costume or out), who offer non-services” [24. P. 33, 101]. However, deMcDonaldization also develops: Web 2.0 reduces irrationalities, especially dehumanization, in comparison to Web 1.0 [24. P. 184].

There is also an emerging type of reflexive rationality in the form of game-ization that produces complex ambivalences in society and thinking. It implies a combination of professional activity and principles of the game, which, under nonlinear uncertainties, allows to achieve public goals effectively [17. P. 12–18]. The game-ized practices became a part of our life: in the economic sphere, there are payments, purchases, credits, etc. in game forms; political performances allow to get ‘the second body of the king’ [13]; television produces ‘stars’; game-meetings became an integral part of international summits and diplomatic relations; the military performs specific games. Almost everybody participates in game-ization not just for fun but for pursuing pragmatic goals. Irrational and dehumanized effects of game-ization are manifested in the fact that many individuals need a spirit of passion and become psychologically dependent on a happy chance.

Digital rationality as a production of more complex vulnerabilities

Development of digital rationality means introduction of principles of artificial intelligence into all spheres of human life, including socialization, education, labor, health care, and online communication. Digitalization is an objectively demanded phenomenon which appeared under the nonlinear dynamics of rationalization, achievements and side-effects of science and technologies, ambivalences of artificial intellect. In its turn, digitalization makes a significant contribution to the nonlinear transformation of reality and provides actors with the ability of self-reflection and self-improvement. However, digitalization generates social practices with intra-systemic uncertainty, which creates objective conditions for complex vulnerabilities for society and nature. ‘Smart machines’ and artificial intelligence as complex systems are capable of self-reflection and manifesting their own ‘will’, i.e., they can get out of the human control. Thus, digital rationality contributes to the spread of vulnerabilities in the form of ‘normal accidents’ — disasters that, according to Perrow, are determined by complex social-technical systems which periodically ‘normally’ fail. Obviously, there are no simple solutions for vulnerabilities, because there are no ‘objective laws’ of mankind prosperity. However, some approaches can minimize vulnerabilities: scientific and technological innovations which involve the dispersal of energy concentrations and population in the areas of ‘normal accidents’; deconcentration of economic and political power, and improved coordination and cooperation of security services; managed openness to prevent terrorist threats; transition to an effective security culture [23]. Just an example of digital vulnerability:

the ‘independent initiative’ of a supercomputer in the new-generation passenger Boeing, designed to replace the pilot, has led to two catastrophes.

Bauman also argues that rationalization is prone to latently produce ‘collateral damage’ [1]. Not so long ago ‘collateral damage’ referred only to the military sphere; however, under the ‘liquid modernity’, due to its structural and functional complexity, unintended negative effects of human innovation activity entered everyday social life. In particular, ‘collateral damage’ is manifested in the existential insecurity of life under the ‘liquid fear’ [2], and the need for security becomes a ‘pathological dependency’. This type of insecurity is especially evident in technological innovations of the contemporary big city, which implies the ambivalent symbiosis of mixophobia (“a highly predictable and widespread reaction to the mind-boggling, spine-chilling and nerve-breaking variety of human types and lifestyles”) and mixophilia (“the bigger the city the more likely it is to attract a growing number of people”) [3. P. 86, 89]. Nevertheless, ‘normal accidents’ and ‘collateral damage’ should not be regarded as inevitable factors facilitating the spread potential disasters. People need a systematic monitoring of increasingly complex institutional systems to identify their dehumanizing effect and to at least minimize negative consequences of this effect.

Digital rationality includes the following basic components: artificial intelligence functioning as a kind of ‘non-human actant’ [18], so that social actors acquire new statuses, perform social roles online, and adapt to the global complexity and nonlinear reality; transmission mechanism to manage increasingly complex ambivalences and vulnerabilities; digital communications integrating all forms of media and used for interaction between human actors and non-human actants; means to reenchant the world — to minimize effects of excesses, especially simulations, in the contemporary life.

Vulnerabilities of digitalization differ, which is evident in national approaches to overcoming the covid-19 pandemic. The pragmatic type of digital rationality is essentially hybrid and rooted in the principles of practical, formal, instrumental rationalities and McDonaldization. All these rational practices have elements of efficiency, calculability, predictability and control. Digital rationality can be measured by the same criteria but more complex. Thus, if previously efficiency was associated with the division of labor (Durkheim) and its professionalization (Weber), today it is manifested in the integral use of human and artificial intelligence, which allows for much faster actions in the ‘space of continuity’ and ‘timeless time’ [4. P. xxxi, xl]. For instance, challenges of covid-19 led to learning and working on-line, to distant counselling and treatment, which are both attractive and useful. However, such efficiency is vulnerable and can turn into inefficiency. Thus, the spread of digital communication reduces symbolic exchange; digitalization undermines the foundations of many traditional professions and destroys the latent function of the household management — strengthening the family. Calculability focuses not so much on the material quantity of goods and services as on the quality of information provided and on the per-minute cost of

using the digital content. In cloud computing, the quantity of data has become the equivalent of quality: Big Data on consumer demands, electoral choices, prevailing diseases, etc., became a valid basis for decisions and actions. Predictability has also become more important than for formal rationality and McDonaldization — functionality of human actors and non-human actants is optimal, regardless of time and place, when and where they act. The success of banks, Internet commerce enterprises, etc., working on digital principles, is manifested in the fact that people feel comfortable in the chaotic world at the local level of everyday life, and failures of digital technologies are very rare. If the McDonaldized control is local and limited in time and menu, the digital control of artificial intelligence is almost global and has almost no human factor. The Internet market controls the supply of goods from all over the world and offers an almost unlimited variety. However, this type of control is carried out in the form of digital surveillance which becomes more widespread and developed like the Panopticon. Without a transition to real digital rationality the digital surveillance might become a nightmare.

Digital rationality presupposes a vulnerable lifestyle that implies a paradoxical synthesis of social and digital, real and virtual, rational and irrational. Many individuals try to delegate their thinking and self-reflection to artificial intelligence. Successful practices of this digital ‘dependency’ are socially constructed and incorporated into social activities — economic, political and cultural structures. Digital rationality facilitates the perception of complex and nonlinear realities, expands the number of goods and services for millions of people. Actors using artificial intelligence can take part in activities regardless of their location. The time to achieve the desired goals is drastically reduced. Digitalization promotes the affirmation of such defense mechanisms as displacement, denial and sublimation. In particular, it allows not to think about risks and vulnerabilities as inevitable dangers. For many individuals, the ability to use gadgets, digital ‘procedures’ becomes a condition for adapting to nonlinear development. Today, all kinds of digital networks develop, in which complicated exchanges take place, which creates a specific digital-network of rationality. Thus, ‘useful connections’ in business and politics, related to cloud computing, dramatically increase the functionality of individuals and collective actors (with ‘digital bodies’) under the growing uncertainty.

However, there are specific vulnerabilities when using digital resources. Not every individual is ready to rely on ‘smart’ machines due to not feeling ontological safety. According to Mosco, “people work alongside as assistants to robots and other intelligent devices smart tools... Increasingly, people give up most, if not all, control of autonomous vehicles and to the algorithms that are now trusted to make decisions in business, management, and social life... we tend to ignore that most people, both at and away from work, will establish relationships, including strong emotional tones, with intelligent devices”. Mass unemployment becomes an ‘opportunity’ because “living labor, as Marx called it, is rapidly being overtaken by the dead labor of machines”. Moreover, despite their efficiency, digital systems are “extremely vulnerable to attacks from hackers” [22. P. 54, 173, 177].

According to Greenfield, creation of ‘digital cities’ implies both the desired innovations and vulnerabilities of ‘normal accidents’ and latent ‘collateral damage’ which traumatize the public consciousness and the personal emotional sphere: computers “alter our brain”, and real empathy becomes almost impossible without a face-to-face contact and body language [9]. Digital rationality seems to replace human beings with technologies and to minimize the human factor that makes some professions functionally unnecessary. Certainly, much depends on the people — on the choice between pragmatic and humanistic types of digitalization.

Digital transformation would not create a new secular religion on the myths about ‘omnipotence’ of the digital progress and ‘universality’ of digital rationality that can lead to social happiness and prosperity. It is necessary to consider the limits of digital transformation for humanization. Digital ‘unreasonableness’ is especially evident in the higher education, when students feel themselves as objects injected with knowledge during online courses. Due to its technological nature, the pragmatic type of digitalization does not focus education on training humanistic creativity. Digital rationality often manifests itself in a kind of a ‘liquid hybrid’ of several irrational rationalities (instrumental rationality, ‘iron cage’ of rational control, McDonaldization). Some people begin to practice social actions associated with ‘edgework’ — voluntary risk-taking [20] — by relying on ‘smart machines’. Digital rationality, which implies the increasing role of artificial intelligence, Big Data and cloud computing, minimizes some simple risks but produces unintended vulnerabilities — new manifestations of hybrid irrationalities that makes people respond in a certain way to non-linearity.

To a large extent, under digitalization, the world and Russia have crossed a certain threshold of dynamic complexity — there is already a complex social-digital-natural reality full of new attractive forms of life and benefits, but also of non-linearly developed forms of previous vulnerabilities and new complex vulnerabilities predisposed to nonlinear effects. Tendencies of non-linear development traumatize society and nature in the form of ‘normal trauma’ [16. P. 150–159]. The effects of ‘normal traumas’ can be caused by non-human actants — computer networks and digital clouds, which are complex systems that can get out of the human control. Thus, social-digital realities, including, in particular, ‘smart machines’ and ‘digital cities’, ensure not only the desired innovations but also increasing vulnerabilities in the form of ‘normal traumas’. In addition, climate change affects ‘normally’ the economy, tourism, and everyday activities in general. It should be emphasized, that all these and other nonlinear vulnerabilities are directly or indirectly related to human activities in the digital sphere.

Since digital rationality became a part of our life producing complex nonlinear vulnerabilities, it is necessary to develop adequate theoretical-methodological approaches to its study, which requires a fundamentally new model of thinking about social activity in order to avoid the ‘iron cage’ of digitalization. To minimize

consequences of complex nonlinear vulnerabilities determined by digital rationality, we need: the rejection of radicalism and pragmatism to digital technologies and artificial intelligence; the humanistic modernization focused on the development of social and human capital; the eco-digital policy based on the idea that nature is not just a living environment but an organic part of the social-natural reality (social-digital-natural hybrid realities); innovative approaches [14. P. 22–30] in the form of interdisciplinary research focused on complex nonlinear vulnerabilities.

It is impossible to eliminate vulnerabilities that are attributes of the global complexity and non-linear development, but their negative consequences can and should be minimized. Digital rationality can be humanized, and at least some vulnerabilities can be eliminated. Contemporary societies have a fundamentally new task — to make digitalization, especially of education, humanistic. The concept of the humanistic digital turn, which we develop, implies the integration of digital achievements for the preservation and reproduction of basic cultural values (friendship, love, patriotism, health and collectivity [15. P. 397–405]). The humanistic type of digitalization allows social actors to effectively interact within a specific social lifestyle full of meanings and humanist narratives that minimize the vulnerabilities of the pragmatic type of digitalization. The transition to the humanistic type of digital rationality would allow to overcome its negative side-effects, because the non-linear humanistic thinking takes into account realities of digitalization, discontinuities and traumas in order to find new forms of humanism focused on the existential human needs.

References

- [1] Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge; 2011.
- [2] Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge; 2006.
- [3] Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge; 2009.
- [4] Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford; 2010.
- [5] Foucault M. On governmentality. *Ideology and Consciousness*. 1979; 6.
- [6] Foucault M. Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago; 1991.
- [7] Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York; 1979.
- [8] Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. Brighton; 1980.
- [9] Greenfield S. Computers may be altering our brains — we must ask how. *Independent*. August 12, 2011.
- [10] Habermas J. *Between Facts and Norms: Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge; 1996.
- [11] Habermas J. *The Legitimation Crisis*. Boston; 1975.
- [12] Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Reason and Rationalization of Society. Boston; 1984.
- [13] Kantorowicz E. *Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age*. Paris; 1989.
- [14] Kravchenko S.A. Dynamics of contemporary realities: Innovative approaches. *Sociological Studies*. 2015; 10. (In Russ.).
- [15] Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).

- [16] Kravchenko S.A. The birth of ‘normal trauma’: The effect of non-linear development. *Economics and Sociology*. 2020; 2.
- [17] Kravchenko S.A. The game-ization of society: Its nature, paradoxes and influence on rationality. *Russian Sociology: Changes and Issues*. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [18] Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford; 2005.
- [19] Loon J.V. *Governmentality and the subpolitics of teenage sexual risk behavior. Health, Risk and Vulnerability*. London–New York; 2008.
- [20] Lyng S. (Ed.). *Edgework: The Sociology of Risk Taking*. New York; 2005.
- [21] Mannheim K. *Man and Society: In an Age of Reconstruction: Studies in Modern Social Structure*. London; 1980.
- [22] Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley; 2017.
- [23] Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press; 2011.
- [24] Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. Pine Forge Press Publication; 2004.
- [25] Ritzer G. *The McDonaldization of Society*. London; 2013.
- [26] Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*. New York; 1949.
- [27] Weber M. *The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. New York; 1958.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17

От формальной к цифровой рациональности: побочные эффекты, амбивалентности и уязвимости*

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

В статье анализируются вызовы человеку, обществу и природе, возникшие в результате появления новых видов рациональности — они приносят людям не только желаемые блага, но и непредвиденные последствия в виде побочных эффектов, амбивалентностей и уязвимостей, которые становятся все более сложными. Формальная рациональность была фактором перехода от традиционных обществ к индустриальным, что способствовало становлению высоких стандартов жизни, однако им сопутствовали побочные эффекты в виде «железной клетки» бюрократизации, что делала отношения людей обезличенными и лишенными связывающих ценностей. С течением времени развитие формальной рациональности порождало все более сложные побочные эффекты, выразившиеся в «кризисе легитимации», «колонизации» основных функций жизненных миров, утверждении зависимости от правовой и административной бюрократии. Продолжающееся развитие формальной рациональности порождает амбивалентность: рационализация помогает людям адаптироваться к динамике социальной жизни, но возникли иррациональные последствия — достижения в области научных знаний и технологий выходят за рамки моральных сдержек. Рационализм воспроизвел «общество нормализации» и биовласть, которые породили систему тотального надзора в виде

* © Кравченко С.А., 2021

Статья поступила 03.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

паноптикума, охватившего все общество. Макдональдизация — форма современной формальной рациональности — ухудшила ситуацию посредством глобального производства дегуманизованного ничто. Цифровая рациональность, основанная на принципах искусственного интеллекта, создает объективные условия для сложных уязвимостей в виде «нормальных аварий» и «сопутствующего ущерба». Автор утверждает, что цифровая рациональность обретает два основных типа, которые культурно детерминированы: прагматический тип — гибридная рациональность, коренящаяся в принципах практической, формальной, инструментальной рациональности и макдональдизации; субстантивный цифровой тип — рациональность, акцентирующая значимость человеческих потребностей и онтологической безопасности. Для сведения к минимуму последствий уязвимостей цифровой рациональности прагматического типа и избегания вхождения в «железную клетку» цифровизации предложены: отказ от радикализма и прагматизма в отношении цифровых технологий и искусственного интеллекта; гуманистически ориентированная модернизация; экоцифровая политика; междисциплинарные исследования, нацеленные на изучение сложных уязвимостей нелинейного типа.

Ключевые слова: рациональность; глобальная сложность; нелинейность; побочные эффекты; амбивалентность; уязвимости; дегуманизация; «железная клетка» цифровизации; гуманизм

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-18-35

Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе*

Т.С. Мартыненко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
(e-mail: ts.martynenko@gmail.com)

В статье представлен обзор исследований, посвященных факторам, которые влияют на здоровье человека в современном городе. Увеличение численности городского населения обуславливает необходимость анализа факторов (экологических, социальных и др.) и особенностей городского устройства с точки зрения их влияния на качество и уровень жизни. При этом оценки города в контексте изучения здорового образа жизни весьма противоречивы. С одной стороны, исследователи подчеркивают доступность медицинской помощи, эффективную борьбу с инфекционными заболеваниями, многочисленные попытки преобразования визуального городского пространства. С другой стороны, отмечают пространственное неравенство городского устройства (например, в доступе к качественной медицине), распространение в городах неинфекционных заболеваний и болезней образа жизни, разрушение социальных связей и проблему одиночества. В связи с этим представляется необходимой систематизация существующих исследований, выявление основных рисков городского образа жизни и обсуждение роли социальных наук в этих междисциплинарных исследованиях. В основу типологии исследований здоровья человека в современном городе было положено обоснованное Ю.П. Лисицыным соотношение факторов, определяющих уровень здоровья. Проведенный анализ показал, что, хотя многие исследования претендуют на комплексный подход, чаще всего их можно отнести к одному из трех направлений: рассматривающие санитарно-гигиенические особенности городского пространства (или медицинские аспекты); фокусирующиеся на экологии и архитектуре городского пространства; исследования, в центре внимания которых находятся социальные и психологические особенности городского образа жизни в контексте здоровья человека. Систематизация основных рисков городского образа жизни позволяет обозначить наиболее приоритетные направления его изучения. Так, на основе анализа особенностей распространения пандемии covid-19 в городах делается вывод о необходимости более активного участия социологов в обсуждении как инфекционных, так и неинфекционных заболеваний — с точки зрения социальных факторов их распространения, протекания, профилактики и борьбы с ними.

Ключевые слова: образ жизни; урбанизация; здоровый город; общественное здоровье; социальная экология; повседневные практики; неинфекционные заболевания; инфекционные заболевания

* © Мартыненко Т.С., 2021

Статья поступила 13.06.2020 г. Статья принята к публикации 01.10.2020 г.

Здоровье человека в городе как предмет междисциплинарного анализа

Одной из актуальных тематик современных наук являются особенности образа жизни и их влияние на здоровье человека. При всем многообразии вопросов, связанных со здоровьем человека, особое место сегодня занимают проблемы городского образа жизни, поскольку города — это пространства, в которых концентрируются основные человеческие, экономические и иные ресурсы. По данным ООН, число городских жителей сегодня не только превышает количество сельских, но и продолжает увеличиваться, обещая достигнуть к 2050 году отметки в 68% (1). Вместе с ростом городов будут актуализироваться социальные проблемы, связанные с болезнями, которые обусловлены городским образом жизни и особенностями устройства городов. При этом современные исследования здоровья человека, в том числе посвященные вопросам долголетия и качества жизни в пожилом возрасте [5], демонстрируют, что лучшие с этой точки зрения места жизни имеют мало общего с городским пространством. Кроме того, в связи с ростом городского населения неудивительно, что вопросы здоровья человека в городе поднимаются не только учеными, но и политиками. Так, Московский урбанистический форум 2019 года был полностью посвящен рассматриваемой проблематике и носил соответствующее название — «Качество жизни. Проекты, меняющие города». На форуме обсуждались новые идеи и проекты, которые позволяют обеспечить высокое качество городского пространства, прежде всего, с точки зрения общественного здоровья (2).

Цель статьи — обзор и систематизация основных исследований влияния среды на здоровье человека в контексте городского образа жизни, а также описание подходов к классификации его основных рисков. Статья не претендует на полное описание столь широкого проблемного поля, но намечает основные направления таких исследований, что позволит не только оценить текущее состояние исследовательского поля, но и определить траектории дальнейшего изучения здоровья человека в современном городе.

В настоящее время этими вопросами занимаются не только специалисты в области медицины, но и социологи, психологи, экологи, экономисты и др. При всей актуальности и востребованности проблематики исследователи часто игнорируют комплексный характер болезней образа жизни, свойственных человеку в современном городе. С одной стороны, не учитываются особенности социальных процессов, непосредственно влияющих на здоровье человека, например, стигматизация отдельных заболеваний, социальная эксклюзия групп и индивидов, экология города и реакции городов на экологические вызовы современности, цифровизация городской среды и миграционные тенденции. С другой стороны, не принимается во внимание тот факт, что города становятся центрами распространения новых социальных практик, которые также оказывают влияние на образ жизни (например, экологические движения и практики). Статья не нацелена на рассмотрение конкретных

соматических или ментальных заболеваний, особенностей их этиологии, патогенеза, диагностики и лечения, но анализирует социальные аспекты ряда заболеваний, социальные факторы, влияющие на их возникновение или протекание, и их социальные последствия. Соответственно, «болезни городского образа жизни» — это, прежде всего, те заболевания, которые связаны с особенностями социальных практик горожан, организацией городского пространства и собственно образом жизни в городе. Этой категории близко понятие «болезни цивилизации» — «заболевания, связанные с духовным неблагополучием, нарушением морально-нравственных норм и механизмов адаптации к неблагоприятным факторам антропогенно-измененной среды в условиях стремительного роста научно-технического прогресса» [1. С. 8].

Основные подходы к изучению здоровья человека в городе

На протяжении всей истории человечества урбанизация, с одной стороны, способствовала распространению более высоких стандартов жизни (город традиционно является центром инноваций), с другой — имела негативные социальные последствия для больших групп. В условиях концентрации людей в городах быстро распространялись заболевания, превращавшиеся в эпидемии и пандемии. Преобразование естественной среды в городскую сопровождалось адаптацией человеческого организма к искусственно увеличенной продолжительности дня. Не менее значимы и социальные последствия городской жизни, в числе которых, например, одиночество, разрушение социальных связей и рост преступности. С развитием городского транспорта и медицины, систем водоснабжения и отопления, распространением новейших технологий, моделей городского планирования и обеспечения, возникновением нового уровня «связанности» [8] городского пространства человечество достигло современного качества жизни, но столкнулось с новыми болезнями — образа жизни. Города не только порождают социальные проблемы, но и негативно сказываются на здоровье человека.

Исследования образа жизни и здоровья человека в городе отличает избирательный характер рассмотрения этих проблем, например, приоритет отдается соматическим заболеваниям. Наиболее обсуждаемые проблемы городского образа жизни — ожирение, распространение онкологических болезней и болезней сердечно-сосудистой системы. Основные риски здоровью человека в современном городе связаны с распространением неинфекционных заболеваний и дорожно-транспортным травматизмом (3). Тем не менее, пандемия covid-19 и тот факт, что одной из ведущих причин смерти по-прежнему остаются некоторые инфекционные заболевания (например, туберкулез), не позволяют сосредоточиться лишь на неинфекционных заболеваниях (4). Более того, по расчетам экспертов ООН, численность населения достигнет к 2050 году 9,7 млрд (в 2019 — 7,7), основной прирост городского населения наблюдается в развивающихся странах, что может способствовать периодическим всплескам инфекционных заболеваний (1).

Интенсивный рост исследований особенностей городского образа жизни и их влияния на здоровье человека начался в XX веке, что связано с высокими темпами роста городов и их населения. Перед исследователями (социологами, биологами, психологами, экологами и др.) встали новые вопросы — связанные со спецификой жизни в городах, хотя интерес к образу жизни и общественному здоровью возник существенно раньше [16]. В науке нет единого определения понятия «здоровье», но общепринятым считается приведенное в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): «здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». В социальных науках часто используется понятие «общественное здоровье» — «интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества» [21. С. 123].

Прежде чем приступить к систематизации публикаций, посвященных здоровью человека в современном городе, следует подчеркнуть некоторые их особенности, которые во многом обусловлены предметом исследования, его многогранностью. Во-первых, большая часть публикаций, претендующих на изучение широкого круга вопросов по рассматриваемой теме, — это сборники статей, которые объединяют под своей обложкой представителей разных дисциплинарных направлений. Во-вторых, публикации, анализирующие факторы здоровья человека в городе, часто являются совокупностью отдельных исследований пространства конкретных городов и предваряются незначительным теоретическим введением. В-третьих, исследователи редко обращают внимание на размер города, но фактически в центре внимания чаще всего находятся крупные города: мегаполисы или городские агломерации.

Чтобы представить материал в систематизированном виде, был выделен ряд направлений на основе расчетов влияния различных факторов на здоровье Ю.П. Лисицына: на образ жизни приходится 50–57%, на окружающую среду — 20–25%, на генетические факторы — 15–20%, на систему здравоохранения — 10–15% [17]. Большинство публикаций, посвященных здоровью человека в городском пространстве, можно отнести к одному из трех направлений, поэтому были выделены три большие группы: публикации, в которых центральное место занимают санитарно-гигиенические условия городской жизни; публикации, где ключевым фактором выступает окружающая среда (в широком смысле — от экологии города до его архитектуры); и публикации, в которых рассматриваются преимущественно социальные, социально-психологические и психологические аспекты городского образа жизни. Такая классификация позволит зафиксировать ключевые проблемы городов и их жителей в контексте общественного здоровья.

Санитарно-гигиенические и медицинские условия городской жизни. Исторически большинство ученых, анализирующих жизнь и здоровье человека в городе, акцентировали внимание на санитарных характеристиках городского пространства. Традиционно основные риски жизни в городе были

связаны с распространением инфекционных заболеваний, причем даже после открытия антибиотиков.

Широко распространенным в оценках влияния города на здоровье стало противопоставление города и сельской местности. Эти исследования носят противоречивый характер, поскольку в работах, в центре внимания которых находятся санитарно-гигиенические аспекты городского устройства, сельская местность обычно проигрывает городу. Причины — доступ к системе здравоохранения, а также образ жизни, предполагающий иную по сравнению с селом гигиеническую культуру и относительно регулярное посещение врачей (как минимум в силу большей обеспеченности ими). Кроме того, согласно результатам исследований, вопреки распространенному мнению, заболеваемость сельских жителей иногда существенно выше, чем городских [17]; с увеличением численности населения города снижается риск неинфекционных заболеваний и возрастает риск инфекционных [58].

В данном направлении исследований можно выделить несколько тематических блоков. Во-первых, работы, описывающие санитарно-гигиеническое состояние городов в определенный исторический период. Они расширяют наши представления об особенностях времени, условиях жизни, повседневных практиках и отдельных аспектах городской жизни [31; 41] и могут лечь в основу преобразования территорий, далеких от оптимального состояния (например, трущоб и др.). Эти работы отличает опора на статистические данные, например, о жилищах (количество домов, подключенных к системам канализации и отопления, плотность проживания), системе медицинской помощи (количество врачей, больниц, поликлиник на душу населения, охват диспансеризацией) и др.

После возникновения национальных и глобальных организаций, занимающихся вопросами здравоохранения и контролем за эпидемиологической ситуацией (например, Роспотребнадзор, ВОЗ и др.), большая часть обобщающих работ о санитарно-гигиенических особенностях и эпидемиологических рисках публикуется именно ими, поскольку далеко не все исследовательские центры и, тем более, отдельные ученые обладают доступом к актуальной информации и могут ее данные интерпретировать. Например, ВОЗ обобщает данные национальных центров в документе «Global Health Observatory», обозначая основные тенденции общественного здоровья в мире. ВОЗ периодически публикует доклады, включая ежегодный доклад о здоровье в мире (5), материалы об отдельных аспектах общественного здоровья (6) и их социальных последствиях (7).

Вторая группа публикаций фокусируется на развитии и совершенствовании системы здравоохранения, разработке систем контроля распространения заболеваний [59; 61], изменении транспортных систем [34; 48], внедрении цифровых технологий в повседневные практики заботы о здоровье и систему здравоохранения [36; 47]. Речь идет о системах контроля за жизненными показателями (self-tracking), использовании телемедицины и т.п., которые

получают распространение преимущественно в городах [20; 28]. Ряд авторов обсуждают возможности использования систем GPS, GIS и др. для изучения распространения заболеваний и возникновения угроз здоровью человека [44].

Экология и архитектура городского пространства. Это направление связано с медицинским, но имеет ряд особенностей. Работы в рамках данного направления можно условно разделить на две группы: первая включает исследования, посвященные негативному влиянию загрязнений окружающей среды (в том числе в современных городах) на здоровье человека — загрязнений воздуха (8) и воды, климатических изменений, токсичных веществ и др. Описания состояния окружающей среды и оценки его влияния на здоровье встречаются в публикациях крупных национальных и глобальных организаций (9). Так, ВОЗ разделяет факторы общественного здоровья на три группы: жилищные условия (например, сырость, отсутствие ванны или душа и др.) — отвечают, прежде всего, за распространение инфекционных заболеваний, поскольку отсутствие канализации, плотность населения и т.п. ему способствуют; травматизм (ДТП, производственные травмы и пр.) — например, транспортная система — один из ключевых рисков городского образа жизни; экология — зеленые территории, отсутствие шума и дыма, т.е. некоторый ограниченный набор показателей (10). Важным аспектом городской жизни, который анализируют ученые, является влияние климатических изменений на жизнь и здоровье жителей современных мегаполисов. Так, города, покрытые асфальтом, сложнее переносят периоды аномальной жары [32; 56]. Кроме того, изменения климата расширяют ареалы распространения некоторых насекомых, которые являются переносчиками заболеваний, поэтому под влиянием климатических изменений возможно появление нетипичных для городов заболеваний (11) [27].

Вторая группа включает исследования, связывающие болезни горожан с нарушениями взаимодействия человека с природой, невозможностью полноценной адаптации человеческого организма к современному образу жизни, обусловленному, прежде всего, новыми технологиями [1]. Особый акцент делается на обеспечении продовольствием и специфике пищевых практик в современных городах [26; 49], а также на роли зеленых территорий в городе [23; 32].

Поскольку город представляет собой преобразованную человеком окружающую среду, неудивительно, что свой вклад в разработку вопросов здорового образа жизни внесли архитекторы. Уже в работах испанского архитектора И. Серды [55], руководившего расширением Барселоны, прослеживаются идеи взаимосвязи здоровья человека с качеством городской среды, например, особенности европейских городов (узкие улицы, небольшие расстояния, плотность населения) часто становились причинами эпидемий. Но не только европейские архитекторы задаются подобными вопросами: можно назвать О. Нимейера [7], проектировавшего новую столицу Бразилии во второй половине XX века, Л. Мамфорда [54], задававшегося вопросом развития здорового (физически и ментального) человека при помощи архитектуры, В.А. Филина,

занимавшегося изучением влияния визуальной городской среды на физическое состояние человека («видеоэкология») [29], Дж. Джекобс [13], фиксировавшую особенности социальной жизни городов в контексте городского планирования.

Сегодня повышение качества городской среды — широко обсуждаемая тема, давно преодолевшая границы научного сообщества, поэтому большинство публикаций в рамках данного направления сфокусировано на конкретных реализованных архитектурных и градостроительных решениях без их теоретического обоснования [19]. Особое внимание уделяется дизайну городского пространства [38], разработке и реализации проектов преобразования городской среды [24], историческим аспектам взаимосвязи архитектуры и социальных отношений [3]. Работы Я. Гейла занимают здесь особое место, поскольку описывают не только архитектурные решения, но и их психологические аспекты [10].

Социально-психологические аспекты городской жизни. Болезни и их последствия для человека и общества всегда интересовали специалистов в области социальных наук. Еще классики социологии описывали города как особые социальные пространства, сравнивали их с сельской местностью, выделяли специфические черты [14], а работы представителей Чикагской школы, в том числе Л. Вирта, запустили новый виток исследований городского образа жизни. Именно Вирт определил «урбанизм» как «набор характеристик, составляющих образ жизни, типичный для городов» [9. С. 17]. Исследования социально-психологических аспектов жизни человека в современном городе часто носят критический характер: в одних работах на примере конкретных городов показаны проблемы городского образа жизни, в других работах, наоборот, описаны успешные городские проекты, последовательность шагов в построении здорового города. Встречаются и публикации, в которых город представлен как достижение человечества и наилучший способ организации его жизни [11]. Многие авторы подчеркивают специфику жизни в больших городах, выделяя особенности восприятия этого опыта [42; 52; 53]. Результаты современных исследований указывают на взаимосвязь между степенью урбанизированности и психическими заболеваниями [53], а также на необходимые трансформации городского пространства для снижения негативных последствий для психики [24].

Таким образом, в этих исследованиях, наряду с соматическими заболеваниями, большое внимание уделяется ментальным заболеваниям, провоцировать которые может городская среда. Авторы, анализирующие социально-психологические аспекты жизни в современных городах, подчеркивают роль расстояний (например, количество времени, которое нужно затратить, чтобы добраться до работы), факторов стресса (особенности устройства городов: типики, неприятные запахи и т.п.) и объектов, которые негативно сказываются на уровне жизни, хотя могут иметь важное стратегическое значение для города (например, близость к аэропорту или крупному заводу) [2; 18].

Важнейшим фактором остается влияние города на взаимоотношения: ощущение причастности сообществу, установление и поддержание дружеских и семейных связей, соседство и т.д. Многие авторы раскрывают взаимосвязь архитектурных стилей, внешних и внутренних особенностей домов с психологическим состоянием, например, с чувством защищенности и психологическим комфортом. В этом контексте анализируется высота потолков, возможность ощутить связь с природой, геометрические характеристики домов и городских пространств. Однако удачные архитектурные решения далеко не всегда положительно влияют на психосоматическое здоровье [15].

В современной научной литературе можно выделить отдельное направление, в центре внимания которого находятся новые социальные практики, призванные преодолеть негативные последствия городского образа жизни. Во-первых, широкое распространение в городах получает деятельность, связанная с экологическими вопросами (сортировка мусора, сбор макулатуры, вегетарианство или осмысленное потребление). Во-вторых, чтобы справиться с информационной перегрузкой, возникают практики цифрового детокса, обретает популярность функция контроля экранного времени на электронных устройствах. В-третьих, появляются социальные практики, призванные бороться с одиночеством в городе, создавать новые социальные связи [12].

В целом работы социально-психологического блока рассматривают разные факторы здоровья человека в современном городе, часто совмещая их с медицинскими или инвайронментальными аспектами. Встречаются и исследования, рассматривающие влияние города на здоровье через призму гендера [15; 25; 68] или культуры [6]. Российские социологи под руководством Л.А. Штомпель провели исследование аудиовизуальной среды разных по размеру городов [30]. Многие авторы отмечают роль социального неравенства как фактора здоровья [4; 40] и распределение инвайронментальных рисков (12). Встречаются работы, в которых город рассматривается через призму системного подхода [43]. Социологические исследования оценивают и пространственное неравенство в современных городах — неравный доступ жителей разных районов к инфраструктуре, способствующей поддержанию здоровья (зеленые зоны) или оказанию медицинской помощи (доступ к качественному здравоохранению, узким специалистам и др.). Тем самым социальные науки, особенно если опираются на данные медицины и статистики, объединяют различные аспекты изучения болезней образа жизни в современном городе, обсуждая вопросы доступа к системам здравоохранения через призму социального неравенства и роли сообществ [35].

Типологии рисков городского образа жизни

Важное место среди работ, посвященных городскому образу жизни и его влиянию на здоровье, занимают публикации, в которых здоровье человека в современном городе рассматривается через совокупность рисков, которым оно подвергается. Один из классических подходов к классификации рисков,

который применим для изучения городского пространства, — это исследование ВОЗ, выявляющее основные причины смертности: насилие, экологические риски, осложнения при родах, инфекционные заболевания и др. (13). На основе данных из национальных статистических отчетов ВОЗ удалось определить связь между уровнем дохода страны и наиболее распространенными причинами смерти: в странах с высоким уровнем доходов основные риски здоровью связаны с распространением неинфекционных заболеваний (далее — НИЗ), в то время как в странах с низким уровнем доходов преобладают инфекционные заболевания. В мировой статистике за период с 2000 по 2016 годы произошли изменения: если в 2000 году 5 из 10 основных причин смерти приходились на инфекционные заболевания, то в 2016 году их стало 3. По мнению ВОЗ, в городах наблюдаются аналогичные процессы: на первый план выходят НИЗ (сердечно-сосудистые заболевания, онкологические и др.). Однако этот подход недостаточен для изучения болезней образа жизни, поскольку они могут долгое время не приводить к летальному исходу, но существенно снижать качество жизни, ограничивая социальную активность и возможности.

А.В. Прокофьева и Н.А. Лебедева-Несевря предлагают делить риски на две группы: внешне-средовые — «загрязнение атмосферного воздуха токсичными выбросами автотранспорта, шумовое загрязнение городской среды, загрязнение питьевой воды промышленными сточными водами», и социальные — «атомизация городского сообщества, доминанта “обезличенного” взаимодействия, высокий уровень социального неравенства, преимущественно сидячий образ жизни» [22. С. 145].

В последние годы, с ростом популярности (пусть и весьма противоречивой) концепции устойчивого развития все чаще стали обсуждаться «устойчивые города». Концепция устойчивого развития включает экономический, экологический и социальный аспекты и основана на 17 целях, принятых в 2015 году в документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Одна из этих целей — устойчивые города, предполагающие такую систему устройства городского пространства, которая позволит сделать жизнь людей более здоровой (зеленые зоны, развитие общественных пространств, обеспечение местами для проживания, соответствующими санитарно-гигиеническим требованиям и др.) и сохранить ресурсы для будущих поколений (защита от климатических изменений, предотвращение экологических рисков и т.п.). По сути, все риски городского образа жизни подразделены на три группы: экономические, экологические и социальные. Большинство публикаций, посвященных этой теме, сопряжены с концепцией умного города [46; 62; 64; 65]. Поскольку в ближайшие годы урбанизация затронет, прежде всего, Азию, то чаще всего публикации посвящены именно этому региону [39; 63].

В междисциплинарных исследованиях предпринимается попытка охватить всю совокупность факторов, оказывающих влияние на здоровье человека

в городе, что, однако, не гарантирует системности изложения — чаще всего это просто перечисления основных проблем современных городов и их влияния на здоровье [37]. Интересную типологию рисков городского образа жизни предложил А. Крамер с коллегами [45]: инвайронментальные риски (загрязнение, глобальное потепление); социальные (коммерциализация здоровья, миграция, неформальная занятость); пространственные (географические особенности распределения рисков, социальная дезорганизация); риски ограниченности ресурсов (продовольственная безопасность) [45. С. 5]. Немецкие исследователи предложили многоуровневую модель изучения здоровья в городах: макроуровень (региональный или глобальный) — изменения климата, международные соглашения и программы, связанные со здоровьем, экономикой, бедностью и др.; уровень соседства — социальные, культурные, политические, институциональные и факторы окружающей среды; уровень домохозяйства — качество жилья, социально-экономические и факторы среды; индивидуальный уровень — личные характеристики и поведение [45. С. 11].

Дж. Стюарт и З. Линч разработали модель инвайронментального здоровья (в контексте окружающей среды) как совокупности факторов, связанных, прежде всего, с качеством тех пространств (дом, офис и т.д.), в которых проводит свое время горожанин [60. С. 2]. Факторы, влияющие на здоровье человека, рассматриваются через следующие измерения: среда обитания (дом, работа, отдых и другие значимые для человека пространства и особенности их организации с точки зрения влияния на здоровье); факторы, формирующие среду обитания — вода, воздух, еда, почва, здания; стресс-факторы (биологические, химические, физические, социальные, психосоциальные).

Специалисты в области социальной эпидемиологии также разрабатывают междисциплинарный подход к изучению факторов общественного здоровья в городе. Дж. Каплан предлагает исследовать их в следующих контекстах, расположенных от общего к частному [50]: социальная и экономическая политика; деятельность социальных институтов; соседство/сообщество; условия жизни; социальные отношения; индивидуальные факторы риска; генетические особенности; патофизиологические механизмы. Все эти факторы общественного и индивидуального здоровья должны рассматриваться через призму окружающей среды и жизненной траектории человека, т.е. учитывать, например, гендерные и расовые особенности жителей городов, а также трансформацию их роли по мере взросления [см. схожую многофакторную модель в: 51; 66].

О. Грюбнер с коллегами выделил две группы факторов, оказывающих влияние на здоровье человека в городе: во-первых, социальные факторы риска — скопления людей с низким социально-экономическим статусом (уровень образования и дохода); низкий уровень социального капитала (например, социальной поддержки); социальная сегрегация (принадлежность к меньшинствам, этническим группам) [57. С. 122]; во-вторых, факторы риска городской среды — высокие уровни загрязнения (воздуха, воды), шум,

особенности городского дизайна (например, высокие здания могут восприниматься как оказывающие давление на человека) и другие физические угрозы (проектирование, насилие и т.д.) [57. С. 123–124].

Наиболее продуктивна та типология, что фиксирует, помимо всего прочего, особенности образа жизни в городах. Соответственно, можно разделить источники рисков для здоровья в городах на несколько групп: *риски городской среды* — особенности организации городского пространства, которые сами по себе являются факторами, негативно влияющими на здоровье человека (световое загрязнение, шум, загрязнения воды, воздуха, почвы, агрессивная визуальная среда, негативные последствия климатических изменений и др.); *риски городского устройства* — специфические характеристики городов (отличающие их, прежде всего, от сельской местности), следствием которых с высокой долей вероятности является вред здоровью (например, высокая концентрация населения и организация трудовой деятельности); *риски городского обеспечения* — особенности утилизации отходов, транспортировки продуктов, функционирования транспортных сетей и систем коммуникаций могут оказывать косвенное влияние на состояние здоровья; *риски городского образа жизни и социальные риски*, определяемые особенностями повседневных социальных практик горожан (распространение вредных привычек, практики питания и самосохранительного поведения, стигматизация заболеваний, психические проблемы, социальное неравенство, гиподинамия, преступность и др.).

Перспективы изучения здоровья человека в городе

Несмотря на то, что, по понятным причинам, медицинские исследования здоровья человека в городском пространстве преобладают, все более важную роль в изучении болезней образа жизни играют социальные науки. Во-первых, социальная обусловленность многих заболеваний не вызывает сомнений, что связано не только особенностями их распространения, но и с социальными факторами — глобализацией и миграционными процессами. Во-вторых, для распространения заболеваний важно и восприятие болезни (риска заражения) общественным мнением. Пандемия covid-19 — наглядный пример того, как государственные меры по предотвращению распространения вируса оказываются неэффективными вследствие особенностей их восприятия.

В марте 2020 года ВОЗ разработала руководство по созданию системы мониторинга восприятия рисков, поведения, знаний и доверия населения в целях разработки ответных мер в условиях пандемии (14). Поскольку ключевыми в борьбе с коронавирусной инфекцией долгое время считались карантинные меры, важно понимать, насколько серьезно население воспринимает санитарно-гигиенические требования и указания правительств по соблюдению режима самоизоляции, ограничению социальных контактов, участию в общественной жизни и заботе о здоровье. Поскольку в нашей стране (как, например, и в Индии) широко распространена проблема самолечения (в том числе по причине доступности лекарственных препаратов, например,

антибиотиков широкого спектра, а также отсутствия у населения адекватного представления о вирусных и бактериальных инфекциях) и низок уровень доверия к системе здравоохранения, изучение восприятия заболеваний и мер по их профилактике, лечению и ограничению распространения выходит на первый план. ВОЗ выделяет здесь несколько аспектов: «уровень общественного доверия к органам здравоохранения, а также к распространяемым ими рекомендациям и информации; восприятие населением рисков; принятие рекомендуемых правил поведения; уровень информированности; препятствия/стимулы для следования рекомендуемым правилам поведения; неверное восприятие информации; стигматизация» (15). Каждый аспект требует социологического анализа и обоснования.

Кроме того, ВОЗ предполагает, что наиболее эффективны для информирования населения местные сообщества, в которых люди проводят большую часть времени, что ставит перед социологами задачу по их определению в условиях конкретной страны или региона. Разработка эффективной модели взаимодействия с локальными сообществами и волонтерскими организациями может способствовать более строгому выполнению санитарно-гигиенических требований. В условиях широкого распространения Интернета изменить поведение людей могут и лидеры мнений или даже микроинфлюенсеры, а не официальные представители государственных структур. Причем ситуация пандемии, в которой оказалось население всего мира в 2020 году, наиболее серьезно сказалась на жителях крупных городов. Несмотря на то, что мегаполисы обычно обладают наиболее развитой системой медицинской помощи, специфика социальных практик, обусловленная плотностью населения и многочисленными повседневными контактами, ухудшила положение горожан в тяжелой эпидемиологической ситуации. Сегодня общественность и научное сообщество обсуждают, скажется ли долгий период самоизоляции и карантина в крупных городах на привычных социальных практиках.

Таким образом, несмотря на продолжительную историю изучения болезней образа жизни и здоровья человека в городском пространстве, сегодня можно говорить лишь о попытках проведения комплексных исследований. Обзор публикаций по рассматриваемой теме позволяет обозначить несколько перспективных направлений ее дальнейших исследований. Во-первых, это изучение неоднородности городского пространства с точки зрения его влияния на здоровье. Города не должны рассматриваться как гомогенные пространства — необходимо учитывать неравномерность распределения важных для здоровья ресурсов (не только зеленых зон и медицинской помощи, но и доступа к сообществам). Во-вторых, это исследования глобальных факторов общественного здоровья, в том числе в городах (миграция, изменения климата и др.). Сегодня лишь незначительное число авторов пытается рассмотреть здоровье человека в городе как обусловленное совокупностью факторов — глобальных и региональных [67]. В-третьих, это разработка проектов междисциплинарного сотрудничества, особенно в сфере профилактики и контроля над заболеваниями.

Это лишь некоторые из перспективных направлений исследований, реализация которых может положительно сказаться на состоянии здоровья жителей современных городов. Поскольку большая часть мира уже проживает в городах, разработка мер по сохранению и улучшению здоровья горожан и качества их жизни в конечном счете окажет положительное влияние на развитие современных обществ.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-113-50580 «Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе».

Примечания

- (1) Население мира растет, стареет и переезжает в города. 1.04.2019 // URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352171>.
- (2) Качество жизни. Проекты, меняющие города // URL: <https://mosurbanforum.ru/archive/2019>.
- (3) The Power of Cities: Tackling Noncommunicable Diseases and Road Traffic Injuries. 31.10.2019 // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/feature-stories/detail/new-who-report-to-bolster-efforts-to-tackle-leading-causes-of-urban-deaths>.
- (4) 10 ведущих причин смерти в мире. 24.05.2018 // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>.
- (5) World Health Statistics 2020: Monitoring Health for the SDGs, Sustainable Development Goals. Geneva, 2020.
- (6) State of Inequality. Reproductive, Maternal, Newborn and Child Health. 2015 // URL: https://www.who.int/docs/default-source/gho-documents/health-equity/state-of-inequality/state-of-inequality-reproductive-maternal-new-born-and-child-health.pdf?sfvrsn=f4034289_2.
- (7) Public Spending on Health: A Closer Look at Global Trends. 2018 // URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/276728/WHO-HIS-HGF-HF-WorkingPaper-18.3-eng.pdf?ua=1>.
- (8) New Report Outlines Air Pollution Measures that Can Save Millions of Lives. 30.10.2018 // URL: <https://www.unenvironment.org/news-and-stories/press-release/new-report-outlines-air-pollution-measures-can-save-millions-lives>.
- (9) Global Environment Outlook GEO-6. Healthy Planet, Healthy People. 2019 // URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27539/GEO6_2019.pdf?sequence=1&isAllowed=y; Окружающая среда // URL: <https://gks.ru/folder/11194>; World Social Report 2020. Inequality in a Rapidly Changing World // URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/01/World-Social-Report-2020-FullReport.pdf>.
- (10) Неравенства в отношении экологических условий и здоровья в Европе. Доклад о проведенной оценке. Рабочее резюме. ВОЗ. 2012 // URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/162528/EH-inequalities-in-Europe_ES_Russian.pdf?ua=1.
- (11) WHO: 12 Climate Change and Human Health — Risks and Responses. Geneva, 2003.
- (12) *Gobert J.* Environmental inequalities // Encyclopedia of the Environment. 07.02.2019 // URL: https://www.encyclopedie-environnement.org/en/society/environmental-inequalities/#1_How_to_define_environmental_inequality.
- (13) World Health Statistics 2020: Monitoring Health for the SDGs, Sustainable Development Goals. Geneva, 2020.
- (14) Covid-19 Snapshot Monitoring: Мониторинг восприятия рисков, поведения, знаний и доверия среди населения страны для создания национальных пандемических ответных мер — руководство ВОЗ // URL: <https://www.psycharchives.org/handle/20.500.12034/2392>.

- (15) Инструмент ВОЗ для анализа поведенческих факторов, связанных с covid-19. 2020 // URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov-technical-guidance-OLD/who-tool-for-behavioural-insights-on-covid-19>.

Библиографический список / References

- [1] Агаджанян Н.А., Чижев А.Я., Ким Т.А. Болезни цивилизации // Экология человека. 2003. № 4 / Agadzhanyan N.A., Chizhov A.Ya., Kim T.A. Bolezni tsivilizatsii [Civilization diseases]. *Ekologiya Cheloveka*. 2003; 4. (In Russ.).
- [2] Адли М. Стресс в большом городе. М., 2019 / Adli M. *Stress v bolshom gorode* [Stress and the City]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [3] Архитектура и социальный мир / Отв. ред. И.А. Добрицына. М., 2012 / *Arkhitektura i sotsialny mir* [Architecture and Social World]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [4] Браун В.Дж., Русинова Н.Л. Социальные неравенства и здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1 / Brown V.J., Rusinova N.L. Sotsialnye neravenstva i zdorovie [Social inequalities and health]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii*. 1999; 2 (1). (In Russ.).
- [5] Бюттнер Д. Голубые зоны на практике. Как стать долгожителем. М., 2017 / Byuttner D. *Golubye zony na praktike. Kak stat dolgozhitelem* [The Blue Zones Solution. Eating and Living Like the World's Healthiest People]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [6] Вахитов Д.Р., Ибрагимов Л.Г., Сагитов С.М., Зенковская В.Е. Культурно-демографические процессы и тенденции здоровья населения в современных городах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 / Vakhitov D.R., Ibragimov L.G., Sagitov S.M., Zenkovskaya V.E. Kulturno-demograficheskie protsessy i tendentsii zdoroviya naseleniya v sovremennykh gorodakh [Cultural-demographic processes and health trends in contemporary cities]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
- [7] Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Бразильская мозаика. Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Бразилия в зеркале современной урбанистики // Латинская Америка. 2018. № 7 / Vershinina I.A., Martynenko T.S. Brazilskaya mozaika. Rio-de-Zhaneiro, San-Paulu, Brasilia v zerkale sovremennoi urbanistiki [Brazilian mosaic. Rio de Janeiro, São Paulo, Brasilia in the mirror of contemporary urban studies]. *Latinskaya Amerika*. 2018; 7. (In Russ.).
- [8] Вершинина И.А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2 / Vershinina I.A. Reprezentatsiya vlasti v gorodskom prostranstve: kontseptsiya Görana Therborna [Representation of power in the urban space: Göran Therborn's theory]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 2. (In Russ.).
- [9] Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М., 2018 / Wirth L. *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [10] Гейл Я. Города для людей. М., 2012 / Gehl J. *Goroda dlya lyudei* [Cities for People]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [11] Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М., 2015 / Glaeser E. *Triumf goroda. Kak nashe velichaishee izobretenie delaet nas bogache, umnee, ekologichnee, zdorovee i schastlivee* [Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [12] Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М., 2017 / *Gorozhanin. Chto my znayet o zhitele bolshogo goroda?* [Citizen. What do We Know about the Citizen of the Big City?]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [13] Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2015 / Jacobs J. *Smert i zhizn bolshikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [14] Ильмухин В.Н. Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия: Социология.

2014. № 3 / Ilmukhin V.N. Gorodskaya sreda kak faktor determinatsii povedencheskikh praktik: varianty sotsiologicheskoi kontseptualizatsii [Urban environment as a determinant of behavioral practices: Formats of sociological conceptualization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 3. (In Russ.).
- [15] Кидуэлл П. Психология города. Как быть счастливым в мегаполисе. М., 2018 / Keedwell P. *Psikhologiya goroda. Kak byt schastlivym v megapolise* [Headspace. The Psychology of City Living]. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [16] Лисицын Ю.П., Журавлева Т.В., Хмель А.А. Из истории изучения влияния образа жизни на здоровье // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 2 / Lisitsyn Yu.P., Zhuravleva T.V., Khmel A.A. Iz istorii izucheniya vliyaniya obraza zhizni na zdorovie [From the history of the study of life style influence on health]. *Problemy Sotsialnoi Gigieny, Zdravookhraneniya i Istorii Meditsiny*. 2014; 2. (In Russ.).
- [17] Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2010 / Lisitsyn Yu.P. *Obshchestvennoe zdorovie i zdravookhranenie* [Public Health and Health Care]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [18] Монтгомери Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь. М., 2019 / Montgomery Ch. *Schastlivy gorod. Kak gorodskoe planirovanie menyaet nashu zhizn* [Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [19] Нefeldов В.А. Как вернуть город людям. М., 2015 / Nefedov V.A. *Kak vernut gorod lyudyam* [How to Bring Cities Back to People]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [20] Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38 / Nim E.G. Self-treking kak praktika kvantifikatsii telesnosti: kontseptualnye kontury [Self-tracking as a practice of corporality quantification: Conceptual framework]. *Anthropological Forum*. 2018; 38. (In Russ.).
- [21] Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4 / Osipova N.G. Socialnoe konstruirovaniye obshchestvennogo zdoroviya [Social construction of public health]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2016; 22 (4). (In Russ.).
- [22] Прокофьева А.В., Лебедева-Несевря Н.А. Формирование здоровье-ориентированного городского пространства как способ управления рисками здоровья населения // Анализ риска здоровью. 2018. № 3 / Prokofieva A.V., Lebedeva-Nesevrya N.A. Formirovaniye zdorovie-orientirovannogo gorodskogo prostranstva kak sposob upravleniya riskami zdoroviya naseleniya [Creating a health-oriented urban space as a way to manage public health risks]. *Analiz Riska Zdoroviyu*. 2018; 3. (In Russ.).
- [23] Ревич Б., Терентьев Н. Зеленая среда мегаполисов как фактор сбережения здоровья // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 9 / Revich B., Terentiev N. Zelenaya sreda megapolisov kak faktor sberezheniya zdoroviya [Megacities' green environment as a health saving factor]. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*. 2018; 9. (In Russ.).
- [24] Садик-Хан Дж., Соломонов С. Битва за города. Как изменить наши улицы. Революционные идеи в градостроении. М., 2017 / Sadik-Khan J., Solomonow S. *Bitva za goroda. Kak izmenit nashi ulitsy. Revolyutsionnye idei v gradostroenii* [Streetfight: Handbook for an Urban Revolution]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [25] Седова Н.Н., Щелков С.А. «Городские» риски мужского здоровья // Социология города. 2014. № 1 / Sedova N.N., Shchelkov S.A. "Gorodskie" riski muzhskogo zdoroviya [Urban risks for men's health]. *Sociology of City*. 2014; 1. (In Russ.).
- [26] Стил К. Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь. М., 2016 / Steel C. *Golodny gorod. Kak eda opredelyaet nashu zhizn* [Hungry City: How Food Shapes Our Lives]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [27] Стрельникова Т. Влияние климатических изменений на заболеваемость населения и экономическое развитие регионов // Экономист. 2018. № 12 / Strelnikova T. Vliyaniye klimaticheskikh izmenenii na zaboлеваemost naseleniya i ekonomicheskoye razvitiye regionov

- [Impact of climate change on morbidity and economic development of regions]. *Economist*. 2018; 12. (In Russ.).
- [28] Тополь Э. Будущее медицины: Ваше здоровье в ваших руках. М., 2016 / Topol E. *Budushchee meditsiny: Vashe zdorovie v vashikh rukakh* [The Patient Will See You Now]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [29] Филин В.А. Видеоэкология. М., 1997 / Filin V.A. *Videoekologiya* [Videoecology]. Moscow; 1997. (In Russ.).
- [30] Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Социальная загрязненность городской среды как фактор ее деградации // Власть. 2019. № 6 / Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M. *Sotsialnaya zagryaznennost gorodskoi sredy kak faktor ee degradatsii* [Social pollution of the urban environment as a factor of its degradation]. *Vlast*. 2019; 6. (In Russ.).
- [31] Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни 1943-1953. М., 2018 / Filtzer D. *Opasnosti gorodskoi zhizni v SSSR v period pozdnego stalinizma. Zdorovie, gigiena i usloviya zhizni 1943–1953* [The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia. Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953]. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [32] Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А. Ревича, О.В. Кузнецовой. М., 2019 / *Chelovek v megapolise: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Man in Metropolis: An Interdisciplinary Research]. B.A. Revich, O.V. Kuznetsova (Eds.). Moscow; 2019. (In Russ.).
- [33] Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М., 2016 / Ellard C. *Sreda obitaniya: Kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Places of the Heart: The Psychogeography of Everyday Life]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [34] Antipova A. *Urban Environment, Travel Behavior, Health, and Resident Satisfaction*. Cham; 2018.
- [35] *Communities in Action: Pathways to Health Equity*. Washington; 2017.
- [36] *Connected Health in Smart Cities*. A.E. Saddik, M.Sh. Hossain, B. Kantarci (Eds.). Cham; 2020.
- [37] Crume R.V. *Urban Health Issues: Exploring the Impacts of Big-City Living*. Santa Barbara–Denver; 2019.
- [38] Cushing D.F., Miller E. *Creating Great Places: Evidence-Based Urban Design for Health and Wellbeing*. New York–London; 2020.
- [39] Dahiya B., Das A. *New Urban Agenda in Asia-Pacific: Governance for Sustainable and Inclusive Cities*. Singapore; 2020.
- [40] Drozdak Z. Advances and challenges of social epidemiology — the social determinants of health revisited. (literature review). *Studia Socjologiczne*. 2015; 4.
- [41] Dye C. Health and urban living. *Science*. 2008; 319.
- [42] Fitzgerald D. Revitalizing sociology: Urban life and mental illness between history and the present. *British Journal of Sociology*. 2016; 67 (1).
- [43] Gatzweiler F.W., Zhu Y-G. et al. *Advancing Health and Wellbeing in the Changing Urban Environment: Implementing a System Approach*. Singapore; 2017.
- [44] *Geospatial Technologies for Urban Health*. Y. Lu, E. Delmelle (Eds.). Cham; 2020.
- [45] *Health in Megacities and Urban Areas*. A. Kramer, M.H. Khan, F. Kraas (Eds.). Heidelberg; 2011.
- [46] Hendrigan C. *A Future of Polycentric Cities: How Urban Life, Land Supply, Smart Technologies and Sustainable Transport Are Reshaping Cities*. Cham; 2020.
- [47] *How AI Impacts Urban Living and Public Health*. J. Pagán, M. Mokhtari, H. Aloulou, B. Abdulrazak, M.F. Cabrera (Eds.). New York; 2019.
- [48] *Integrating Human Health into Urban and Transport Planning*. M. Nieuwenhuijsen, H. Khreis (Eds.). Heidelberg; 2019.
- [49] Jahn J.L., Stampfer M.J., Willett W.C. Food, health and the environment: A global grand challenge and some solutions. *Dadalus*. 2015; 144 (4).

- [50] Kaplan G.A. What's wrong with social epidemiology, and how can we make it better? *Epidemiologic Reviews*. 2004; 26 (1).
- [51] Marmot M. Multilevel approaches to understanding social determinants. L.F. Berkman, I. Kawachi (Eds.). *Social Epidemiology*. New York; 2000.
- [52] *Mental Health in Our Future Cities*. D. Goldberg, G. Thornicroft (Eds.). New York; 1998.
- [53] Milgram S. The experience of living in cities. *Science*. 1970; 167.
- [54] Mumford L. *The City in History*. New York; 1961.
- [55] Neuman M. Centenary paper: Ildefonso Cerda and the future of spatial planning: The network urbanism of a city planning pioneer. *Town Planning Review*. 2011; 82 (2).
- [56] Patz J.A., Kovats R.S. Hotspots in climate change and human health. *British Medical Journal*. 2002; 325.
- [57] Rapp M.A., Adli M., Kluge U., Galea S., Heinz A. Cities and mental health. *Deutsches Aerzteblatt Online*. 2017; 114.
- [58] Rocha L.E.C., Thorson A.E., Lambiotte R. The non-linear health consequences of living in larger cities. *Journal of Urban Health*. 2015; 92 (5).
- [59] Sarkar C., Webster C., Gallacher J. *Healthy Cities: Public Health through Urban Planning*. Cheltenham; 2014.
- [60] Stewart J., Lynch Z. *Environmental Health and Housing. Issues for Public Health*. London–New York; 2018.
- [61] *Strategic Urban Health Communication*. Ch.C. Okigbo (Ed.). New York; 2014.
- [62] Stratigea A., Kavroudakis D. *Mediterranean Cities and Island Communities: Smart, Sustainable, Inclusive and Resilient*. Cham; 2019.
- [63] *Sustainable Development Research in the Asia-Pacific Region: Education, Cities, Infrastructure and Buildings*. W. Leal Filho, J. Rogers, U. Iyer-Raniga (Eds.). Cham; 2018.
- [64] *Sustainable Urban Planning: Vibrant Neighbourhoods — Smart Cities — Resilience*. H. Bott, G. Grassl, S. Anders (Eds.). Berlin; 2019.
- [65] Thornbush M.J., Golubchikov O. *Sustainable Urbanism in Digital Transitions: From Low Carbon to Smart Sustainable Cities*. Cham; 2020.
- [66] *Urban Health*. S. Galea, C. Ettman, D. Vlahov (Eds.). Oxford–New York; 2019.
- [67] *Urban Health: Global Perspectives*. D. Vlahov, J.I. Boufford, C.E. Pearson, L. Norris (Eds.). San Francisco; 2010.
- [68] *Women's Health and the World's Cities*. A.I. Meleis, E.L. Birch, S.M. Wachter (Eds.). Philadelphia; 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-18-35

Lifestyle diseases: Health in the contemporary city*

T.S. Martynenko

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: ts.martynenko@gmail.com)

The article presents an overview of studies of the factors that affect health in the contemporary city. The increase in the urban population makes it necessary to analyze factors (environmental, social, etc.) and features of the urban structure in terms of their impact on the quality and standards of living.

* © T.S. Martynenko, 2021

The article was submitted on 13.06.2020. The article was accepted on 01.10.2020.

However, assessments of the city in the study of healthy lifestyle are contradictory. On the one hand, researchers emphasize the availability of medical care, effective fight against infectious diseases, and numerous attempts to transform the visual urban space. On the other hand, researchers stress the spatial inequality of the urban structure (for example, in access to health care), the spread of non-communicable and lifestyle diseases in cities, the destruction of social ties and the problem of loneliness. Therefore, it is necessary to systematize the current research, identify the main risks of urban lifestyle, and discuss the role of social sciences in such interdisciplinary studies. The proposed typology of health research in the contemporary city is based on Yu.P. Lisitsyn's ratio of factors that determine the level of health. Although many studies claim an integrated approach, the analysis showed that most of them present one of three approaches: the study of sanitary-hygienic features of the urban space (or its medical aspects); the study of ecology and architecture of the urban space; the study of social-psychological features of the urban lifestyle. The systematization of the main risks of the urban lifestyle allowed the author to identify the priority areas of its study. Thus, based on the features of the covid-19 pandemic in cities, the author argues that there is a need for more active participation of sociologists in the discussion of both infectious and non-communicable diseases, which should focus on social factors of their spread, course, prevention and control.

Key words: lifestyle; urbanization; healthy city; public health; social ecology; everyday practices; non-communicable diseases; infectious diseases

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-113-50580 "Lifestyle diseases: Health in the modern city".

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-36-49

Динамика диаметра зрачка как индикатор когнитивной нагрузки респондента: методический эксперимент по сравнению CASI и P&PSI вопросников*

И.Ф. Девятко^{1,2}, М.Б. Богданов¹, Д.В. Лебедев¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 11, Москва, 101000, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: deviatko@gmail.com; bogdanovmikle@mail.ru; zenon-daniil@yandex.ru)

В последние годы наряду с ростом общего интереса к методам измерения когнитивной нагрузки и субъективно ощущаемого умственного усилия, связанных с решением различных задач и межличностной коммуникацией, наблюдается и рост специфического интереса социальных исследователей к возможностям мультимодальной оценки когнитивной нагрузки интервьюера и респондента с использованием объективных и субъективных индикаторов, включая параданные и данные веб-камер, в целях оптимизации ее воздействия на качество опросных данных. При этом все еще недооценены возможности сравнительно новых подходов к измерению когнитивной нагрузки — с помощью нейрофизиологических методов, таких как использование малозаметных и не нарушающих естественное протекание деятельности респондентов и интервьюеров современных устройств для окулографии (айтрекинга и пупиллометрии), которые обеспечивают точную временную привязку динамики измеряемых показателей (прежде всего размера зрачка) к формату вопроса, способу и фазе заполнения анкеты, наличию локализованного во времени внешнего воздействия и т.д. Количественные исследования когнитивной нагрузки в ходе социологических опросов и ее возможного влияния на качество опросных данных фокусировались преимущественно на компьютеризованном (CAPI) или использующем бумажные технологии (PAPI) интервьюировании, тогда как специфика когнитивной нагрузки в процессе самостоятельного заполнения респондентами компьютеризованных (CASI) и бумажных (P&PSI) вопросников оставалась малоизученной. В статье представлены результаты методического эксперимента, в котором использовалась модифицированная версия разработанного ранее мультимодального подхода к сравнительной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров при заполнении бумажных и компьютеризованных версий анкеты — для оценки когнитивной нагрузки респондентов. Мы расширили диапазон методов оценки когнитивной нагрузки за счет использования окулографического устройства (айтрекера) в целях измерения динамики величины зрачка, связанной с заполнением отдельных вопросов. Результаты эксперимента подтвердили гипотезу о приблизительной эквивалентности двух способов заполнения анкеты с точки зрения когнитивной нагрузки для молодых респондентов с высокой функциональной компьютерной грамотностью, а также позволили провести первичную оценку технических и метрологических возможностей и ограничений использования показателей динамики зрачка, измеряемых с помощью окулографического устройства, для изучения когнитивной нагрузки респондента.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка; мультимодальная оценка когнитивной нагрузки при самостоятельном заполнении анкеты; CASI и P&PSI; качество опросных данных; динамика размера зрачка; шкала Пааса; время заполнения

* © Девятко И.Ф., Богданов М.Б., Лебедев Д.В., 2021

Статья поступила 21.09.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

Методы измерения когнитивной нагрузки и умственного усилия (*mental effort*) в последние годы становятся все более популярными в различных областях социальной и аффективной нейронауки, в прикладных исследованиях сравнительной эффективности методик и платформ обучения, в изучении распределения внимания при решении разных задач и использования информационных подсказок в принятии решений [см., напр.: 10; 19; 20; 29]. Возрастает и специфический запрос на мультимодальную оценку когнитивной нагрузки интервьюера и респондента с применением объективных и субъективных индикаторов, включая параданные и данные веб-камер, — для анализа ее воздействия на качество опросных данных [3; 17; 18; 22; 33]. При этом недооцененными остаются новые подходы к измерению когнитивной нагрузки с помощью нейрофизиологических методов: так, появление небольших окулографических устройств совпало с формированием более глубокого понимания связанных с динамикой зрачка нейрофизиологических процессов и их реципрокной связи с распределением когнитивной нагрузки, внимания, принятия решений и вынесения суждений [16; 27]. Изменения размера зрачка (<1 мм), управляемые связанной с голубым (голубоватым) пятном ствола мозга (*locus coeruleus*) норадренергической системой [12], отражают динамику когнитивной нагрузки с высоким временным разрешением и считаются недоступными для произвольного контроля (несмотря на требующие уточнения данные о возможностях опосредования психосенсорной и других реакций зрачка высокоуровневыми когнитивными влияниями). Эта динамика связана с задействованием ресурсов внимания и рабочей памяти и выступает в качестве «окна» в процессы переработки информации и принятия решений, позволяющего оценить когнитивную нагрузку [8; 24].

Переход от использования самостоятельно заполняемых респондентами бумажных анкет (P&PSI – *paper and pencil survey instruments*) к самостоятельному заполнению вопросников посредством компьютерных технологий (CASI — *computer-assisted survey instruments*), преимущественно онлайн, — тенденция, все более очевидная в социальных науках в последние десятилетия. Она способствовала росту интереса исследователей к сравнению качества данных, получаемых с помощью двух подходов в различных областях и для разных совокупностей [см., напр.: 6; 11; 32; 35]. Вместе с тем в центре внимания специалистов по методологии социальных наук долгое время оставались вопросы качества данных, получаемых при помощи близких подходов — основанных не на самостоятельном заполнении, а на компьютеризованном (CAPI) или использующем бумажные технологии (PAPI) интервьюировании, а также вопросы их сравнительной эффективности в масштабных лонгитюдных проектах [см., напр.: 1; 4; 5; 7; 14; 25]. В частности, отмечались преимущества компьютеризованных интервью с точки зрения снижения издержек на полевую фазу исследования, ввод данных, контроль качества заполнения анкет, упрощение маршрутизации для интервьюеров и др. Были выявлены и специфические трудности, в том числе связанные с

оптимальным выбором цифровых устройств для проведения опроса, программированием вопросников и т.п. Однако вопрос о том, различаются ли самостоятельно заполняемые бумажные анкеты (P&PSI) и компьютеризованные анкеты (CASI) в плане когнитивной нагрузки респондента, остается практически неизученным.

В исследованиях перехода от PAPI к CASI [1; 2; 4; 13] отмечалась роль различий в опыте использования цифровых технологий: этот опыт может влиять и на удобство использования электронных устройств при заполнении анкеты интервьюером (и, соответственно, на его когнитивную нагрузку), и на опасения респондентов относительно сохранности личных данных, и на психологический комфорт в процессе заполнения анкеты. Однако в этих исследованиях участвовали преимущественно интервьюеры, имеющие значительный опыт работы с бумажными технологиями и весьма варьирующую функциональную компьютерную грамотность. Если же речь идет о сравнительно молодых респондентах, имеющих значительный опыт заполнения разнообразных электронных форм, в том числе приобретенный в ходе получения среднего и высшего образования, оправдано исходить из предположения об относительной эквивалентности CASI и P&PSI с точки зрения связанной с ними когнитивной нагрузки.

Мы применили модифицированную версию использованного нами ранее мультимодального подхода к сравнительной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров при заполнении бумажных и компьютеризованных версий анкеты [2] для оценки когнитивной нагрузки респондентов, расширив диапазон методов ее оценки за счет окулографического устройства (айтрекера) — в целях измерения динамики величины зрачка, связанной с заполнением отдельных анкетных вопросов. Таким образом, основные задачи нашего исследования: 1) проверка предположения о приблизительной эквивалентности двух способов заполнения анкеты с точки зрения когнитивной нагрузки для респондентов с высокой функциональной компьютерной грамотностью; 2) оценка технических и метрологических возможностей и ограничений использования показателей динамики зрачка, измеряемых с помощью окулографического устройства, для изучения когнитивной нагрузки респондента при ответе на вопросы анкеты.

Дизайн эксперимента предполагал две экспериментальные группы — самостоятельное заполнение анкеты на планшете (CASI) или ее бумажного варианта (P&PSI). Участниками эксперимента стали студенты разных направлений НИУ ВШЭ, которые получали дополнительные баллы по релевантным курсам за участие в эксперименте. Все испытуемые обладали нормальным или скорректированным до нормального зрением ($N = 52$, из них 90% — женщины, средний возраст — 19 лет) и были случайным образом распределены по условиям эксперимента — CASI/P&PSI. Эксперименты были проведены с 14 по 21 декабря 2019 года. Всего было осуществлено 52 экспериментальных наблюдения (28 — CASI и 24 — P&PSI). В итоговый анализ по разным

причинам не вошли 27 экспериментов: низкое качество записи размера зрачков — нижний квартиль показателей точности замеров ниже 0,5 (17 наблюдений); невозможность разметить процесс опроса на планшетах вследствие отсутствия записи видео с экрана планшета в результате технического сбоя (8); отсутствие записи замеров размера зрачка (2). В итоговом анализе представлены 25 испытуемых (15 — CASI и 10 — P&PSI).

Анкета для методического эксперимента была разработана на основе вопросника, используемого в лонгитюдном опросе «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ), что обеспечивало валидность инструментария, и включала в себя несколько блоков. Для снижения эффекта порядка вопросов были созданы две версии анкеты — прямая и обратная: мы использовали простое контрбалансирование порядка предъявления вопросов, поскольку полная рандомизация блоков анкеты усложнила бы логику печати бумажных анкет. В анкете были представлены следующие тематические блоки (помимо «паспортички»): здоровье, образование, материальное положение, проективные ситуации, сенситивные вопросы (оценка деятельности судов и др.). В анкете каждый вопрос был представлен на отдельной странице/листе. После каждого содержательного вопроса следовало задание по оценке субъективной когнитивной нагрузки (умственного усилия), вызванной вопросом, по шкале Пааса (была представлена на отдельной странице/листе). В отличие от ряда исследований [напр.,: 2], в качестве шкалы Пааса мы использовали исходный вариант с девятью градациями [28]. После вопроса о субъективной когнитивной нагрузке шла страница/лист, на которой испытуемым предлагалось посчитать про себя или вслух до пяти, чтобы снизить контекстуальную нагрузку. Изначально анкета содержала 20 вопросов, но в ходе экспериментов была обнаружена сложность с вопросом № 4 (спортивная активность) — его представление в CASI и P&PSI различалось. На планшетах студенты пропускали вопросы-ростеры (уточнения о частоте и длительности занятий выбранными видами спорта), а на бумаге эти вопросы были представлены в одной таблице, и их было невозможно пропустить. В итоге было решено использовать только данные заполнения 19 вопросов (без № 4).

Эксперимент проходил в закрытой комнате, где присутствовал один или два исследователя (в том числе модератор). Исследователи размещались таким образом, чтобы находиться вне поля зрения испытуемого и не отвлекать его от заполнения анкеты, что было необходимо для снижения влияния внешней среды на вариации размера зрачка. Имевшееся в комнате окно было занавешено — использовался искусственный свет, который светил из-за спины испытуемого, чтобы снизить влияние колебаний естественного освещения на размер зрачка, а сам испытуемый располагался спиной к окну.

Для сбора нейрофизиологических и опросных данных использовались разные устройства. Для сбора данных о размере зрачка и видеозаписи того, как респондент заполнял опрос на планшете / в бумажной анкете (для

последующей разметки данных), использовалось монокулярное устройство для отслеживания размера зрачка и направления взгляда (*eye-tracker*) Pupil Labs с выборочной частотой в 200 Гц. Для измерения частоты сердцебиения (пульса) применялся фитнес трекер Xiaomi Mi Band 2. В качестве планшетов в экспериментальной группе CASI была задействована модель Samsung Galaxy Tab A 16 SM-T355 с общедоступным программным обеспечением Survey Solutions [подробнее см. в: 2. С. 631–632].

В качестве параметров сбора данных с помощью айтрекера в приложении Pupil Capture, которое позволяет записывать данные с устройства на компьютер и сохранять для последующего анализа, были выставлены следующие настройки, которые не менялись между экспериментами: World камера (камера сцены) записывала процесс заполнения анкеты с разрешением (*resolution*) 800×600, частотой кадров (*frame rate*) — 60, абсолютной длительностью экспозиции (*absolute exposure time*) — 157; Pupil камера (камера зрачка) записывала показатели размера зрачка и направление взгляда с разрешением 192×192, частотой кадров — 120, абсолютной длительностью экспозиции — 32.

Процедура эксперимента была выстроена следующим образом:

- Участнику на руку надевался фитнес-браслет Xiaomi MI Band 2 и включалась запись пульса. Модератор просил испытуемого сесть так, чтобы в процессе заполнения анкеты снизить возможные движения испытуемого, которые могли привести к изменению позиции относительно анкеты/планшета. Кроме того, модератор просил выключить звук на телефоне, чтобы уведомления не отвлекали испытуемого от заполнения анкеты.
- Испытуемый читал общую информацию об исследовании и подписывал форму информированного согласия на участие в нем.
- На респондента надевалось айтрекинговое устройство («очки») и проводилась его настройка, калибровка и тестовый замер.
- Модератор эксперимента объяснял испытуемому суть эксперимента: «Сейчас вы будете заполнять анкету. Пожалуйста, внимательно читайте все вопросы. Если вы не до конца понимаете вопрос, то отвечайте на него так, как считаете нужным. Здесь нет правильных или неправильных ответов. Если вы не знаете, какой вариант ответа выбрать, то выберите тот, который больше других подходит вам. Мы очень просим вас ни на что не отвлекаться во время интервью, не разговаривать, не трогать айтрекер (устройство на голове) и планшет, не задавать вопросы по анкете и другие вопросы, оставить их до завершения эксперимента. В анкете будут паузы между вопросами, чтобы ваши глаза отдохнули — не пропускайте их, пожалуйста. Вы можете считать вслух, как указано в инструкции, или про себя, как вам удобно. Просим не щуриться и не закрывать надолго глаза».

- Планшет/бумажная анкета размещалась в 60 сантиметрах от глаз испытуемого (для контроля использовалась лента соответствующей длины) на подставке с углом в 63 градуса (наименьший из доступных), и с помощью приложения на смартфоне модератор замерял показатели люксметра (уровня освещения) у глаз испытуемого.
- Включался замер размера зрачка и направления взгляда, и испытуемым предлагалось спокойно и расслабленно в течение минуты смотреть в центр пустого белого экрана планшета/листа (в CASI и P&PSI соответственно) для создания фоновых значений (*baseline*) размера зрачка.
- В случае CASI включалась запись экрана планшета с помощью приложения VRecorder — на этом заканчивалась подготовительная часть эксперимента.
- Респондентам предлагалось заполнить анкету — основная часть эксперимента.
- После заполнения анкеты выключалась запись устройства Pupil Labs и MI Band 2 и запись экрана планшета (в CASI). Кроме того, испытуемые заполняли короткую анкету с вопросами о проблемах со зрением, сердцем, а также о потреблении кофе в течение шести часов до эксперимента и лекарств, влияющих на частоту сердцебиения. Эти показатели планировалось использовать при анализе для контроля внешних факторов, потенциально влияющих на вариацию размеров зрачка и частоту сердцебиения (для контроля межиндивидуальной вариативности применялась коррекция с вычитанием фоновых значений, собранных до начала основной фазы).
- После окончания эксперимента все данные и записи сохранялись и отправлялись в облачное хранилище для последующей разметки, подготовки базы и анализа.

Для анализа полученных данных нужно было разметить показатели размера зрачка, т.е. указать, в какие моменты происходил переход от одного вопроса к другому. Эта задача выполнялась вручную с использованием записей world камеры айтрекера (P&PSI) и экрана планшета VRecorder (CASI). При разметке также отмечались значения, выбранные испытуемым по каждому вопросу по субъективной шкале когнитивной нагрузки Пааса. После этого показатели размера зрачка и пульса совмещались по временным меткам замеров.

Для работы с показателями размера зрачка в рамках CASI/P&PSI необходимо было учесть отличия в освещении и возможные индивидуальные девиации нейрофизиологического типа. Для устранения фоновых значений из данных конкретного замера (минута перед началом эксперимента) были отобраны наблюдения с точностью измерения (*confidence*) выше 0,7. Далее из данных по фоновым значениям убирались замеры, относящиеся к последним и первым пяти секундам, поскольку в начале эксперимента испытуемый мог

быть возбужден, а в конце на замеры зрачка могли влиять действия экспериментатора, который в конце замера фоновых значений давал испытуемому стимульный материал (анкету). Для оставшихся наблюдений было посчитано среднее значение размера зрачка, которое и представляло собой фоновое значение величины зрачка для конкретного респондента. Наконец, для стандартизации измерений из каждого последующего наблюдения размера зрачка каждого испытуемого вычиталось его фоновое значение. В анализе для оценки размера зрачка использовалось именно такое значение, поправленное на фоновое.

Для оценки различий в когнитивной нагрузке, измеренной с учетом среднего размера зрачка при ответе на конкретный вопрос, при заполнении анкеты на планшете (CASI) и на бумаге (P&PSI), а также различий между анкетными вопросами был проведен двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (two-way repeated measures ANOVA). В качестве внутрисубъектного фактора выступал номер вопроса в анкете, а в качестве межсубъектного фактора — способ заполнения анкеты: на планшете или на бумаге. Тест на сферичность показал, что предположение о сферичности нарушается для основного эффекта номера вопроса (Mauchly's $W = 0,000$, $p < 0,001$, $\epsilon = 0,333$), поэтому степени свободы были скорректированы с помощью поправки Гринхауса-Гайссера.

Итак, наблюдается статистически значимое влияние вопроса на величину когнитивной нагрузки, измеренной через размер зрачка ($df = 5,995$, $F = 12,445$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,351$), т.е. имеющие разные номера вопросы различаются когнитивной нагрузкой. Этот фактор объясняет 35% необъясненной другими факторами дисперсии зависимой переменной (размер зрачка). Однако основной эффект для межсубъектного фактора, как и предполагалось, оказался статистически не значим на уровне 95% доверительной вероятности ($df = 1$, $F = 2,501$, $p < 0,127$), что не позволяет говорить о различиях когнитивной нагрузки при прохождении опроса на планшете и на бумаге.

Интересно, что наблюдается статистически значимый эффект взаимодействия между номером вопроса и способом прохождения анкеты (CASI или P&PSI) ($df = 5,995$, $F = 4,492$, $p < 0,000$), т.е. эффект номера вопроса различается в зависимости от способа опроса. Поскольку привести попарные *post-hoc* сравнения для всех 19 вопросов и двух способов заполнения анкеты нецелесообразно, визуализация эффекта взаимодействия представлена на Рисунке 1.

Что касается других индикаторов когнитивной нагрузки, то эффект номера вопроса наблюдался и для самооценки сложности вопроса по шкале Параса ($df = 5,205$, $F = 3,407$, $p = 0,006$), и для времени ответа на вопрос ($df = 4,891$, $F = 15,399$, $p < 0,001$). Однако, как и в случае с размером зрачка, влияние способа прохождения анкеты (CASI или P&PSI) на когнитивную нагрузку оказалось статистически незначимым, как и эффект взаимодействия этих факторов. На Рисунках 2 и 3 в иллюстративных целях представлена динамика средних значений размера зрачка для двух испытуемых.

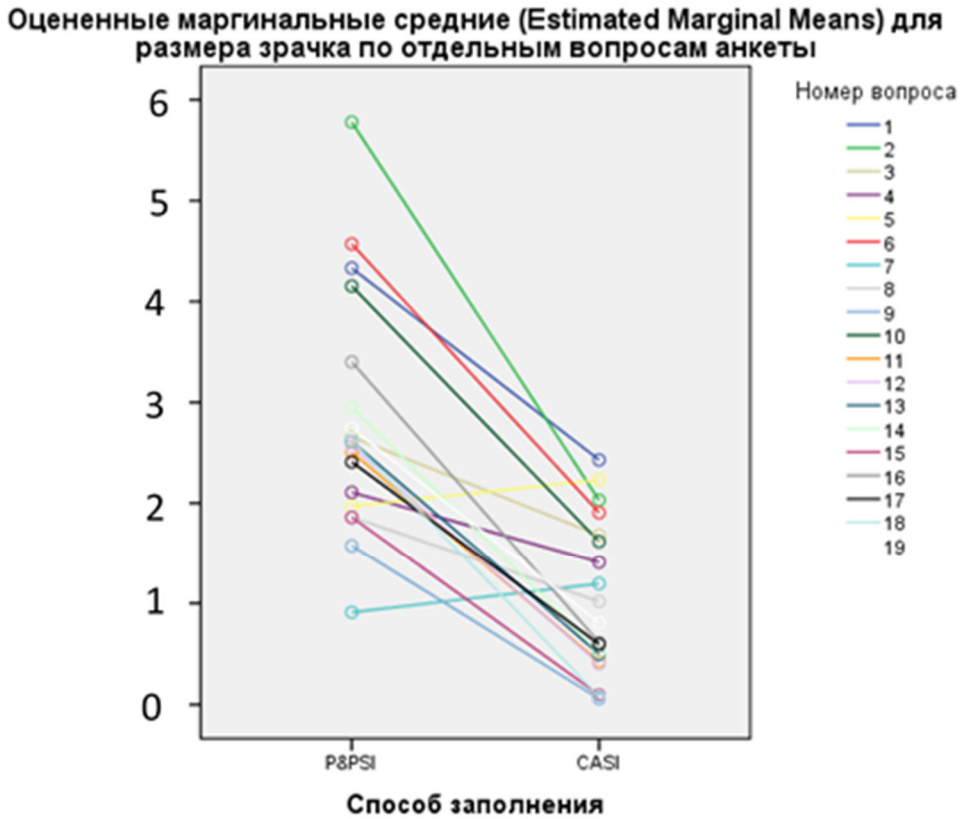

Рис. 1. Эффект взаимодействия способа заполнения анкеты и номера вопроса

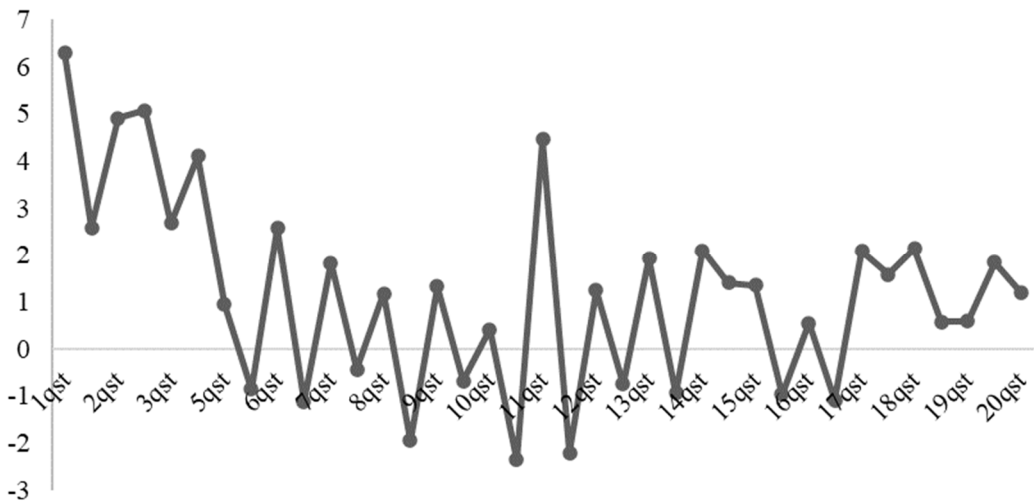

Рис. 2. Динамика среднего размера зрачка по вопросам и паузам (11-й респондент)

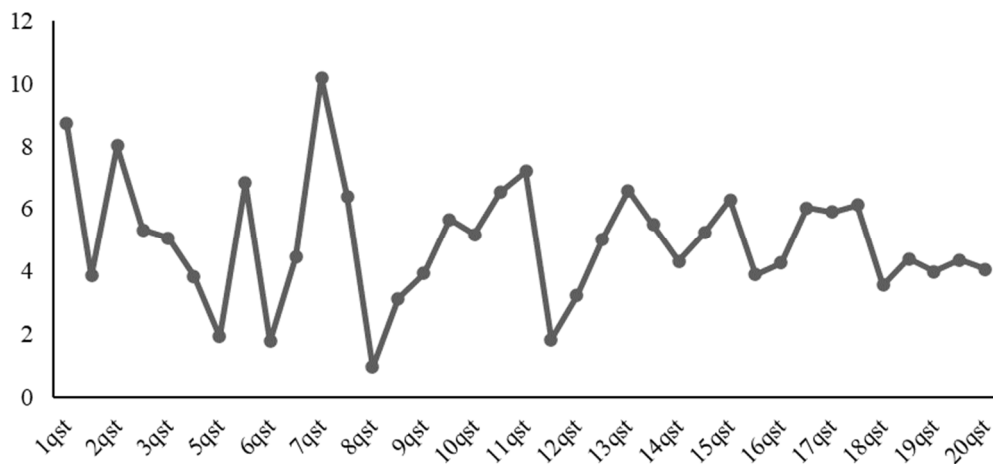

Рис. 3. Динамика среднего размера зрачка по вопросам и паузам (31-й респондент)

Первой задачей нашего исследования была проверка эквивалентности общей когнитивной нагрузки при заполнении анкеты двумя способами — CASI и P&PSI. Предположение об эквивалентности было выдвинуто с учетом специфики совокупности, к которой относились испытуемые – молодые респонденты, получающие высшее образование и обладающие высоким уровнем функциональной компьютерной грамотности, которая сформировалась в силу наличия у поколения 20–30-летних значительного опыта заполнения разнообразных электронных форм, приобретенного как в цифровых коммуникациях с индивидуальными и корпоративными акторами, так и в ходе получения среднего и высшего образования. Такого рода опыт возрастных групп, родившихся не ранее второй половины 1980-х годов, вполне сопоставим с имеющимся у них опытом заполнения бумажных форм и вопросников.

Наши результаты, подтверждающие отсутствие систематических различий между двумя способами заполнения для большинства вопросов и отражающие основные аспекты интегральной когнитивной нагрузки (динамика зрачка, субъективно воспринимаемая нагрузка, измеренная с помощью шкалы Пааса, время заполнения), соответствуют данным исследований, в которых изучался эффект способа заполнения для близких возрастных групп. Так, Д. Байер [6] показал, что в ходе основанного на самоотчете двумя способами (CASI или P&PSI) опроса учащихся старших классов о представленности в их повседневной жизни делинквентного поведения и его факторах не было обнаружено существенных различий между экспериментальными группами (N= 610 и N= 2033) [см. также: 26]. Однако Байер отмечает, что в ряде исследований делинквентного поведения, касавшихся более сенситивных тем (рискованные сексуальные практики, употребление наркотических веществ и т.п.) в конце 1990-х — начале 2000-х годов, были получены противоречивые результаты, свидетельствовавшие как о несколько большем доверии молодых респондентов компьютеризованным опросам [34; 35], так и о том, что

респонденты, описывавшие свой опыт употребления наркотиков и другие рискованные для здоровья практики, воспринимали бумажный вопросник как гарантирующий большую анонимность [9]. В нашей анкете, несмотря на вопросы о здоровье и заработке, отсутствовали столь же сенситивные вопросы, т.е. ее заполнение вряд ли могло показать существенные различия в стиле ответов и когнитивной нагрузке вследствие беспокойства респондентов об анонимности ответов. Кроме того, условия заполнения для обеих экспериментальных групп были идентичны.

Наши результаты позволяют сделать вывод, что очевидный в настоящее время тренд максимально широкого использования цифровых устройств для самостоятельного заполнения молодыми респондентами вопросников не приведет к росту когнитивной нагрузки в сравнении с самостоятельным заполнением традиционных бумажных вопросников, и наблюдаемая «индифферентность» к способу заполнения будет становиться более выраженной по мере взросления младших возрастных групп. Вместе с тем необходимо более детальное изучение отмеченных в отдельных исследованиях, но не получивших систематического рассмотрения эффектов взаимодействия способа заполнения и характерного для респондента доверия другим людям как переменной индивидуального уровня [35], а также не исследованных в достаточной мере потенциальных эффектов взаимодействия способа заполнения и общей оценки индивидом угроз анонимности в цифровых коммуникациях [15; 21; 30].

Вторая задача нашего исследования заключалась в оценке технических и метрологических возможностей и ограничений использования показателей динамики зрачка, измеряемых с помощью окулографического устройства, в изучении когнитивной нагрузки респондента при ответе на вопросы анкеты. Спецификой измерения динамики зрачка при заполнении анкеты как меры когнитивной нагрузки в сравнении, например, с психофизическими экспериментами является необходимость ручного кодирования данных с временной привязкой к отдельным эпизодам (ответам на вопросы). Поскольку мы стремились к сохранению экологической валидности методического эксперимента и к возможности использовать такие параданные, как время заполнения, мы не применяли ограничений по времени заполнения, которые могли бы превратить вопрос в стимул с четкими временными метками и помочь в частичной автоматизации выгрузки данных о динамике зрачка. Кроме того, сама ожидаемая реакция респондента представляла собой многокомпонентный процесс, предполагавший не только чтение вопроса и выбор подходящего ответа, но и возможность внесения исправлений и уточнений, заполнения полей при ответе на открытые или полузакрытые вопросы и т.д. Таким образом, экспорт и первичный анализ данных о зрачке оказались весьма трудоемкими, что отчасти компенсировалось полнотой и «естественностью» данных. Еще один вывод более частного и технического характера — необходимость использования единообразных подставок для планшетов и анкет, чтобы уменьшить долю «плохих» наблюдений (ситуаций, когда веки

респондента полуприкрыты и взгляд направлен вниз, что приводит к наблюдениям с неприемлемо низкими значениями точности измерения).

Полученные данные о динамике размера зрачка (прежде всего, статистически значимое и весьма выраженное влияние конкретного вопроса на средний размер зрачка) могут рассматриваться как подтверждение конструктивной валидности показателей размера зрачка при косвенной оценке когнитивной нагрузки при ответе на вопросы анкеты. Однако обнаруженный нами небольшой, но статистически значимый эффект взаимодействия способа заполнения с конкретным вопросом позволяет сделать предварительный вывод, что различия между средними размерами зрачка как мера когнитивной нагрузки для отдельных вопросов существенно меньше при заполнении бумажной анкеты. Впрочем, небольшой размер выборки и неравный размер групп (размер экспериментальной группы, заполнявшей бумажную анкету, в итоге был существенно меньше) требуют дальнейшего уточнения этого вывода, ограничивая возможности его содержательной интерпретации в настоящий момент.

Также требует дальнейшего изучения конвергентная валидизация показателей когнитивной нагрузки, имеющих сходные механизмы: частота сердечных сокращений и динамика зрачка. В основе этих объективных показателей лежит активация вегетативной нервной системы в ответ на требования текущей задачи, однако их временное разрешение и конкретные механизмы регуляции различаются, поэтому вопрос прямого соотнесения этих показателей друг с другом и с когнитивной нагрузкой как латентной многомерной переменной до сих пор не решен [см., напр.: 23]. Интересной перспективой для дальнейших исследований представляется и конвергентная валидизация показателей размера зрачка, с одной стороны, и субъективной оценки связанного с вопросом умственного усилия (шкала Пааса) — с другой. В нашем методическом эксперименте использовались сравнительно простые вопросы из реальной анкеты, имевшие относительно небольшую вариативность оценок по шкале Пааса, т.е. мы не можем пока сделать обобщающие выводы о связи между объективными и субъективными компонентами интегральной оценки когнитивной нагрузки. Однако в дальнейшем мы надеемся преодолеть это ограничение, создав банк анкетных вопросов с разбросом в оценках связанного с ответом на них воспринимаемого умственного усилия и используя этот банк для дальнейших методических экспериментов.

Благодарность

Авторы выражают большую благодарность Айгуль Климовой, Александру Бызову и Евгении Шмелевой за помощь в организации и проведении эксперимента.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 17-78-20172.

Библиографический список / References

- [1] *Богданов М.Б., Лебедев Д.В.* «Главное не бояться!» — воздействие тренингов на ожидания интервьюеров при переходе от PAPI к CAPI // Социология: 4М. 2017. № 45 /

- Bogdanov M.B., Lebedev D.V. “Glavnoe ne boyatsya!” — vozdeystvie treningov na ozhidaniya interv'yuerov pri perekhode ot PAPI k CAPI [“Do not worry!” — training’s impact on interviewers’ expectations under the transition from PAPI to CAPI]. *Sotsiologiya: 4M*. 2017; 45. (In Russ.).
- [2] Девиатко И.Ф. Разработка подхода к количественной мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров: результаты пилотного квазиэксперимента // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4 / Deviatko I.F. Razrabotka podkhoda k kolichestvennoy multimodalnoy otsenke kognitivnoy nagruzki interv'yuerov: rezultaty pilotnogo kvazieksp'erimenta [Developing an approach to the multimodal quantitative assessment of interviewers’ cognitive load: First results of a field quasi experiment]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [3] Девиатко И.Ф., Лебедев Д.В. Глазами интервьюера, глазами респондента: контуры нового подхода к оценке когнитивной нагрузки при проведении опроса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5 / Deviatko I.F., Lebedev D.V. Glazami interv'yuera, glazami respondenta: kontury novogo podkhoda k otsenke kognitivnoy nagruzki pri provedenii oprosa [Through the eyes of the interviewer, through the eyes of the respondent: Outlining a new approach towards the assessment of cognitive load during the interview]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017; 5 (1). (In Russ.).
- [4] Лебедев Д.В., Богданов М.Б. Переход с PAPI на CAPI: опыт интервьюеров и характеристики, влияющие на их ожидания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4 / Lebedev D.V., Bogdanov M.B. Perekhod s PAPI na CAPI: opyt interv'yuerov i kharakteristiki, vliyayushchie na ikh ozhidaniya [Transition from PAPI to CAPI: Interviewers’ experience and factors influencing their expectations]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019; 4. (In Russ.).
- [5] Терентьев Е.А., Мавлетова А.М., Косолапов А.М. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3 / Terentiev E.A., Mavletova A.M., Kosolapov M.S. Interv'yuirovaniye s pomoshchiyu kompiyuternykh tekhnologiy v longityudnykh obsledovaniyakh domokhozyaystv [Computer-assisted personal interviewing for longitudinal household studies]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 3 (In Russ.).
- [6] Baier D. Computer-assisted versus paper-and-pencil self-report delinquency surveys: Results of an experimental study. *European Journal of Criminology*. 2018; 15 (4).
- [7] Baker R.P., Bradburn N.M., Johnson R.A. Computer-assisted personal interviewing: An experimental evaluation of data quality and cost. *Journal of Official Statistics*. 1995; 11 (4).
- [8] Beatty J., Lucero-Wagoner B. The pupillary system. *Handbook of Psychophysiology*. 2000; 2.
- [9] Beebe T.J., Harrison P.A., Park E., McRae J.A., Evams J. The effects of data collection mode and disclosure on adolescent reporting of health behavior. *Social Science Computer Review*. 2006; 24 (4).
- [10] Chen F., Zhou J., Wang Y., Yu K., Arshad S.Z., Khawaji A., Conway D. *Robust Multimodal Cognitive Load Measurement*. Cham; 2016.
- [11] Colasante E., Benedetti E., Fortunato L., Scalese M., Potente R., Cutilli A., Molinari S. Paper and-pencil versus computerized administration mode: Comparison of data quality and risk behavior prevalence estimates in the European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs (ESPAD). *PLoS One*. 2019; 14 (11).
- [12] Costa V.D., Rudebeck P.H. More than meets the eye: The relationship between pupil size and locus coeruleus activity. *Neuron*. 2016; 89 (1).
- [13] Couper M.P., Burt G. Interviewer attitudes toward computer-assisted personal interviewing (CAPI). *Social Science Computer Review*. 1994; 12 (1).
- [14] De Leeuw E.D., Hox J.J., Snijders G. The effect of computer-assisted interviewing on data quality. A review. *Market Research Society*. 1995; 37 (4).

- [15] Eynon R., Fry J., Schroeder R. The ethics of Internet research. *Sage Internet Research Methods*. Sage; 2008.
- [16] Hartmann M., Fischer M.H. Pupillometry: The eyes shed fresh light on the mind. *Current Biology*. 2014; 24 (7).
- [17] Höhne J.K. Eye-tracking methodology: Exploring the processing of question formats in web surveys. *International Journal of Social Research Methodology*. 2019; 22 (2).
- [18] Höhne J.K., Schlosser S., Krebs D. Investigating cognitive effort and response quality of question formats in web surveys using paradata. *Field Methods*. 2017; 29 (4).
- [19] Hoogerheide V., Renkl A., Fiorella L., Paas F., van Gog T. Enhancing example-based learning: Teaching on video increases arousal and improves problem-solving performance. *Journal of Educational Psychology*. 2019; 111 (1).
- [20] Jbara A., Feitelson D.G. How programmers read regular code: A controlled experiment using eye tracking. *Empirical Software Engineering*. 2017; 22 (3).
- [21] Joinson A.N., Ulf-Dietrich R., Buchanan T., Paine Schofield C.B. Privacy, trust, and self-disclosure online. *Human–Computer Interaction*. 2010; 25 (1).
- [22] Kaminska O., Foulsham T. Real-world eye-tracking in face-to-face and web modes. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2014; 2 (3).
- [23] Kennedy D.O., Scholey A.B. Glucose administration, heart rate and cognitive performance: Effects of increasing mental effort. *Psychopharmacology*. 2000; 149 (1).
- [24] Laeng B., Sirois S., Gredebäck G. Pupillometry: A window to the preconscious? *Perspectives on Psychological Science*. 2012; 7 (1).
- [25] Laurie H. *From PAPI to CAPI: Consequences for Data Quality on the British Household Panel Study*. ISER Working Paper Series, 2003. No. 2003-14.
- [26] Lucia S., Herrmann L., Killias M. How important are interview methods and questionnaire designs in research on self-reported juvenile delinquency? An experimental comparison of Internet vs paper-and-pencil questionnaires and different definitions of the reference period. *Journal of Experimental Criminology*. 2007; 3 (1).
- [27] Mathôt S. Pupillometry: Psychology, physiology, and function. *Journal of Cognition*. 2018; 1 (1).
- [28] Paas F., Tuovinen J.E., Tabbers H., van Gerven P.W.M. Cognitive load measurement as a means to advance cognitive load theory. *Educational Psychologist*. 2003; 38 (1).
- [29] Schmeck A., Opfermann M., van Gog T., Paas F., Leutner D. Measuring cognitive load with subjective rating scales during problem solving: Differences between immediate and delayed ratings. *Instructional Science*. 2015; 43 (1).
- [30] Schomakers E.M., Chantal L., Müllmann D., Ziefle M. Internet users' perceptions of information sensitivity — insights from Germany. *International Journal of Information Management*. 2019; 46.
- [31] Schräpler J.-P., Schupp J., Wagner G.G. Changing from PAPI to CAPI: Introducing CAPI in a longitudinal study. *Journal of Official Statistics*. 2010; 26 (2).
- [32] Spark S., Lewis D., Vaisey A., Smyth E., Wood A., Temple-Smith M., Lorch R., Guy R., Hocking J. Using computer-assisted survey instruments instead of paper and pencil increased completeness of self-administered sexual behavior questionnaires. *Journal of Clinical Epidemiology*. 2015; 68 (1).
- [33] Stodel M. But what will people think? Getting beyond social desirability bias by increasing cognitive load. *International Journal of Market Research*. 2015; 57 (2).
- [34] Turner C.F., Ku L., Rogers S.M., Lindberg L.S., Pleck J.H., Sonenstein F.L. Adolescent sexual behavior, drug use, and violence: Increased reporting with computer survey technology. *Science*. 1998; 280.
- [35] Wright D.L., Aquilino W.S., Supple A.J. A comparison of computer-assisted and paper-and-pencil self-administered questionnaires in a survey on smoking, alcohol, and drug use. *Public Opinion Quarterly*. 1998.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-36-49

Pupil diameter dynamics as an indicator of the respondent's cognitive load: Methodological experiment comparing CASI and P&PSI*

I.F. Deviatko^{1,2}, M.B. Bogdanov¹, D.V. Lebedev¹

¹HSE University

Myasnitskaya St., 11, Moscow, 101000, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: deviatko@gmail.com; bogdanovmikle@mail.ru; zenon-daniil@yandex.ru)

Abstract. In recent years, the increase in general interest in methods for measuring cognitive load and subjectively perceived mental effort when solving various tasks and in the interpersonal communication was accompanied by an increase in the specific interest of social researchers in the multimodal assessment of the cognitive load of interviewers and respondents based on objective and subjective indicators, including paradata and webcam data, in order to control this load's impact on the quality of survey data. The authors argue that the possibilities of relatively new approaches to measuring cognitive load with neurophysiological methods (such as the use of wearable devices for oculography — eye tracking and pupillometry — which do not disrupt the natural course of respondents and interviewers activity) are still underestimated, although they allow an accurate time linkage of measured parameters' dynamics (primarily the size of the pupil) to the question format, mode and phase of survey completion, external influences localized in time, etc. As a rule, quantitative studies of surveys' cognitive load and its possible impact on the quality of survey data focus on computer-assisted (CAPI) or paper-based (PAPI) interviewing, while the specificity of the cognitive load in the self-completed computerized (CASI) and paper (P&PSI) surveys was not studied. The article presents the results of the methodological experiment based on a modified version of the multimodal approach to the comparative assessment of the cognitive load of interviewers working with paper and computerized questionnaire. We expanded the range of methods for assessing cognitive load by using a wearable oculographic device (eye tracker) to measure the dynamics of pupil size when answering different survey questions. The results of the experiment confirmed the hypothesis about the approximate equivalence of the two modes of survey completion in terms of their cognitive load for younger respondents with a high level of functional computer literacy, and allowed an initial assessment of the technical and metrological capabilities and limitations of the use of pupil dynamics' indicators, measured with a wearable oculographic device, to study the respondents' cognitive load.

Key words: cognitive load; multimodal assessment of the cognitive load under the self-completion of the questionnaire; CASI and P&PSI; survey data quality; pupil size dynamics; Paas scale; completion time

Acknowledgments

The authors express deep gratitude to Aigul Klimova, Alexander Byzov, and Evgeniya Shmeleva for their help in organizing the experiment.

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20172.

* © I.F. Deviatko, M.B. Bogdanov, D.V. Lebedev, 2021

The article was submitted on 13.07.2020. The article was accepted on 01.10.2020.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-50-67

Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis*

P.M. Kozyreva^{1,3}, Zhu Di², A.E. Nizamova^{1,3}, A.I. Smirnov¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Institute of Sociology of CASS
Jian Guo Men Nei Da Jie, 5, Beijing, 100732, China

³HSE University
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: pkozyreva@isras.ru; zhudi123@cass.org.cn; anizamova@hse.ru; smir_al@bk.ru)

Abstract. The authors conducted a comparative analysis of the household consumption in Russia and China on the basis of the reputable empirical information sources. The article focuses on the main trends and peculiarities in how households from each country differed in terms of the structure and level of consumption under dramatic transformations associated with market reforms. Inequality in consumption in Russia and China, which can be characterized as high or excessive, largely determines the overall situation with social inequality and significantly influences the development of state social policy in various fields. As for the most differentiating items of expenditure for both countries, those are groceries, durable goods, public utility payments, cultural activities and entertainment. After noting the effect that income has on consumption, which is undeniable, though differs in nature and degree, the authors focus on other factors of this type of inequality, in particular, on the territorial, regional and settlement-specific characteristics of consumption inequality in both countries. The authors argue that in Russia, there is significant regional inequality in consumption, while in China such inequality is more settlement-specific; there are also differences in consumption inequality between urban and rural areas, which contribute to the overall situation with social inequality. In China, urban household expenditures are growing much faster than those of rural households, while in Russia the difference is not that pronounced. That said, the share of spending on groceries in the structure of expenditures is decreasing more rapidly in urban China, and compared to Russia, there is a smaller gap between urban and rural areas. At the same time in China, consumption inequality as a result of age and class differences is a much more acute issue, while in Russia, the differences caused by intensifying economic stratification seem to be a more important factor of inequality.

Key words: household; income and expenses; household consumption; social inequality; social justice; households' economic behavior

* © P.M. Kozyreva, Zhu Di, A.E. Nizamova, A.I. Smirnov, 2021

The article was submitted on 07.11.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

Social inequality exists in all societies, and its level depends on the level of social stratification. Today, social inequality is among the main challenges faced by the contemporary civilization, especially in those countries that are going through a period of fundamental and radical transformations which encompass all aspects of life and rapidly change the social standing of groups, strata and individuals. In each such country, the consequences of transformations manifest in different ways, with varying degree and intensity, due to a vast number of social-cultural and other differences. In some countries, social inequality can be catastrophic, while in others would not pose a threat to social stability even if being excessive. In some cases, inequality is insignificant and can be overcome at minimal cost.

Social inequality is a complicated, multilayered issue, with one of its most significant aspects being social-economic inequality determined by differences in the provision of various social groups and families with material resources, so that they can have a certain lifestyle and realize their life plans. When addressing these issues, scholars usually focus on inequality in consumption, since it is a source of social well-being, it is intricately linked to other components of well-being and represents a significant factor in the country's social-economic development, stabilization and integration. Differentiation in consumption, which is not just an economic process determined by the people's needs and opportunities to meet them, but also a social phenomenon that performs functions of communication and identification and largely influences the overall situation with social inequality. Since the term 'consumption' is connected to such terms as 'justice' and 'equality of opportunities and outcomes', there are obvious moral aspects in social inequality.

For a long time, issues of consumption and consumer behavior were not the primary research topics for economic experts and sociologists, who were more interested in production and labor behavior. Only at the end of the 20th century, academic circles admitted that consumption is one of the dominants of social-economic life, a crucial element of social structure and stratification, which reflects the capacity for adaptation of the population, groups and strata. Today, various aspects of inequality in consumption are the relevant fields of sociological research in many countries. The comparative analysis of different countries in this respect allows not only to identify general trends and the specifics of consumption inequality, but also to learn alternative activities aimed at alleviating the severity of this problem, which all societies regard as complicated and sensitive. A comparative analysis of the situation in Russian and in China is particularly relevant for both countries had gone through transformations associated with market reforms, though the transition to a market economy differed in ways and varied in results.

The research was conducted by scientists participating in the joint Russian-Chinese project on the comparative analysis of how Russian and Chinese households differ in the scale and structure of their consumption, given a context of the development of social inequality and opportunities for providing social justice in consumption. The main focus is trends in inequality in regards to a set of the most substantial household expenses, structural shifts in the consumption

expenditure of families from different social groups and strata, and the primary factors that differentiate Russian and Chinese households in terms of their consumption. The empirical base on the Russian side consists of data from Russian Federal State Statistic Service (FSSS RF) and the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) which is a long-term longitudinal study of households launched in 1994. On the Chinese side, the empirical base consists of data from the yearly report by the National Bureau of Statistics (NBS) and Chinese Social Survey (CSS) for 2006–2019. Since differences in methods for collecting empirical data do not allow to compare all indexes that are of interest to us, the authors focused on a comparative analysis of the main trends and how they change. However, the authors admit the fact that, for obvious reasons, such studies do not include ‘the very highest’ and ‘the very lowest’ social strata, i.e., super-rich financial, economic, political and other elites, ‘high society’ on the one hand, and the ‘underclass’ on the other. This fact prevents from fully demonstrating how deeply the lives of rich and poor strata differ in terms of quality and living standards.

Levels and trends in the consumption inequality

The most complex and common problem in the realm of equitable consumption, which in different countries is present to a varying degree, is inequality in consumption. Although inequality in consumption and inequality of income are directly linked to each other, consumption inequality is a more explicit representation of the difference in the well-being of families and social-economic groups than inequality of income. The differentiation of expenses, which defines consumption inequality, is one of the vital monetary indicators of the population’s living standards alongside distribution of income [2]. However, unlike income, which is primarily a characterization of actual living standards and consumption capacity, expenses are more of an indication of one’s chosen lifestyle under existing limitations, of the position of an individual or household in the social hierarchy.

Despite different approaches to reforms in Russia and China, the transition to a market economy has led to a rapid exacerbation of social inequality in both countries. In Russia, reforms were akin to ‘shock therapy’, with prices being deregulated and a heinous privatization being set into full motion, while the Chinese government chose a gradual and progressive development while preserving the existing public institutions, ensuring efficiency of the reforms and rapid economic development. However, further development of the market resulted in a significant increase in social differentiation and inequality in both countries [21. P. 13–20], which has become a serious threat from an income and consumption inequality standpoint. One of the positive results of market reforms is a radically improved state of consumer markets, which satisfies the population’s loftiest standards and consumption priorities. However, the condition of the market is but one factor that determines the population’s well-being — there is a multitude of factors that also play a huge role, such as level of income, the dynamics and state of prices, the amount of possessions and savings, state and non-state transfers.

In China, which for many years has enjoyed stable economic development, there are more favorable conditions for enhancing the population's material well-being and consumption capacity than in Russia, which for the last decade has passed through a chain of crises, i.e., Russian households do not have much opportunity to increase their income and expenses. Negative effects of the economic situation take a serious toll on household consumption behavior, considerably restricting freedom of consumer choice and forcing people to constantly optimize their family budget, modify their consumer practices, habits and patterns in response to diminishing consumer capabilities. In turn, low demand of households is one of the key factors that hamper development and do not allow the economy to overcome stagnation.

The connection between income level and level of consumption is not that direct, although scientists often disagree on this matter. For example, some Chinese researchers assume that financial tools (insurance, deposits etc.) and social aid mechanisms to a certain degree compensate the gap in consumption, which is why an increasing difference in wealth and income does not always lead to an increase in the difference in consumption, with the latter's stability being the key to achieving social justice [4]. Others scientists assume that financial tools and social aid mechanisms imply substantial inequality: low-income groups bear a burdensome credit load and are forced to limit their consumption in order to accumulate savings and mitigate potential risks, while high-income groups possess reliable resources allowing to make purchases, as well as support from banks, which promotes more active consumption. This is why inequality in consumption can turn out to be more substantial than income inequality [19; 24]. That said, both groups agree that the level of consumer inequality in China remains high and threatens to become even greater.

Consumer inequality is no less of a concern for the Russian society, though it is not as sensitive as back in the 1990s: thus, survival-oriented consumption, though still common to this day, is no longer a widespread standard for Russian households [13]. Given a persisting high degree of inequality in terms of wealth, which scientists describe as excessive [6; 16], most Russian families now possess enough resources for their consumer choice. The direction of the consumption model's transformation can be described as moving from survival towards spending on durable goods and leisure and then further towards investing into services and development [13. P. 33–34]. In times of financial and economic crises, the degree of inequality decreases, while during more stable periods of reduced inflation it tends to grow. Inequality is affected by an asymmetrical consumption structure: with a large proportion of spending on groceries for low-income groups and a small proportion in high-income groups [5].

A dynamics analysis of the differences in consumption expenditure within the Russian society shows that, despite certain positive shifts, inequality diminishes extremely slowly and inconsistently. Such stagnation is largely due to the economic crisis' influence on household consumption with an especially negative impact on impoverished and underprivileged families, socially vulnerable groups. The

dynamics of spending inequality, with such data considered to be a more reliable means of evaluating inequality based on the results of sample studies, differs from the dynamics of inequality of household income. According to the RLMS-HSE data, from 2006 to 2019 the Gini coefficient for income dropped from 0.388 to 0.307, while the Gini coefficient for consumption expenditure dropped from 0.505 to 0.413 (Fig. 1). In 2019, the consumption expenditure of 10% of the wealthiest households was almost 6 times higher than that of the 10% of the least wealthy, the most impoverished. In terms of consumption expenses per capita, the coefficient for how the 50th percentile relates to the 10th was 2.25; the correlation for 90th to 50th was 2.48, 90th to 10th — 5.57. According to the FSSS RF data, in 2019, the average monthly household consumption expenditure per member was 19.7 thousand rubles. Though for the 10th decile group they exceeded those of the first group by 9.5 times, while surpassing those of the 9th group by a mere 2.1 times.

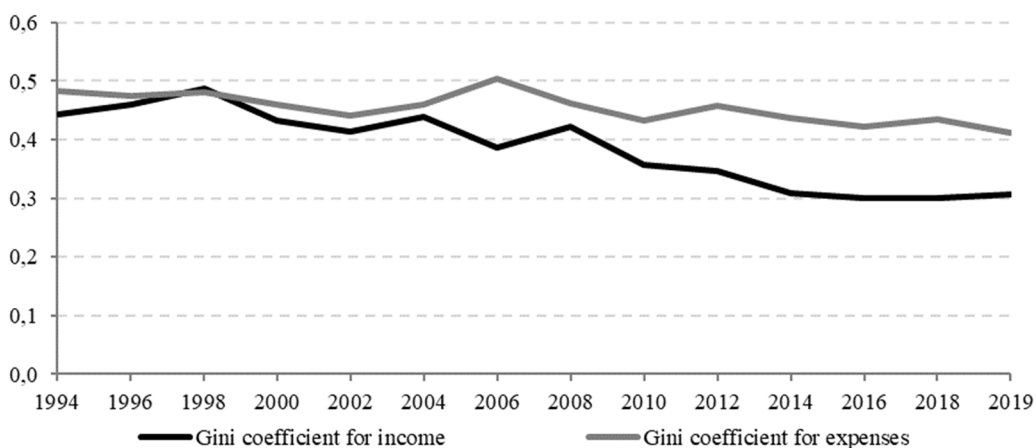

Fig. 1. Gini coefficient for income and consumption expenditure per capita in Russia (1994–2019)

Unlike Russia, the corresponding data for China (NBS and CSS) on social inequality indicates that the difference in income level has generally decreased since 2006, while the difference in consumption has grown (Fig. 2). The Gini coefficient of income level dropped from 0.49 in 2006 to 0.47 in 2013, while the Gini coefficient of expenses increased from 0.49 to 0.55. The data for 2019 show that the 50th percentile relates to the 10th in terms of household consumption expenditure per capita with a ratio of 3.87 to 1; that value for the 90th to the 50th is 3.48, for the 90th to the 10th — 13.47. In other words, the per capita expenses of 10% of the highest-income households exceeded those of the 10% lowest-income households by 13 times. This coefficient is twice that of the corresponding figure for Russia (a literal comparison of these values is inappropriate for the survey methods in Russia and China differ). This is also an indication of how both countries differ in income level, prices for goods and groceries, consumer priorities and habits.

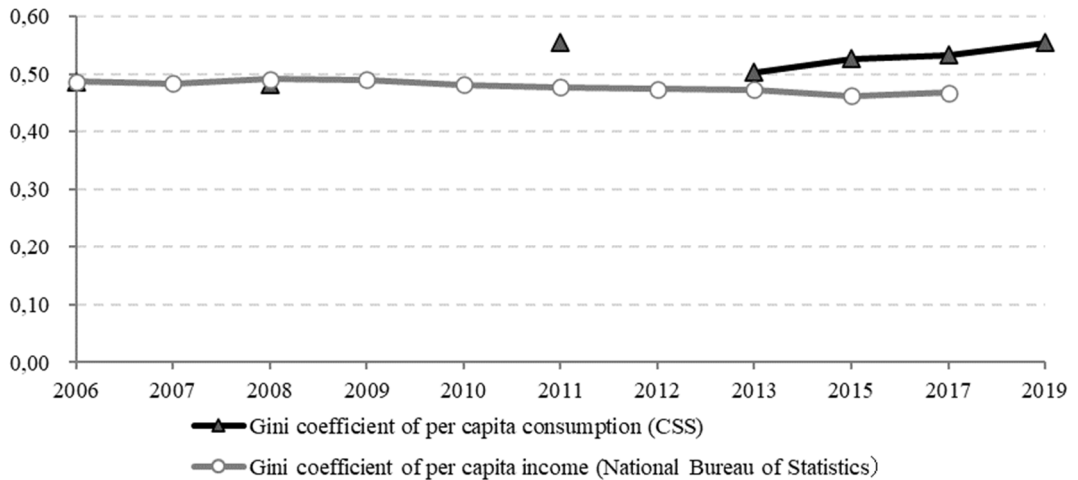

Fig. 2. Gini coefficient of income level (2006–2017) and consumption per capita (2006–2019) in China

One of the most noticeable tendencies in Russia is a considerable increase in the share of household spending on service payments. From 1997 to 2019 that value grew from 15 to 27.8% of total consumption expenditure. Such an increase is mostly due to utility service bills. In the early 1990s, the share of spending on utilities dropped to a very modest 0.7%, by 2019 it had climbed up to 10.5%. Such expenses are much more of a burden for less prosperous households than they are for the more affluent ones. In 2019, they amounted to 13.8% of all consumption expenses in the 1st decile group and to 7.5% in the 10th decile. For the most impoverished households, utility bills account for 50–60% of all spending on services. Another important tendency is an increase in spending on healthcare services. Just between 2008 and 2019 that figure increased from 2.8 to 3.7% of total household consumption expenditure, which is largely due to a growing market of paid healthcare services. The development of a commercial healthcare market is largely a result of a decline in the number of state healthcare facilities, with no adequate replacements provided, and not to mention the growing distrust in free healthcare.

When analyzing the structure of household expenses, Chinese researchers focus on spending on leisure activities, entertainment and tourism as an accurate reflection of developmental consumption and living standards. In 2019, such expenses per capita amounted to 580 RMB, which accounted for 1.9% of total household expenses. Spending on cultural activities and entertainment in the cities exceeded such in rural areas: on average these values amounted to 956 and 107 RMB, respectively. According to Chinese experts, the amount spent by families on cultural activities, entertainment and tourism is still insufficient, which not only hampers the improvement of the population’s living standards, but also does not promote an increase in consumption or stimulate domestic demand.

The Gini coefficient of spending on cultural activities, entertainment and travel is 0.91 in China, primarily because for 75% of the sample such consumption

expenditure amounts to zero. If we consider only the part of the sample that allocates funds for this purpose, spending on cultural activities, entertainment and travel per capita would amount to 2,289 RMB, which is 7.4% of total household expenditure. On average, spending on cultural activities, entertainment and travel for such urban and rural households amounts to 2,631 and 930 RMB, respectively. The Gini coefficient of spending on these services has dropped to 0.64. However, even among the households that spent money on cultural activities, entertainment and travel, the share of such expenses is quite small. Distinct differences were also identified in the consumption of these services within society in general.

In every country, consumer inequality has its own territorial, regional, settlement-specific and other characteristics. Territorial and regional inequality presents a serious issue for Russia, with its vast territorial dissimilarities and regional diversity. Based on the FSSS RF data, in 2019 the highest values of consumption expenditure were observed in regions of the Central Federal District, while the lowest were recorded in the North Caucasian Federal District (25,687 and 13,403 rubles a month, respectively, on average per member of household). The separate regions within federal districts are even more polarized. On the prosperous end of the spectrum, we have such regions as Moscow (41,397 rubles), the Kamchatka Krai (31,933 rubles), while on the other end — republics of Ingushetia (9,937 rubles), Tuva (11,116 rubles), and Chechnya (11,371 rubles). A similar situation can be observed in regards to differences in the share of household spending on groceries. In the most prosperous federal district, in 2019 that value amounted to 26.2%, while in the least prosperous district — to 39.5%. There are certain positive trends: from 2003 to 2019, the number of regions with the share of spending on groceries exceeding 40% of total household consumption expenditure dropped from 72 to 10.

In China, consumption inequality is largely linked to varying levels of inequality between urban and rural households and between households within the cities and villages. The degree of consumption inequality within cities is much higher than that for the rural population. Not to mention that consumption inequality within cities has been growing in recent years. From 2002 to 2012 the degree of influence of the Gini coefficient of expenses between urban and rural areas dropped from 71% to 62.73%, while the degree of influence of the Gini coefficient of expenses within cities increased from 16.1% to 28.3% [19]. There is also substantial inequality within certain individual domains of consumption. For example, a gradual increase was discovered in the difference in overall spending on groceries between 2007 and 2012, together with increasingly disproportionate spending on foodstuffs in different regions. In eastern coastline regions, people spent more on groceries than in the country's central and western regions [7]. Growing inequality was discovered in free time and spending on leisure activities of residents of Beijing [22], and in the realm of healthcare services in rural areas [23].

Consumption inequality between urban and rural areas

One of the most relevant forms of inequality, especially within the context of equitable consumption, for Russia and China is inequality in consumption between urban and rural areas, which is a serious contributing factor to social inequality. In both Russia and China, urban families have a greater consumption capacity than rural families, though there are certain differences in the dynamics. In both countries, consumption expenditure increases for both urban and rural inhabitants. However, in China consumption expenses grow more rapidly in the city compared to the village, while in Russia the gap between urban and rural households in terms of their consumption expenditure does not change so quickly.

Figure 3 shows that in Russia, between 2003 and 2019 the monthly consumption expenses of urban households, on average per member, grew from 3,332 to 21,669 rubles, which is an increase of 6.5 times, while in rural areas that value increased from 2,047 to 14,106 rubles, which is 6.9 times. The overall dynamic of the inequality of spending for urban and rural households has not shown any substantial differences in recent years, with it appearing to have a downward trend. From 2012 to 2019, the Gini coefficient of consumption expenditure for urban households dropped from 0.456 to 0.412, for rural households — from 0.454 to 0.402.

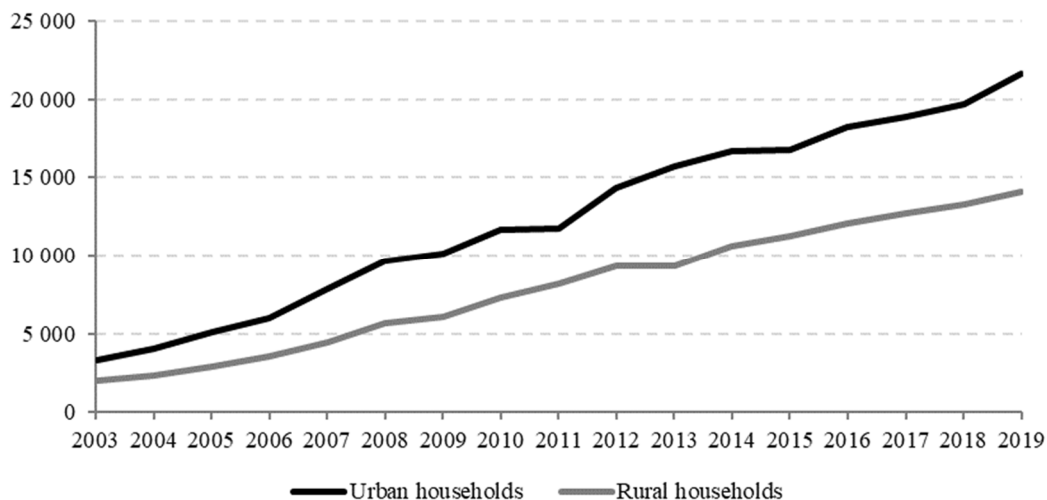

Fig. 3. Monthly consumption expenses of urban and rural households in Russia, on average per member, 2003–2019 (in rubles)

In China the difference in consumption between the city and the village has been increasing since 1980 (Fig. 4). From 1980 to 2019, the per capita consumption expenditure of urban households changed from 412.4 RMB to 28,063 RMB, while of rural households — from 83.8 RMB to 13,328 RMB. A drastic disparity in consumption expenditure between the city and the village became apparent starting in 2010.

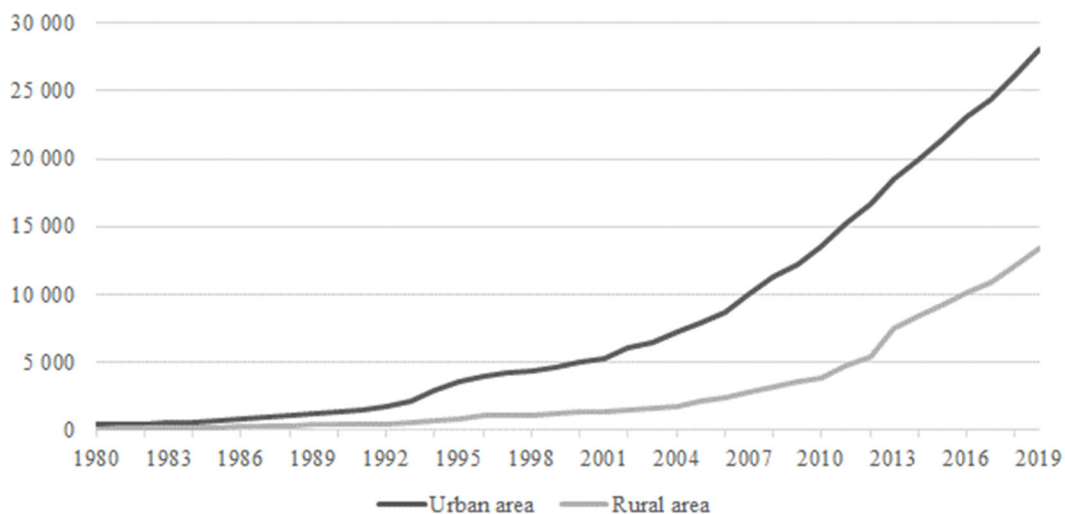

Fig. 4. Variation trends in per capita consumption expenses of China’s urban and rural population, 1980–2019 (RMB)

A common trend for urban and rural households in both countries is a decreasing Engel coefficient, which shows the share of spending on groceries in the structure of consumer expenses. In Russia, from 2003 to 2019, the share of money spent on groceries dropped from 42.2% to 33% for urban households, and from 56.1 to 41.6% for rural households (Fig. 5). However, despite such a decrease, the indicators still retain high values, while showing considerable volatility in the last decades. The gap between urban and rural households in terms of the share of money spent on food has barely shown any changes. Urbanization changes the structure of consumption, with it transforming more rapidly in large cities [13].

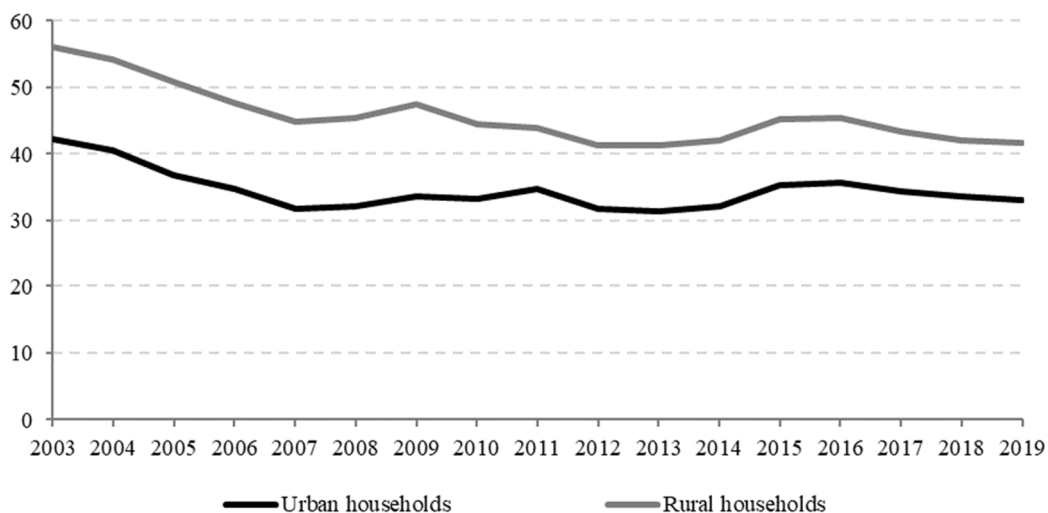

Fig. 5. Share of spending on groceries for urban and rural households in Russia, 2003–2019 (%)

In China, the examined trends are much more clearly traceable, with the gap between urban and rural households in terms of the share of spending on groceries reduced to a minimum (Fig. 6). The decrease in the Engel coefficient is more clear and stable for urban households than for rural households. The Engel coefficient for urban households decreased from 56.9% to 27.6% from 1980 to 2019, while for rural households — from 61.8 to 30%.

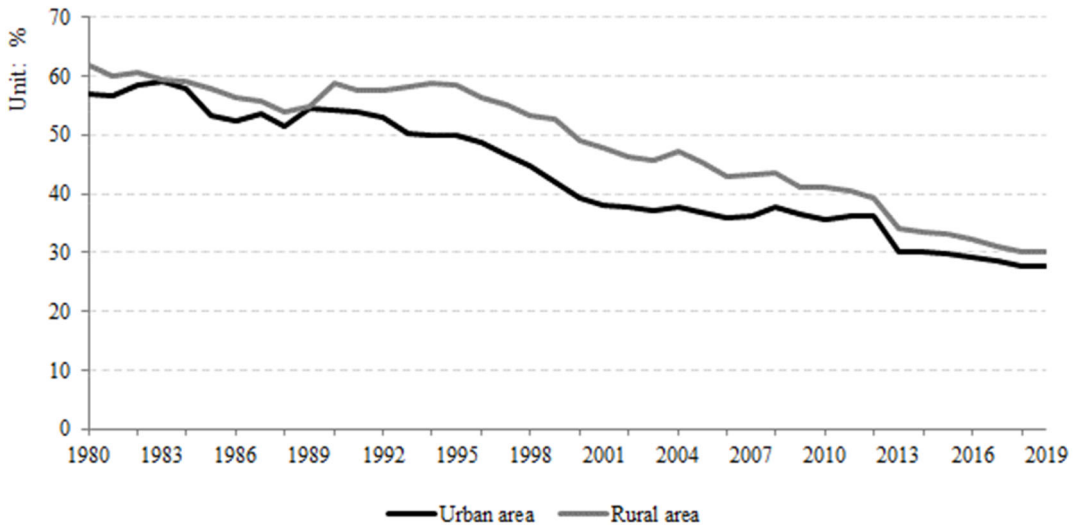

Fig. 6. Share of money spent on groceries in the consumption expenses of urban and rural households in China, 1980–2019 (%)

One peculiar feature of the inequalities in question in Russia’s case is urban households’ significant advantage when it comes to the share of money spent on services (29.4% as opposed to 20.6%). However, from 2003 to 2019, per capita spending on services for urban households increased by 8.5 times — from 659 to 5,602 rubles, while for rural households by almost 12 times — from 231 to 2,733 rubles. Urban and rural households differ especially dramatically in their spending on leisure and cultural activities — up to 3.5 times — and in the money spent on hotels, cafes and restaurants — up to 4 times. Urban households also exceed rural households by a good margin in the share spent on leisure and cultural activities (9% as opposed to 4.1%), and on hotels and catering services (3.8% and 1.5%) in the structure of expenses. These differences are largely due to the underdeveloped cultural-consumer sector in rural areas. Consumer and commercial services for the rural population improve, but at a slower rate than in cities.

These and other differences in the consumption structure of urban and rural families are some of the most convincing evidence that rural settlements seriously lag behind cities in terms of the development of their public infrastructure. The current structure of rural resettlement in Russia consists of rare rural settlements that do not have sufficient resources to provide adequate support for their residents. In China, the difference between urban and rural areas in terms of consumption is

more clearly reflected in spending on education, cultural activities and entertainment. Urban households spend significantly more, and their spending increases more rapidly. From 1992 to 2018, the total per capita consumption expenditure on education, cultural activities and entertainment grew from 147.5 to 2,974 RMB in the city, and from 43.7 to 1302 RMB in the village.

Just like in Russia, urban territories in China are more developed than rural areas, and advance at a quicker rate. However, a substantial inequality in consumption is evident within Chinese cities. The gap in consumption expenditure between the wealthiest and least prosperous urban households was growing between 2002 and 2008, though starting in 2009 it began to diminish. In terms of total household consumption expenditure, the difference in urban households' spending on durable goods turned out to be the most pronounced. The ratio of per capita consumption expenses on durable goods between the highest-income households (10%) and the lowest-income households (10%) went up to 26.5 in 2003, but afterwards it began decreasing until reaching 10 in 2012. Such a drop is not due to the cyclical nature of consuming durable goods. While demand for durable goods among high-income groups is gradually satisfied and start to decline, more and more people from low-income groups begin to purchase durable goods that became more affordable. The difference in consumption of services in the field of culture, education and entertainment is a better representation of consumer inequality, since cycles are not a factor. The ratio of per capita consumption expenses on these services between 10% of the highest-income households and 10% of the lowest-income households grew from 6.77 in 2002 to 9.33 in 2008, but it gradually dropped to 7.51 by 2012.

Differentiation in consumption between groups

Inequality in consumption can be influenced by differences in the level of income between demographic groups (age, family, structure of household etc.). Thus, the effect of age on inequality in consumption is revealed through changes in the consumption expenditure at various stages of people's lives, which are caused by changes both in level of income and consumer habits. Younger generations are more susceptible to fashion trends, and one of those trends is a healthy lifestyle, although often this aspiration comes from necessity, since the youth tend to earn less than elder generations in Russia. Middle-aged groups are to a greater extent focused on making a career than on creating a family. The desire for comfortable living conditions and increased income makes people of this generation the perfect consumers purchasing various goods rather than saving money. People from elder generations lead a more traditional life (work, family and children), which supports their propensity for traditional consumption. During this period, consumption is seriously influenced by the stage of a family's life cycle, expressed in limited income as a result of having children. At an elder age, consumer expenses rapidly drop — with the exception of healthcare expenditure — which corresponds to a drop in the income, needs and demands.

The exacerbation of consumption inequality as people get older is an especially sensitive issue in China due to the birth restriction policy. For instance, Chinese scientists revealed a gradual decrease in the level of consumption among middle-aged and elderly people the older they grew [17]; a negative influence of old age on consumption among households, especially elderly households, — on their spending on transport, communication services, clothing and entertainment, which is directly attributed to a drop in income [10]; increasing inequality in consumption corresponding to changes in the age structure of the urban population showing a tendency towards growing older [3], etc. In Russia, the issue is especially relevant due to the growing economic stratification and widespread poverty, which affects the least secure strata (families with many children or with one parent, elderly and disabled) [1; 8; 25]. Studies of the specifics of consumption and the resulting lifestyles of various income groups of the Russian society [12. P. 117–145] show how consumption correlates with the differentiation of social and human capital [9]. Moreover, consumption is influenced by such substantial factors as educational specialty and level, together with other characteristics. This is an especially relevant matter to the Chinese, who regard social and professional status as the primary basis for one's social position: Chinese people attribute greater importance to class identity compared to Russians, with its development largely influenced by education level [21. P. 303–304].

Russian and Chinese households have much in common in terms of consumption, though there are plenty of differences determined by the social-professional structure. To ensure the comparability of data on differences, the enlarged groups by profession were selected. The first group — ‘core middle class’ — consists of legislators, high-ranking officials, heads of enterprises and organizations, experts with the highest qualification. The second group — ‘white collars’ — includes experts of average qualification, office clerks and responsible staff, employees of commercial enterprises, personnel in the service industry. Finally, qualified workers involved in manual labor at manufactories and in transport, production staff in agriculture, timber industry, livestock farming, fishing industry and protecting water resources, and unqualified workers in all fields are all labeled as ‘blue collars’.

Both in Russia and in China, the leaders in the amount of per capita household expenditure are respondents who work in leadership positions. In Russia, in 2019 the average per capita household consumption expenditure for the core middle class reached 28,283 rubles, while the median value amounted to 24,468 rubles. ‘White collar’ households lagged behind with their per capita expenses of 23,033 rubles, ‘blue collar’ households — of 21,170 rubles. Household income in each group exceeded their expenses slightly. Russian households represented by managers and highly qualified specialists were ahead not just in terms of consumption expenses, but also in spending on groceries. In 2019, the money per capita they spent on food (store bought, sans tobacco and alcohol) was 4,994 rubles, which was 13% more than what ‘white collar’ households (4,407) and ‘blue collar’ households (4,416) spent. The lowest median value was recorded for the third ‘blue collar’ category of

workers — 83.1% of the average per capita household expenses, while the corresponding share for the ‘white collar’ households was higher — 85.4%. The difference between groups in the share of money spent on groceries for home cooking was rather modest and varies between 25.8% for core middle class households and 28.1% for ‘blue collar’ households.

More substantial differences between groups can be observed in spending on certain types of non-food goods. For example, in Russia core middle class households spend almost one third more per capita on durable goods than ‘white collar’ households, and 1.5 times more than ‘blue collar’ households (respectively, 834, 635 and 554 rubles). If the sample is limited only to the households with such expenses, the gap between worker groups would be less (1.22 and 1.33 times, respectively), though executives and highly qualified specialists are financially more secure. The gap is even greater in non-medical services (cultural activities, entertainment, leisure, transport etc.). Core middle class households surpass ‘white collar’ households by 1.6 times in this measure, while exceeding ‘blue collar’ households by 2.5 times (respectively, 4,051, 2,542 and 1,599 rubles). When taking into account households with such spending, the difference is basically the same (1.8 and 2.5 times, respectively).

In China, just like in Russia, the per capita consumption expenses are the highest for core middle class households — 44,642 RMB on average. Next, we have ‘white collar’ households with their average expenses of 25,902 RMB, and ‘blue collar’ households — of 13,653 RMB. There are considerable differences in the per capita spending of households between different classes, and the living standards of core middle class are much higher than those of other households. In Russia, the difference in consumption expenditure between core middle class and ‘white collar’ households is 1.2 times, in China — 1.7 times. The correlation difference between core middle class and ‘blue collar’ households in Russia is 2.5 times, in China — 3.3 times. As for the overall situation with income and expenses, 43.8% of core middle class households have income in excess of their expenses, 36.6% spend as much as they earn, with the respective figures for ‘white collar’ households being 26.7% and 40.6%. However, 29.7% of ‘white collar’ households spend more than they earn. ‘Blue collar’ households have a greater chance of receiving income equal to or less than their expenses (35% and 46.7%).

In China, core middle class households’ spending on groceries is relatively high: the average yearly per capita value is 7,441 RMB. For ‘white collar’ and ‘blue collar’ households the numbers are 5,931 and 3,384 RMB, respectively. The share of the total household expenditure on groceries is the lowest for core middle class households (24.9%) compared to 29.4% for ‘white collar’ and 29.9% for working class households. The differences between classes in their spending on services in the field of culture and entertainment are more obvious. The yearly per capita spending on cultural activities and entertainment for core middle class households is 2,005 RMB, for ‘white collar’ households — 812 RMB, for ‘blue collar’ households — only 149 RMB.

Household expenses are one of the primary units of macro- and microeconomic statistical analysis. Understanding the main driving forces of the dynamics and

amount spent by individuals and groups provides vast possibilities for economic targeting, macroeconomic policy (monetary and fiscal) and social policy purposes (including subsidies). To broaden our perception of how the factors affect the household consumption expenditures in both countries we conducted a regression analysis. The results of a single-level analysis using linear multiple regression coefficients based on the Russian data are presented in Table 1. The following parameters were chosen as variables: per capita household income; whether they include men older than 60 or women older than 55; place of residence, and span of education in years.

Model 1 shows that the per capita consumption expenses of Russian households increase while influenced by per capita income, and that this influence is the most potent compared to such factors as an individual’s place of residence or span of training. The result of constructing a model is the fact that households with family members of retirement age differ drastically in expenses due to their diminished capability of providing for themselves after departing from the labor market. The model describes approximately 30% of the volatility in the differentiation in household income, and so the search for significant factors can be continued in the future. Model 2 explains about 9% of the variation in per capita spending on healthcare. These expenses are influenced mainly by the family’s financial status and age composition. This correlation was to be expected, since with age spending on healthcare constitutes an increasing share of the household budget, while enjoying the entire essential range of healthcare services implies that a household has the needed means. Model 3 explains almost 15% of the variation in per capita spending on store-bought groceries. The most important ones in our case are per capita household income level and place of residence. The latter was to be predicted, since many families in rural areas have subsidiary plots which allow them to spend less on store-bought groceries.

Table 1

Coefficients for multiple linear regression model of differences in per capita household expenditure, Russia (calculated on the individuals file, 2019, N = 8765)*

Independent variables	Model 1			Model 2			Model 3		
	Total per capita household expenditure **			Per capita household spending on healthcare **			Per capita household spending on groceries **		
	Coefficients			Coefficients			Coefficients		
	B	St. error	Beta	B	St. error	Beta	B	St. error	Beta
(Constant)	2,751	,129		1,199	,259		3,727	,134	
Household income per capita **	,670	,012	,529	,482	,027	,224	,407	,013	,343
Household members older than 55W/60M	-,192	,014	-,129	,364	,030	,148	-,029	,014	,021
If the household located in an urban area	,670	,016	,040	,159	,036	,055	,160	,017	,101
Span of training in years**	,113	,029	,037	0	0	0	,137	,030	,049

* The coefficients in all models bear significance on a 1% significance level. When using representative surveys with probability sampling based on stratified multistage territorial selection, it can be argued that the constructed regression models are applicable to the entire general population.

** Natural logarithm

The results of analyzing a hierarchical linear model based on the Chinese data are presented in Table 2. They show that respondents' span of education and social security have a substantial positive influence on household consumption expenditure. A longer education span and broader scope of social security lead to an increase in consumption expenditure; the level of per capita income has a positive effect too. The consumption expenses of Chinese families in cities are higher, while in those families with members over the age of 60 are lower. Model 1 reveals a considerable influence of social-economic status, social security, the consumer goods market and aging on the consumption expenses. A higher social-economic standing, broad social security coverage and a more developed consumer goods market improve living standards. Families with elderly members tend to spend much less, which can be partially due to elderly citizens being more inclined to frugality. Model 2 focuses mostly on per capita household expenses on services in the field of culture and entertainment, which is a more appropriate reflection of developmental consumption and respondents' living standards. This model also reflects the substantial influence of social-economic status, social security and the consumer goods market (for urban residents). A higher social-economic standing, broader scope of social security, developed consumer goods market and, finally, more spending on services in the field of culture and entertainment contribute to the improvement of living standards. The per capita spending on cultural activities and entertainment for families with elderly members is relatively low, though the difference is not dramatic. This is another evidence that in recent years elderly people have more humanism and entertainment in their lives, which will help to narrow the consumption gap between age groups in the future.

Table 2

Hierarchical linear model of differences in consumption between households, China

Independent variables	Model 1	Model 2
	Per capita household expenses (logarithm)	Per capita household expenses on cultural activities and leisure (logarithm)
Span of training in years	0.0230*** (0.00223)	0.0426*** (0.00768)
Number of persons included in social security system	0.0305*** (0.00681)	0.0565*** (0.0165)
Per capita household income (logarithm)	0.404*** (0.00741)	0.478*** (0.0264)
Residence in urban area	0.145*** (0.0187)	0.476*** (0.0666)
Family members older than 60 years of age	-0.169*** (0.0173)	-0.0859 (0.0534)
Constant	5.348*** (0.0639)	0.991*** (0.254)
Sample size	9,627	2,368

***p<0.01, **p<0.05, *p<0.1; standard error is shown in parenthesis

Russian and Chinese societies face the increased social inequality as a result of rapid market transformations. One of its most obvious and troublesome manifestations is inequality in consumption which has territorial, regional, settlement-based and social-professional differences. In both countries, consumption inequality is considered as high or excessive; however, there are certain substantial differences. In China, the income gap has been decreasing since 2006, while the difference in consumption has been gradually growing. In Russia, there has been a decrease in inequality in terms of both income and consumption expenditure, though in more recent years this decrease has become slow and inconsistent. The more significant issue in Russia appears to be regional inequality in consumption, in China — inequality between settlements. In China, there are substantial differences in consumption between groups due to class and age specifics, especially in household spending on groceries, durable goods, cultural activities, entertainment and leisure. In Russia, differences in consumption are determined by growing economic stratification.

Another significant contributing factor to social inequality is inequality in consumption between urban and rural areas. Consumption expenses are growing for both urban and rural households; however, in China they are increasing more rapidly in the city than in the village. A common trend for urban and rural households in both countries is a decrease in the share of spending on groceries in the structure of expenses: in China, this share decreases more rapidly, while the gap between urban and rural households in this regard is much less pronounced than in Russia. The differences in consumption between urban and rural areas are also traceable in the difference in spending on cultural activities and entertainment. Also, in China, there is more significant inequality in durable goods provision between urban and rural households, while in Russia that would be inequality in consuming healthcare, educational and other services.

The conducted analysis proves that for both countries one of the primary goals for social-economic policy is to overcome deeply rooted social inequality, which implies reducing excessive inequality in consumption by increasing living standards for impoverished groups and by using more efficient and straightforward distribution and redistribution mechanisms.

Funding

The research was supported by the RFBR and CASS. Project No. 19-511-93003

References

- [1] Aganbegyan A.G. Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *ECO*. 2017; 47 (9). (In Russ.).
- [2] Banerjee A.V., Duflo E. What is middle class about the middle classes around the world. *Journal of Economic Perspectives*. 2008; 22 (2).
- [3] Chen Dong, Wang Mengdi. Did aging aggravate the consumption inequality among Chinese urban residents? Analysis based on age effect adjustment model. *Journal of Hebei University (Philosophy and Social Sciences)*. 2018; 5. (In Chinese).

- [4] Chen Zhiwu. Quantitative history and new knowledge revolution: An overview of quantitative studies on the history of human inequality. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*. 2018; 4. (In Chinese).
- [5] Gordievich T.I., Ruzanov P.V. Inflation and consumption in equality in 2012–2017. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2018; 4. (In Russ.).
- [6] Gorshkov M.K. Social inequalities as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 7. (In Russ.).
- [7] Huang Weiwei, Lu Qian. Decomposition of income impact on the inequality of food expenditure of urban residents. *Consumer Economics*. 2014; 4. (In Chinese).
- [8] Ibragimova Z.E., Yaparova-Abdulkhalikova G.I. Structure of consumer expenditures in the context of inequality. *Bulletin of USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*. 2016; 3. (In Russ.).
- [9] Krasilova A.N. Social capital as an instrument of the analysis of inequality in the Russian society. *Mir Rossii*. 2007; 16 (4). (In Russ.).
- [10] Lin Xiaoshan. Family aging, consumption structure and consumption stratification — data analysis based on CFPS2012. *Journal of Southeast University (Philosophy and Social Science)*. 2018; 2. (In Chinese).
- [11] Micheletti M., Stolle D., Follesdal A. (Eds.). *Politics, Products and Markets: Exploring Political Consumerism Past and Present*. New Brunswick; 2006.
- [12] *Model of Income Stratification for the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons*. Moscow–Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
- [13] Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Ter-Akopov S.A., Vardanyan E.G. *What Has Changed in Earnings, Expenses and Consumption of the Russian Population*. Moscow; 2014.
- [14] Pshizova S.N. From “civil society” to “consumer’s community”: Political consumerism in the comparative perspective. Part 1. *Political Studies*. 2009; 1. (In Russ.).
- [15] Scammell M. The Internet and civic engagement: The age of the citizen-consumer. *Political Communication*. 2000; 17 (4).
- [16] Shkaratan O. Social-economic inequality in the contemporary world and the development of new types of social stratification in Russia. *Mir Rossii*. 2018; 27 (2). (In Russ.).
- [17] Song Ze, He Yang. Measurement and decomposition of consumption inequality among middle-aged and elderly people: Empirical evidence from CHARLS. *Theory and Practice of Finance and Economics*. 2019; 3. (In Chinese).
- [18] Starr M.A. The social economics of ethical consumption: Theoretical considerations and empirical evidence. *Journal of Socio-Economics*. 2009; 38 (6).
- [19] Sun Hao, Mao Zhonggen. Multi-dimensional decomposition and causal analysis of consumption inequality in China. *Journal of Shanxi University of Finance and Economics*. 2017; 11. (In Chinese).
- [20] Sun Hao, Hu Zhijun, Chen Jiandong. Estimates of consumption Gini coefficient and analysis of social welfare in China. *Journal of Quantitative & Technical Economics*. 2017; 12. (In Chinese).
- [21] *Russians and Chinese in an Era of Change. A Comparative Study in Saint Petersburg and Shanghai in the Early 21st Century*. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [22] Wang Qiyang, Wei Jiajia. Study of the inequality in leisure consumption on the example of Beijing. *Economic Theory and Business Management*. 2019; 5. (In Chinese).
- [23] Zhao Guangchuan, Chao Ma. The impact of rural residents’ income on the inequality in healthcare consumption in China. *Consumer Economics*. 2019; 5. (In Chinese).
- [24] Zou Hong, Li Aolei, Yu Kaizhi. Measurement, birth cohort decomposition and development of consumption inequality mechanism: Discussions on income inequality. *China Economic Quarterly*. 2013; 4. (In Chinese).
- [25] Zubova L.G. Inequality and poverty in Russia: Dynamics, causes, and a need to overcome. *Narodonaselenie*. 2017; 3. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-50-67

Справедливость и неравенство в потреблении домохозяйств в России и Китае: сравнительный анализ*

Р.М. Козырева^{1,3}, Жу Ди², А.Э. Низамова^{1,3}, А.И. Смирнов¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

²Институт социологии КАОН
ул. Цзянь Го Мэнь, 5, Пекин, 100732, Китай

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: pkozyreva@isras.ru; zhudi123@cass.org.cn; anizamova@hse.ru; smir_al@bk.ru)

Опираясь на данные авторитетных источников эмпирической информации, авторы провели сравнительный анализ особенностей потребления российских и китайских домохозяйств. Акцент сделан на основных тенденциях и особенностях дифференциации домохозяйств обеих стран по уровню и структуре потребления в период радикальных трансформаций, связанных с осуществлением рыночных реформ. Показано, что наиболее дифференцирующими статьями потребительских расходов домохозяйств двух стран являются питание, предметы длительного пользования, оплата жилищно-коммунальных услуг, культурный досуг и развлечения. Отметив безусловное, но разное по характеру и степени влияние дохода на потребление, авторы обращают внимание и на другие факторы, обуславливающие неравенство, в частности, на территориальную, региональную и поселенческую специфику потребления. Отмечен особый вклад, который вносит в общую картину социального неравенства, потребительских различий между городом и селом. В Китае потребительские расходы городских домохозяйств растут значительно быстрее, чем сельских, а в России это различие менее существенно. При этом в Китае доля расходов на питание в общем объеме потребительских расходов сокращается быстрее, а разрыв между городскими и сельскими домохозяйствами по данному показателю гораздо меньше, чем в России. В то же время в Китае острее ощущается проблема неравенства в сфере потребления, обусловленная возрастными и классовыми различиями, тогда как в России более очевидно обострение проблемы экономической стратификации.

Ключевые слова: домохозяйство; доходы и расходы; потребление домохозяйств; социальное неравенство; социальная справедливость; экономическое поведение домохозяйств.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая. Проект № 19-511-93003.

* © Козырева П.М., Жу Ди, Низамова А.Э., Смирнов А.И., 2021
Статья поступила 07.11.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-68-83

Научное производство для инновационной экономики: мнения экспертов*

Г.А. Ключарев^{1,2}, А.В. Чурсина¹¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия²Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
Красноказарменная ул., 14, Москва, 111250, Россия
(e-mail: Kliucharev@mail.ru; anna.chiursina@gmail.com)

В рамках перехода к обществу знаний крайне важным становится взаимодействие научного и бизнес-секторов. В статье рассматривается теория «тройной спирали», которая является основой управления инновационной экономикой. Взаимодействие науки и бизнеса может приносить немалые доходы, а при подключении государства можно вывести страну на новый экономический уровень. В статье рассмотрены возможности применения теории «тройной спирали» в современных российских условиях. Описано, какими нормативными документами регулируется современная кооперация вузов, научно-исследовательских институтов и инновационных предприятий, уточнен характер финансирования этого взаимодействия. В статье использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Непрерывное образование и научное производство: институты и практики взаимодействия», созданные при финансовой поддержке Российского научного фонда. На основе 100 экспертных интервью, проведенных в 2017–2019 годы в 12 регионах разных федеральных округов с ключевыми фигурами инновационных процессов (главными инженерами, ведущими конструкторами, ректорами, министрами, руководителями институтов развития, венчурных фондов, технопарков и особых экономических зон) проанализированы современные практики взаимодействия научного производства с другими участниками инновационной экономики, рассмотрена успешность каждой из практик. В контексте теории «тройной спирали» изучено взаимодействие научных предприятий с высшими учебными заведениями, отслежены основные трудности, с которыми сталкиваются бизнес-компании. Проведен анализ инвестиционного законодательства и описаны риски инвестиций в научные разработки. Показано, что государственная политика в этой сфере нуждается в дальнейшей оптимизации — создании сети субъектов, которые будут обеспечивать диалог государства, науки, бизнеса и образования на различных этапах создания и продвижения инновационного продукта, вплоть до его коммерциализации. Рассмотрены конкретные вопросы развития инновационной инфраструктуры (технопарки, платформы, кластеры) и возможности использования опыта других стран.

Ключевые слова: научное производство; инновационная экономика; инновации; «тройная спираль»; эксперты; Россия

Постановка проблемы: теория «тройной спирали»

Теория «тройной спирали» (*triplex* или *triple helix*) — одна из наиболее распространенных сегодня парадигм инновационного развития. Она была разработана в 1990-е годы Г. Ицковицем, а в 2000-е годы активно развивалась также

* © Ключарев Г.А., Чурсина А.В., 2021

Статья поступила 19.09.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

Л. Лейдесдорфом [17–22; 25; 26]. «Тройная спираль» описывает переход от индустриального общества, где инновации определяются взаимодействием промышленности и государства, к обществу знаний, или информационному обществу, когда в число основных стейкхолдеров инноваций входят институты, которые производят и распространяют знания – университеты, академии, ресурсные центры и т.д.

Теория «тройной спирали» считается основным инструментом управления наукоемкими инновациями на региональном, национальном и международном уровнях. За два десятилетия она получила развитие во многих странах, которые поставили задачу создания инновационной экономики [14–16; 23; 24]. Основной путь реализации «тройной спирали» — это взаимодействие государства (*state*), бизнеса (*industry*) и институтов, обеспечивающее прирост научного знания, его аккумуляцию и распространение (*academia*), причем возможны разные конфигурации взаимодействия основных игроков этого процесса в ходе развития экономики [27] (от Рис. 1 к Рис. 3).

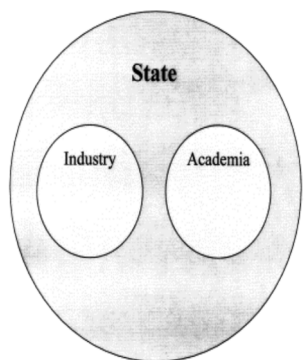

Рис. 1. Первый этап «тройной спирали»

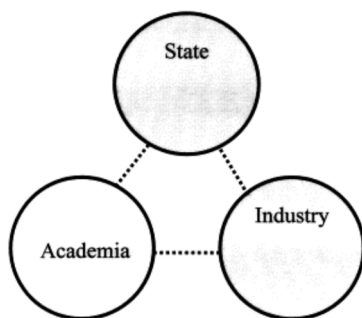

Рис. 2. Второй этап «тройной спирали»

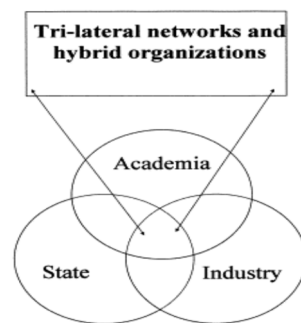

Рис. 3. Третий этап «тройной спирали»

На Рисунке 1 показана патерналистская модель, когда государство определяет правила игры, а основные стейкхолдеры — бизнес и институты знания — существуют сами по себе. На Рисунке 2 государство стремится установить диалог между основными игроками, и налажено сотрудничество (партнерство) между бизнесом (наукоемкие производства) и институтами знания. Рисунок 3 соответствует завершающему витку «тройной спирали» — здесь отражены равноправные (наиболее важный аспект) отношения между всеми игроками, и сформировалась наиболее перспективная для инновационных процессов сеть трехсторонних смешанных организаций (*tri-lateral networks and hybrid organizations*). Именно этот виток «тройной спирали» представляет наибольший интерес: возникает сеть институтов, организаций и сложившихся практик, обеспечивающих наиболее эффективную кооперацию всех участников инновационного процесса. Гибридные организации становятся основным игроком, который обеспечивает диалог государства, бизнеса,

науки и образования. Они же институционально и фактически обеспечивают конкурентную среду (например, биржи научной продукции), маркетинг и реализацию высокотехнологичной продукции, патентование и защиту интеллектуальной собственности, приток инвестиций.

Безусловно, межстрановая специфика обуславливает различный состав игроков. Где-то в роли *state* выступают федеральные институты, а где-то — региональные образования (например, штаты). Так, в России «вертикаль власти» материализовалась в сфере инноватики в виде Фонда Бортника и Российской венчурной компании (РВК). В различных странах под *industry* понимают не только крупные и средние наукоемкие производства, но и успешные стартапы на самых разных стадиях, финансовые институты и частных стейкхолдеров (пайщиков, акционеров, инвесторов). Сюда же причисляют инфраструктурные и территориальные образования — кластеры, технопарки, инновационные площадки. Чрезвычайно емким оказывается и понятие *academia* — субъекты, которые производят знания и кадры для инновационного процесса. Успех Массачусетского технологического и Стэнфордского университетов убеждает многих, что университеты — основной участник инновационного процесса. Однако генератором развития прикладной и поисковой науки, особенно в российских условиях, могут стать крупные наукоемкие производства и компании, которые определяют форму кооперации с вузами, университетами и научно-исследовательскими институтами (НИИ). Подготовка кадров для наукоемких производств может проводиться под заказ бизнеса на базе любого провайдера услуг профессионального образования — вуза, специализированного кадрового агентства-посредника или корпоративного университета (Рис. 4).

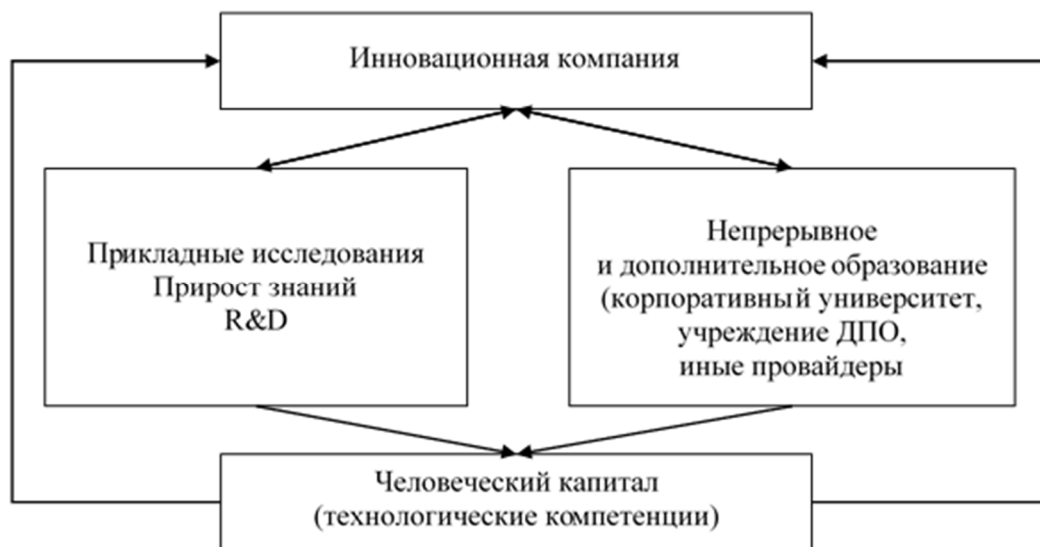

Рис. 4. Исследования и разработки (*Research & Development – R&D*) и подготовка кадров в/для крупных и средних наукоемких компаний

В последнее десятилетие и в России данный механизм и условия его реализации активно изучаются [4–6], включая конкретные инструменты и формы инновационных процессов [11–13]. Исследователи отмечают роль предпринимательских университетов [1–2; 8], но все же основное их внимание направлено на главного стейкхолдера — государство [3; 10]. Российское государство рассматривает инновационный процесс как объект управления [7; 9], что соответствует положению акторов на Рисунке 1. В российской экономике государство занимает доминирующее положение, а остальные участники функционируют автономно, взаимодействуя только с государством. Постепенно, исходя из сложившихся реалий и благодаря эффективной управленческой деятельности, можно ожидать переход на следующий этап (Рис. 2) — трехстороннего партнерства. При этом государство всячески стимулирует взаимодействие партнеров между собой, сохраняя доминирующую роль и гарантируя соблюдение правил игры. В перспективе в России может состояться переход к состоянию, изображенному на Рисунке 3 — когда возникает сеть взаимодействующих субъектов (помимо государства) с комплексом взаимных прав и обязанностей.

В подтверждение того, что страна находится в первой фазе «троичной спирали», можно сослаться на десятки указов и постановлений Правительства, другие документы (с учетом отраслевых директивных документов их счет идет на сотни), принятые в последние 10–15 лет (об эффективности многих из них ничего не известно). Например, Постановление Правительства «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации» не было выполнено. На федеральном уровне научная, научно-техническая и инновационная деятельность регулируются нормами Конституции, Гражданского, Трудового и Налогового кодексов, федеральных законов «О науке и государственной научно-технической политике», «О статусе наукограда Российской Федерации», «О Фонде перспективных исследований», «Об инновационном центре “Сколково”», «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О промышленной политике в Российской Федерации» и др. Особое значение имеют Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и законопроект «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации».

Цели кооперации научной деятельности университетов и исследовательских организаций с инновационным производством, а также ее бюджетное и внебюджетное финансирование определены Постановлением Правительства «Об утверждении правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных

производств». Приоритетные направления развития науки, технологий и техники утверждены в 2011 году в Постановлении Правительства «Об утверждении правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств» и Указе Президента «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». Приоритетные направления служат индикатором актуальности прикладных поисковых исследований, составляющих технологическую платформу научной кооперации: безопасность и противодействие терроризму, индустрия наносистем, информационно-телекоммуникационные системы, науки о жизни, рациональное природопользование, транспортные и космические системы, энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика. Тем не менее, в России пока не сформирована целостная, упорядоченная и сбалансированная система законодательства в области науки и инноваций, обеспечивающая эффективное регулирование отношений учреждений науки, образования и бизнеса в научно-технологической сфере, и создание национальной инновационной системы.

Несомненно, реализация первых совместных научных проектов университетов и производственных предприятий имела положительные результаты, но в целом оказалась более обремененной рисками, чем ожидалось. Для понимания причин ситуации было проведено исследование организационной, кадровой и маркетинговой составляющих совместных научных проектов. В статье использованы материалы экспертных интервью (N = 100, 2017–2019), проведенных с руководителями инновационных наукоемких производств, вузов и НИИ, маркетологами научной продукции и топ-менеджерами, основателями успешных стартапов международного уровня (24 интервью на инновационных производствах и 26 интервью в научно-образовательной сфере), патентными адвокатами и судьями с большим опытом работы (12 интервью), представителями региональных и федеральных органов управления, в компетенцию которых входят вопросы инновационного развития регионов и страны (17 интервью). В числе респондентов была также группа экспертов, обеспечивающих трансфер и коммерциализацию наукоемких технологий — это руководители разных типов объектов инновационной инфраструктуры (21 интервью). В числе опрошенных были эксперты, работающие в Силиконовой Долине (Сан Матео) по продвижению российских стартапов.

Ответы респондентов были обработаны в соответствии со следующими основными видами инновационной деятельности: организационно-управленческая, финансово-экономическая, учебно-образовательная, информационно-просветительская (создание систем информирования потенциальных игроков — стажеров, инвесторов — и действующих стейкхолдеров, информационная и консалтинговая поддержка, обеспечение доступа к результатам мониторинга

рынка наукоемкой и инновационной продукции, выявление проблем развития, которые можно решить инновационным путем, информирование населения о принципах инновационной политики и ее социально-экономических последствиях).

Взаимодействие наукоемких предприятий с вузами

Согласно модели «тройной спирали» задача государственной политики — свести вместе образование, научные учреждения и производство, которые в силу разных причин не склонны поддерживать партнерские отношения. Вузовская наука дает много разработок, генерирует новые идеи, но, как правило, ученые не обладают достаточным багажом управленческих знаний и менеджерскими способностями, позволяющими довести проекты до коммерческого результата. Основным видом сотрудничества бизнес-структур и учреждений высшего образования являются исследовательские проекты, практическая деятельность в области использования патентов и авторских прав, трансфер знаний и технологий посредством обмена кадрами, непрерывное образование персонала, развитие венчурного инвестирования.

Инновационные предприниматели согласны с тем, что вузы имеют высокий интеллектуальный потенциал, но использовать его — непростая задача. Другая проблема — жесткое распределение бюджетных денег, отсутствие статей бюджета на развитие инновационных разработок в учебных заведениях, а также бюрократическое руководство. Это подтверждают и представители власти: *«Мы говорим [руководителям вузов]: нужно сделать то, нужно сделать это. Нам говорят: хорошо, оформляйте заказ. А заказ я должен делать из бюджетных денег, но в бюджете к этому привязок нет, механизма нет. Я знаю потребности наших промышленных предприятий, знаю, какие и где нужны разработки, которые тут же пошли бы во внедрение. Я иду в вуз, а они говорят: подо что мы будем делать, где финансирование? Я попытался привязать это дело к учебному процессу. Говорю: у вас есть курсовые работы, дипломные работы? Нет, говорят, извините, у нас учебная программа, это мы не можем...»* (руководитель администрации регионального уровня, Орловская область).

На этом примере видно, как инициатива по налаживанию кооперации с учебным заведением не получает развития по причине формализации и бюрократизации учебного и экономического процессов в вузе. Строгое соблюдение регламента, избыточные объемы отчетности, нормирование учебного процесса приводят к тому, что наиболее успешные стартаперы, руководители и специалисты инновационных предприятий, которые выступают в роли работодателей будущих выпускников, отказываются приходить в вуз. В результате практики и мастера своего дела не хотят передавать опыт в рамках учебного процесса и совместно со студентами вести исследовательскую и конструкторскую деятельность. Трудности того же порядка возникают и с организацией практики студентов: работодатели сталкиваются с

жесткими формальными условиями со стороны вуза и не хотят связываться с бюрократической волокитой, хотя осознают наличие потенциала у нынешних студентов. Руководители инновационных производств готовы взять в коллектив наиболее перспективных студентов, которые могли бы показать себя с лучшей стороны во время практики. Но им экономически невыгодно взять студента на практику, платить ему, тратить время на обучение профессиональным навыкам и корпоративной культуре, а потом не увидеть студента у себя в компании после окончания им обучения: *«Почему я должен еще платить [им] и тратить свое время или время сотрудников? ...Пусть вуз за них доплачивает, а иначе выгоднее переманить кого-то нужного с другой фирмы или сделать заказ хэджхантеру»* (руководитель инновационного производства, Томск).

Многие респонденты отметили, что учебный процесс в вузах не предусматривает развития у студентов инициативности, способности к риску, поиску нестандартных решений — компетенций, которые необходимы на инновационном производстве. Эксперты отмечают, что в вузах студенты получают знания в минимальном объеме и заучивают их, не понимая процессы и механизмы, почему надо делать так, как их учат. *«У них там все по ГОСТам, а в ГОСТах не говорится, зачем это делается, зачем, например, окошко в подвале, куда газовое оборудование ставится, почему оно такой длины и величины должно быть»* (руководитель бизнес-инкубатора, Томск). В одном из обследованных вузов вместо выпускного экзамена устраивают трехдневное испытание, в ходе которого студенту предлагают решить нестандартную задачу и составить бизнес-план по возможному превращению ее в стартап. На четвертый день студент докладывает экзаменационной комиссии о результатах и, главное, предпринятых действиях для их достижения, и комиссия принимает решение о его аттестации.

Риски и препятствия

Мы не стали систематизировать по частоте упоминания экспертами риски и препятствия, с которыми сталкивается инноватор на различных этапах деятельности. Как правило, основные его проблемы имеют институциональный характер, но есть и те, что связаны с социокультурными факторами. Следует также учитывать недостаточную информированность начинающих стартаперов о возможностях поддержки своих проектов со стороны государства или отдельных инвесторов. Так, при ряде региональных администраций созданы специальные комиссии, которые могут распределять на поддержку проекта до 300 тысяч рублей, что известно далеко не всем. Иногда руководство технических университетов в качестве выпускного квалификационного испытания предлагает студентам создать свой стартап и старается найти средства на его поддержку. Однако как создать стартап и успешно его развивать, нигде не учат: *«Это, наверное, остаток менталитета, так как инновации — это риск, но не научный риск, а другого типа, и наши люди не привыкли на*

себя брать риск, проваливаться, подниматься и снова делать» (начальник департамента вуза, Санкт-Петербург).

Не способствуют инновациям законодательство и правоприменительная практика. Сотрудники государственных учреждений при распределении средств на инновационные проекты берут на себя определенный риск, понимая, что проект может не оправдать вложенных средств. В обществе отсутствуют знания об инвестициях. Большинство людей не понимают, что в инновации необходимо вкладываться в интересах успешной экономики и высокого уровня жизни, но всегда есть риск, что проект не даст большую отдачу. *«Кричать можно сколько угодно, что он вкладывал в инновационные разработки, весь Интернет будет пестрить, что придурки потратили деньги, ...потому что 80% населения далеки от этого очень»* (руководитель администрации регионального уровня, Орловская область).

Государство не может сейчас инвестировать в проекты с высокой и очень высокой степенью риска. Представители государства несут личную ответственность за неудавшиеся проекты, их будут проверять уполномоченные органы, оценивая причины вложения средств в конкретный проект, и скорее всего будет назначено уголовное либо административное наказание за превышение должностных полномочий, что существенно понижает инновационный потенциал и сужает круг инвесторов. Некоторые респонденты отмечают, что идти на риск должны венчурные фонды или частные инвесторы, которые готовы оценить всю собранную информацию об инновационной разработке и понять, насколько оправдан риск. Эксперты полагают, что в венчурных фондах следует выстроить такую систему, чтобы тот сотрудник, который грамотно и успешно рисковал в инвестициях, получал большое вознаграждение. Один респондент объяснил, почему стоит рисковать, а не вкладываться в стабильные компании с небольшим, но устойчивым ростом доходов: *«когда инвестирует частник либо ООО, а проект, например, только в двух случаях из десяти “полетит”, то он рискует только своими деньгами... но если инвестирует государство или орган власти и деньги сгорят, то придет прокуратура, и даже если никто не виноват, у нас просто так никто не приходит, обязательно кто-то должен быть виноват»* (руководитель инновационного производства, Тюмень). *«На фондовой бирже есть рискованные активы, есть стабильные активы — Газпром, Автоваз, Камаз. А про «Магнит» или «Пятерочку» раньше никто не знал. Пусть стабильные акции растут на процент в год, может быть, на два, три, редко выстрелит три с половиной. А М5 на 80% за полгода выросла. Некоторые умудряются по тысяче процентов годовых делать на бирже. Это означает, что кто-то вложил в рискованный капитал»* (руководитель инжинирингового центра, Тюмень).

Инвестиционное законодательство России развивается, но пока еще находится в самом начале пути. До недавнего времени в стране невозможно было структурировать сделки из-за отсутствия аналогов английского права, что способствовало уходу стартапов в офшоры: *«Сейчас в принципе эта*

проблема снята благодаря тому, что появились новеллы в законодательстве, связанные с опционами, инвестиционным товариществом, ...но судебной практики пока нет» (руководитель инвестиционного фонда, Москва). Кстати, и в патентном праве прецеденты защиты интеллектуальных прав через суды у нас не известны.

Респонденты указывают и на другие системные препятствия: на словах инновации поддерживают первые лица государства, но более низкие уровни власти не заинтересованы в поддержке инновационных проектов, поскольку не хотят рисковать своим рабочим местом. Также эксперты отмечают отсутствие заинтересованности и сопричастности к тем процессам, которые чиновники регулируют. Тормозит развитие инноваций и отсутствие ресурсов на НИОКР, особенно в крупных государственных корпорациях, которые устойчивую прибыль получают на продажах уже существующего товара. Наблюдается политика навязывания инноваций и отсутствие связей между разными уровнями планирования инновационной деятельности. В России есть инфраструктура, инструменты и институты инновационного развития, но не налажены связи между ними. Зачастую внедряются новые названия институтов инноваций, но содержание их остается прежним, как и ошибки в их работе. *«Компаниям, особенно крупным госкомпаниям, нет нужды в инновациях. У них маржа на разнице в цене. И нет ресурсов на инвестирование в НИОКР. Еще тормоз — это политика принуждения к инновациям.Сетевое взаимодействие не формируется, так как все эти истории искусственные. Да и нередко даже частные деньги в этих структурах — самопар»* (руководитель фонда поддержки инноваций, Москва). *«Отсутствие гибкости на всех уровнях, провал финансирования и разрыв поколений. В целом, если взять проблему, это расхлябанность системы планирования инновационной деятельности. Она на разных уровнях, и они не синхронизированы»* (руководитель инновационного фонда, Москва).

Многие эксперты критикуют систему налогообложения инновационных процессов. В России пока не появилась устойчивая налоговая система, которая не будет убивать будущее инновационного производства. Не секрет, что многие региональные руководители рассматривают появление у них технопарка или кластера лишь как увеличение налогооблагаемой базы: *«пока у нас нет цепочки, заканчивающейся нормальным оформлением интеллектуальной собственности и не убиваемыми, нормальными налогами, а ведь это — будущее предприятия. Не предприятия, это будущее страны»* (руководитель инжинирингового центра, Тюмень).

Другая группа препятствий связана с социокультурными факторами — это отсутствие культуры и этики бизнеса. 1990-е годы оставили отпечаток на способах ведения бизнеса. Респонденты отмечают, что в стране не развита сфера контрактов и интеллектуальной собственности, право ориентировано на сферу обслуживания или крупные производства с государственными заказами, а не на интеллектуальный бизнес. Если инвестор перестанет платить

команде, создающей инновацию, то она сразу «кинет» его, создаст новую компанию и пойдет искать новых инвесторов. Сейчас, по сути, нет правовых возможностей ограничить такие переходы. *«Прежде всего, это русская деловая культура, которую в 1990-х старательно уничтожали и которая сейчас как-то пытается возродиться в нашем поколении. То есть в России нормально кинуть человека, не платить, и это проецируется на инвесторские отношения»* (венчурный инвестор, Москва). Респонденты назвали и специфические особенности ведения бизнеса в нашей стране: *«Вот, например, сотрудник одного из предприятий логистических создал схему, по которой можно было бы снизить кредитную нагрузку на 600 миллионов рублей. В год, учитывая оборачиваемость кредитов, это где-то порядка 150 миллионов рублей давало бы экономии. Прибыль компании составляла где-то 300 миллионов в год — на 250 миллионов можно было бы фиксированную прибыль получить. Когда он подошел к руководству, ему отвечают: “Ты знаешь, вот 300 миллионов сейчас у меня — это как раз тот уровень, когда я хорошо живу, но ко мне никто внимания не имеет. Как только сейчас с тобой мы это сделаем, и я полмиллиарда стану зарабатывать, придут силовики или бандиты — нужно поделиться. И в результате у меня и 300 миллионов может не быть”»* (руководитель финансового учреждения, Тюмень).

И, наконец, эксперты сошлись в том, что государственная программа по возвращению уехавших ранее из страны ученых работает слабо, а «утечка мозгов» продолжается, хотя и меньшими темпами, чем в 1990-е годы. Несмотря на наличие в вузах разных направлений подготовки, связанных с инновационной деятельностью, из-за отсутствия производственного ресурса происходит отток наиболее перспективных студентов в зарубежные компании, которые имеют современное оборудование. Эксперты отмечали, что необходимо формировать комфортную среду, чтобы сотрудники могли создавать инновационный продукт, не думая о бытовых вопросах: должны быть детские сады и школы, чтобы их дети могли учиться рядом; технопарки и коворкинги для развития профессиональных навыков; сфера обслуживания в комфортной доступности, и, главное, безопасность и возможность спокойно ходить вечером по улицам. *«Ребят с третьего курса Гугл, Майкрософт и другие вытаскивают к себе. У нас сейчас шесть человек работает в Гугле из Тюмени! На этот несчастный ТГУ это много! Это ведь самые перспективные ребята... Мы знаем парня из МГУ, его за не слишком удачную внешность отлупили, очки разбили, он плюнул на все и уехал в Лондон, сейчас прожект-менеджер, курирует российский сегмент Фэйсбука. А мог бы у нас работать...»* (руководитель инновационного производства, Тюмень).

Перспективы развития инноватики

Практически все эксперты отмечают значение сложных систем производства высокотехнологичной продукции и их развитие, что влечет формирование сложных межотраслевых связей и рост международного научного и

инновационного сотрудничества. Эксперты рассматривают будущее российской инновационной экономики в контексте мировых интеграционных процессов и с учетом международного опыта. Так, главные мировые тренды эксперты видят в сфере менеджмента и государственной политики (управления), отмечая необходимость повышенного внимания органов власти к эффективному использованию инвестиционных ресурсов с акцентом на наиболее значимых инновационных направлениях. Респонденты подчеркивали, что для создания инновационного продукта необходимы огромные инвестиции, особенно в науку как основной инновационный генератор. И хотя существуют венчурные и благотворительные фонды, частные меценаты, государство остается главным источником инвестиций в науку не только в России, но и за рубежом. Именно государство должно тратить деньги на инновационные разработки и уделять им особое внимание, несмотря на длительный цикл окупаемости этих вложений.

Система инноватики в основном зависит от государства. Эксперты отмечали межнациональное взаимодействие и интеграцию элементов «тройной спирали», системность реализации результатов такого взаимодействия и необходимую поддержку государством применения инноватики, интеграции науки в сферы образования, рынка и производства. Тогда и будет наблюдаться рост малого и среднего бизнеса на основе инноватики и наукоемких технологий. *«Смещение вектора внимания от отдельных инновационных решений к их системам и системной реализации — такое направление развития требует со стороны государства четкой политики и согласованности с другими сферами: менеджмента, социальной, научной, промышленной и т.д.»* (специалист инновационного производства, участвующий в ДПО, Кемеровская область). *«Система отдачи с точки зрения экономической эффективности в науке не может быть очень высокой. Из существующих крупных положительных примеров — это Израиль и Сингапур, положительные примеры создания системы технологических инноваций. Кремневая Долина, которая обошлась без господомощи, — это особый пример, к тому же старый. А у Израиля и Сингапура вроде что-то получилось. В Сингапуре, например, все началось в начале 1990-х годов. Государство в Израиле через институты развития тоже тратило большие деньги, чтобы создать систему фондов, инвестировало в инфраструктуру. Сейчас они вроде бы пришли к тому, что система начала работать. У них на это ушло 20–25 лет. У нас же пока времени столько не прошло»* (представитель инновационного предприятия «Сколково», Москва).

Из конкретных перспективных направлений эксперты чаще всего называли аддитивное производство, геномику, регенеративную медицину, индустриальный биотех, композиты, фотовольтанику, световые решения, промышленную робототехнику. Значительная часть этих направлений реализуется в рамках развития нанотехнологий. В принципе этот перечень близок к официальному списку критических технологий [18].

Эксперты отмечают, что в России используются иностранные модели инновационного взаимодействия элементов «тройной спирали», которые перестали быть конкурентоспособными. В России ориентируются на модель Кремниевой долины, хотя в инновационной деятельности она уже устарела. Наша страна пытается пойти по тому же принципу: сначала создать несколько крупных технических вузов, потом ждать внедрения изобретенных в них узкопрофильных технологий в гражданскую жизнь, но на это уходят годы, а вероятность повторить успех Кремниевой долины низка. Эксперты считают, что нужно ориентироваться на другие успешные сценарии. *«Гораздо проще двигаться по проверенным моделям, создавая какие-то институты развития, и здесь сложно сказать, на кого конкретно ориентироваться. В плане промышленных зон, технологических зон все ориентируются на Китай, в плане инновационных зон, можно сказать, что это ориентирование на многие зоны сразу, потому что есть доклады Всемирного Банка, которые прекрасно анализируют обстановку по всему миру в целом и по отдельным регионам в частности, и можно брать самое лучшее»* (венчурный инвестор, Москва).

Следует ориентироваться на успешные модели инвестиций, а вот с инновационным продуктом надо опережать другие страны. Эксперты обращают внимание на то, что прорывных технологий, куда можно было бы умеренно вложиться и получить большую прибыль, не было с 1990-х годов. Невозможно сейчас конкурировать и с теми, кто давно ушел вперед в развитии технологий, например, Интел, который разрабатывает микропроцессоры с 1970-х годов. Нужна принципиально новая технология, которая еще никем не была развита, но необходима в современном мире. Важно, чтобы инновационные технологии не были ограниченно применимы и не вызывали только научный интерес — необходимо, чтобы их можно было использовать промышленно, обеспечивая новую технологическую специализацию государства. Хотя респонденты отмечали и малую вариативность таких перспективных технологических направлений: *«В 1950-е это была атомная технология, и там мы, кстати, успели; в 1960-е, наверное, это были первые микропроцессоры, которые тоже пошли в связи с атомной энергией от ракет, но перешли в гражданское производство; затем электроника, в 1990-е — Интернет, в 2000-е — мобильные приложения, сети и вообще переосмысление роли носимого устройства. При Медведеве эту концепцию хорошо разрабатывали — наноматериалы, новые микропроцессоры, новые полупроводники, но потом стало понятно, что на одних наноматериалах далеко не уедешь. Если мы сейчас захотим конкурировать с Хуавей или подобной фирмой, это уже немножко поздно. Они были построены на потребительской электронике, потому что появилось очень много умных вещей, нужно было все это дешево собирать где-то. У нас не так уж много таких перспективных технологических направлений, может быть, нас ждет судьба Израиля, и мы будем хорошим производителем, например, беспилотных аппаратов»* (венчурный инвестор, Москва).

Таким образом, согласно экспертным оценкам, основные направления развития отечественной инновационной экономики таковы: во-первых, усиление интеграции науки, образования, производства и рынка; во-вторых, совершенствование системы финансирования научно-технической и инновационной деятельности; в-третьих, организация полноценного обеспечения всех составляющих экономики информацией о новых технологиях, конъюнктуре рынка наукоемкой продукции, новых потребностях в профессиях, а также организация благоприятного инвестиционного климата в стране, ее регионах и отраслях для привлечения в наукоемкие отрасли инвесторов для реализации проектов как в рамках федеральных целевых программ, так и за счет средств предприятий/организаций. Стране необходимо расширять практики, обеспечивающие взаимодействие образования, науки, государства и бизнеса в интересах развития производства высокотехнологической продукции, защиты интеллектуальной собственности и притока инвестиций в науку и производство.

Библиографический список

- [1] Багирова К.Э. От информационного общества к обществу знания // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2015. № 1.
- [2] Буняк Н.М. Предпринимательский университет: сущность и особенности формирования // *Juvenis scientia*. 2016. № 2.
- [3] Данилова Е.А. Инновационная политика Российской Федерации: внутри- и внешнеполитические аспекты // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3.
- [4] Дежина И.Г. Особенности российской «тройной спирали» отношений между государством, наукой и бизнесом // *Инновации*. 2011. № 4.
- [5] Ершова В.Ю. Роль кластеров в развитии экономики // Научные исследования в образовании. 2012. № 7.
- [6] Жихарев К.Л. Региональные инновационные системы и институциональные условия инновационного развития. М., 2010.
- [7] Завьялов Д.В., Завьялова Н.Б. Принципы успешности инновационных высокотехнологических кластеров // Российское предпринимательство. 2012. № 10.
- [8] Иващенко Н.П., Поспелова Т.В. Процесс формирования предпринимательских университетов в России // *МИР*. 2013. № 14.
- [9] Ильинов Е.В., Гостева О.В. Особенности развития наукоемких производств в условиях современной России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. № 6.
- [10] Колчин С.В. Социально-экономическая и геополитическая значимость наукоемких производств // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 37.
- [11] Поляков Е.С., Ушанова И.С. Инновационная система как совокупность науки и производства // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. № 8.
- [12] Смирнов В.Э. Модернизация и социальные инновации: проблемное поле объяснения // Социологический альманах. 2013. № 4.
- [13] Финашина С.А. Теоретические аспекты формирования новых типов кластеров с высоким инновационным потенциалом // *Пространство экономики*. 2012. № 4–2.
- [14] Boardman C., Gray D. The new science and engineering management: Cooperative research centers as government policies, industry strategies, and organizations // *Journal of Technology Transfer*. 2010. Vol. 35.
- [15] Casas R., de Gortari R., Santos M.J. The building of knowledge spaces in Mexico. A regional approach to networking // *Research Policy*. 2000. Vol. 29.
- [16] Casper S. Creating Silicon Valley in Europe. Public Policies towards New Technology Industries. Oxford; 2007.

- [17] *Dumitru M., Alexandru G.* Linking the triple helix (university-industry-government) to the quadruple helix of university-industry-government — civil society in the field of international business and economics // *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2018. Vol. 12. No. 1.
- [18] *Etzkowitz H.* Innovation in innovation: The triple helix of university-industry-government relations // *Social Science Information*. 2003. Vol. 42.
- [19] *Etzkowitz H.* MIT and the Rise of Entrepreneurial Science. London; 2002.
- [20] *Etzkowitz H.* Technology transfer: The second academic revolution // *Technology Access Report*. 1993. No. 6.
- [21] *Etzkowitz H.* The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. London; 2008.
- [22] *Etzkowitz H., Ranga M., Benner M., Guarany L, Maculan A.M., Kneller R.* Pathways to the entrepreneurial university: Towards a global convergence // *Science and Public Policy*. 2008. Vol. 35.
- [23] *Geoghegan-Quinn M.* From Innovation Emergency to Economic Growth. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/226&type=html>.
- [24] *Hekkert M., Suurs R.A.A., Negro S., Kuhlmann S., Smits R.* Functions of innovation systems: A new approach for analysing technological change // *Technological Forecasting and Social Change*. 2008. Vol. 74.
- [25] *Kerry C., Dandon M.* Open innovation, triple helix and regional innovation systems // *Industry and Higher Education*. 2016. Vol. 30. No. 1.
- [26] *Leydesdorff L., Fritsch M.* Measuring the knowledge base of regional innovation systems in Germany in terms of a triple helix dynamics // *Research Policy*. 2006. Vol. 35. No. 10.
- [27] *Ranga M., Etzkowitz H.* Triple helix systems: An analytical framework for innovation policy and practice in the knowledge society // *Industry and Higher Education*. 2013. Vol. 27. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-68-83

High-tech industries for an innovative economy: Expert opinions*

G.A. Kliucharev^{1,2}, A.V. Chursina¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²National Research University Moscow Power Engineering Institute
Krasnokazarmennaya St., 14, Moscow, 111250, Russia
(e-mail: Kliucharev@mail.ru; anna.chiursina@gmail.com)

Abstract. The most important aspect of the transition to the knowledge society is the interaction of science and industry. The article considers the ‘triple helix’ theory as a basis for managing the innovative economy. The interaction of science and business can provide Russia with larger incomes, especially provided the state participation in the country’s innovative economic development. The authors analyze official documents regulating the cooperation of universities, research institutions and innovative enterprises, and the features of financing this cooperation. The article is based on the databases of the monitoring research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS ‘Continuous education and knowledge-

* © G.A. Kliucharev, A.V. Chursina, 2021

The article was submitted on 19.09.2020. The article was accepted on 26.11.2020.

intensive industries: Institutions and practices of interaction' which was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation. On the basis of 100 expert interviews conducted in 2017–2019 in 12 regions of the Russian federal districts with key figures of innovation processes (chief engineers, leading designers, rectors, ministers, heads of development institutions, venture funds, technoparks and special economic zones), the authors describe the practices of interaction of science-intensive companies with other participants of the innovative economy. In the framework of the triple helix theory, the authors consider the interaction of knowledge-intensive enterprises with higher educational institutions, the main challenges these enterprises face, investment legislation and risks of investment in scientific research. The authors argue that the state policy in this field needs a network of subjects that would ensure a dialogue between the state, science, business and education at different stages of creating and promoting innovative products. The authors also consider some issues of the development of innovation infrastructure, and possibilities of using the experience of other countries.

Key words: high-tech industries; innovative economy; innovations; triple helix; experts; Russia

References

- [1] Bagirova K.E. Ot informatsionnogo obshhestva k obshhestvu znaniya [From the information society to the knowledge society]. *Izvestija Saratovskogo Universiteta. Serija: Sotsiologija. Politologija*. 2015; 1. (In Russ.).
- [2] Bunjak N.M. Predprinimatelsky universitet: sushhnost i osobennosti formirovanija [Entrepreneurial university: Essence and features of development]. *Juvenis Scientia*. 2016; 2. (In Russ.).
- [3] Danilova E.A. Innovatsionnaja politika Rossijskoj Federatsii: vnutri- i vneshnepoliticheskie aspekty [Innovative policy of the Russian Federation: Domestic and foreign-policy aspects]. *Vestnik TGU. Filosofija. Sotsiologija. Politologija*. 2013; 3. (In Russ.).
- [4] Dezhina I.G. Osobennosti rossijskoj "trojnoj spirali" otnoshenij mezhdru gosudarstvom, naukoj i biznesom [Features of the Russian 'triple helix' between the state, science and industry]. *Innovatsii*. 2011; 4. (In Russ.).
- [5] Ershova V.Ju. Rol klasterov v razvitii ekonomiki [The role of clusters in the economic development]. *Nauchnye Issledovaniya v Obrazovanii*. 2012; 7. (In Russ.).
- [6] Zhikharev K.L. *Regionalnye innovatsionnye sistemy i institucionalnye uslovija innovatsionnogo razvitija* [Regional innovation systems and institutional conditions for innovative development]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [7] Zavijalov D.V., Zavijalova N.B. Printsipy uspešnosti innovatsionnyh vysokotekhnologichnyh klasterov [Principles of success for innovative high-tech clusters]. *Rossiyskoe Predprinimatelstvo*. 2012; 10. (In Russ.).
- [8] Ivashhenko N.P., Pospelova T.V. Protsess formirovanija predprinimatelskih universitetov v Rossii [The process of formation of entrepreneurial universities in Russia]. *MIR*. 2013; 14. (In Russ.).
- [9] Ilyinov E.V., Gosteva O.V. Osobennosti razvitija naukoemkih proizvodstv v uslovijah sovremennoj Rossii [Features of the development of high-tech industries in contemporary Russia]. *Aktualnye Problemy Aviatsii i Kosmonavтики*. 2010; 6. (In Russ.).
- [10] Kolchin S.V. Sotsialno-ekonomicheskaja i geopoliticheskaja znachimost naukoemkih proizvodstv [Social-economic and geopolitical significance of science-intensive industries]. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*. 2012; 37. (In Russ.).
- [11] Poljakov E.S., Ushanova I.S. Innovatsionnaja sistema kak sovokupnost nauki i proizvodstva [Innovative system as a combination of science and production]. *Aktualnye Problemy Aviatsii i Kosmonavтики*. 2012; 8. (In Russ.).
- [12] Smirnov V.E., Smirnov V.E. Modernizatsija i sotsialnye innovatsii: problemnoe pole objasnenija [Modernization and social innovation: The problem field of explanation]. *Sotsiologicheskij Almanakh*. 2013; 4. (In Russ.).

- [13] Finashina S.A. Teoreticheskie aspekty formirovaniya novykh tipov klasterov s vysokim innovatsionnym potentsialom [Theoretical aspects of the formation of new types of clusters with high innovative potential]. *Prostranstvo Ekonomiki*. 2012; 4–2. (In Russ.).
- [14] Boardman C., Gray D. The new science and engineering management: Cooperative research centers as government policies, industry strategies, and organizations. *Journal of Technology Transfer*. 2010; 35.
- [15] Casas R., de Gortari R., Santos M.J. The building of knowledge spaces in Mexico. A regional approach to networking. *Research Policy*. 2000; 29.
- [16] Casper S. *Creating Silicon Valley in Europe. Public Policies towards New Technology Industries*. Oxford; 2007.
- [17] Dumitru M., Alexandru G. Linking the triple helix (university-industry-government) to the quadruple helix of university-industry-government — civil society in the field of international business and economics. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2018; 12 (1).
- [18] Etzkowitz H. Innovation in innovation: The triple helix of university-industry-government relations. *Social Science Information*. 2003; 42.
- [19] Etzkowitz H. *MIT and the Rise of Entrepreneurial Science*. London; 2002.
- [20] Etzkowitz H. Technology transfer: The second academic revolution. *Technology Access Report*. 1993; 6.
- [21] Etzkowitz H. *The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action*. London; 2008.
- [22] Etzkowitz H., Ranga M., Benner M., Guarany L., Maculan A.M., Kneller R. Pathways to the entrepreneurial university: Towards a global convergence. *Science and Public Policy*. 2008; 35.
- [23] Geoghegan-Quinn M. From Innovation Emergency to Economic Growth. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/226&type=html>.
- [24] Hekkert M., Suurs R.A.A., Negro S., Kuhlmann S., Smits R. Functions of innovation systems: A new approach for analysing technological change. *Technological Forecasting and Social Change*. 2008; 74.
- [25] Kerry C., Dandon M. Open innovation, triple helix and regional innovation systems. *Industry and Higher Education*. 2016; 30 (1).
- [26] Leydesdorff L., Fritsch M. Measuring the knowledge base of regional innovation systems in Germany in terms of a triple helix dynamics. *Research Policy*. 2006; 35 (10).
- [27] Ranga M., Etzkowitz H. Triple helix systems: An analytical framework for innovation policy and practice in the knowledge society. *Industry and Higher Education*. 2013; 27 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96

Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников*

А.В. Кученкова

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: a.kuchenkova@rggu.ru)

Условия занятости (форма трудовых отношений, социальная защищенность, (не)стабильность размеров зарплаты, наличие/отсутствие неформальных выплат и др.) — один из ключевых факторов социально-экономической дифференциации в современном российском обществе, что определяет необходимость прояснения характера взаимосвязи между положением человека на рынке труда и его заработком. Накоплен большой массив исследований по оценке потерь в зарплате для разных видов нестандартной занятости (неформальной, временной, неполной, случайной и др.), но каждый из них является проявлением прекаризации (негарантированной и неустойчивой занятости), не отражая это явление в полной мере. Статья посвящена взаимосвязи прекаризации занятости с заработной платой. На основании данных всероссийского опроса работающего населения (2018) установлено: не все, но некоторые признаки прекаризации (отсутствие бессрочного трудового договора, оплаты больничных и отпуска) связаны с более низким размером зарплаты; только высокая степень прекаризации (наличие трех и более признаков одновременно) существенным образом понижает заработную плату. Несмотря на то, что эта взаимосвязь отчасти опосредована уровнем образования работника, самостоятельное негативное влияние степени прекаризации занятости на размер зарплаты сохраняется. Группы работников с высокой и низкой степенью прекаризации неоднородны по заработной плате. Ее размер может компенсировать недостатки нестабильного и негарантированного положения. Работников можно разбить на четыре группы в зависимости от (не)устойчивости занятости и размера зарплаты. «Неустойчивые, зарабатывающие ниже среднего» демонстрируют самый низкий уровень субъективного благополучия, социального оптимизма в отношении как жизни в целом, так и трудовой сферы. «Неустойчивые, зарабатывающие выше среднего» по социальному самочувствию уступают «устойчивым с зарплатой ниже среднего», т.е. более высокая зарплата не компенсирует негативные последствия неустойчивой занятости, которая даже при заработках «выше среднего» подрывает социальное самочувствие.

Ключевые слова: прекаризация занятости; заработная плата; социальное самочувствие; российский рынок труда; социально-экономическая дифференциация; признаки прекаризации; степень прекаризации

В последние десятилетия в российском обществе уровень материального благосостояния и субъективный социальный статус оказались теснее взаимосвязаны с факторами, характеризующими положение человека на рынке труда (нестабильная занятость, опыт безработицы, страх потери работы,

* © Кученкова А.В., 2021

Статья поступила 13.07.2020 г. Статья принята к публикации 01.10.2020 г.

теневая занятость, социальные права) [14. С. 80]. Неслучайно в исследованиях социальной структуры широкое распространение получила классовая схема Дж. Голдтропа, основанная на классификации работников по специфике трудовых контрактов. По мнению Н.Е. Тихоновой, эта схема плохо применима к российским реалиям, поскольку важную роль в социально-экономической дифференциации в нашей стране играет не тип трудового контракта, а условия занятости: (не)формальный найм, наличие/отсутствие социальных гарантий и их (не)соблюдение [14. С. 216]. Условия занятости — один из ключевых признаков прекаризации, что актуализирует задачу прояснения характера взаимосвязи между прекаризацией и доходами от трудовой деятельности.

В исследованиях прекаризации заработная плата работника играет разную функциональную роль. С одной стороны, низкая оплата труда выступает одним из признаков прекарности (например, в определении Международной организации труда [15]; включена в индексы прекаризации в эмпирических исследованиях [6]). С другой стороны, низкая оплата труда рассматривается как следствие неустойчивости занятости [2; 9; 11]). Статья написана в русле второго подхода, где в качестве ключевых признаков прекарности выступают негарантированность занятости и слабая социально-правовая защищенность.

К прекарной часто относят работу на нестандартных условиях (временную, неполную, случайную, самозанятость и др.). Накоплен большой опыт исследований по оценке «премий» и «штрафов» за подобные виды занятости, сравниваются размеры зарплат работников с бессрочным, временным трудовым договором и без него, с временной и постоянной занятостью, на полный и неполный рабочий день [4; 5; 10]. Но каждый вид нестандартной занятости — проявление прекарности, не раскрывающее ее в полной мере. В статье рассматривается взаимосвязь между зарплатой и отдельными признаками прекаризации (и степенью прекаризации), а также последствия неустойчивой занятости в сочетании с разным уровнем зарплаты для социального самочувствия. Эмпирической базой исследования стали данные всероссийского опроса работающего населения, проведенного в июне 2018 года (N = 1200) в рамках проекта «Прекариат — новое явление в социально-экономической структуре общества» под руководством Ж.Т. Тощенко [12] (далее — «Прекариат-2018»).

Признаки прекаризации занятости и размер зарплаты

Под прекаризацией занятости, как правило, понимают трудовую деятельность на неустойчивых, негарантированных условиях (по временному трудовому договору или без него; полное или частичное отсутствие социально-правовых гарантий; нестабильная, нефиксированная и «серая» зарплата и др.), обуславливающих высокий риск потери работы или сокращения ее объемов не по желанию работника. К основным видам прекарной занятости относят [12]: неформальную, неполную, временную, случайную и другие виды

нестандартной занятости. Каждый из них по отдельности достаточно подробно описан и изучен, в том числе потери в оплате труда работников, трудящихся на разных условиях. Например, установлено, что неформально занятые (без трудового договора) получают на 15–20% меньше формальных работников, и этот разрыв сокращается при движении вдоль распределения по зарплате [4]; временные работники (с трудовым договором на определенный срок) получают на 10% (по некоторым оценкам на 3–6%) меньше, чем постоянные [5]; при неполной занятости (менее 30 часов в неделю) месячная зарплата в два раза ниже, чем при полной, но часовая ставка выше в 1,5 раза [10. С. 96, 118]; при недозанятости (по экономическим причинам, вынужденной, включая отпуск или перевод на неполную рабочую неделю по инициативе администрации, временную приостановку производства, отсутствие клиентов, заказов) месячная зарплата в 1,5 раза ниже, часовая ставка — в 2 раза ниже, чем при полной занятости [10. С. 96, 118]; при случайной занятости месячный заработок в 2 раза ниже, почасовая ставка в 2 раза выше по сравнению с постоянной занятостью [10. С. 160, 176–177]. Приведенные данные свидетельствуют, что для каждого вида нестандартной занятости оплата труда в месяц оказывается в среднем ниже, чем для стандартной. Как правило, такой разрыв объясняется тем, что нестандартные рабочие места являются «плохими», не требуют высокой квалификации и, соответственно, оплачиваются ниже, относясь к так называемому вторичному сектору («периферии»).

Вместе с тем для отдельных категорий нестандартных работников часовая ставка может быть выше, т.е. взаимосвязь размера заработка с типом занятости неоднозначна. Кроме того, есть особые профессиональные группы, пользующиеся преимуществами и выгодами нестандартной занятости [1]. Например, доходы от трудовой деятельности онлайн-фрилансеров могут достигать и даже превышать общероссийский средний уровень [13. С. 179]. Рассмотрим взаимосвязь некоторых признаков прекаризации с размером зарплаты (Табл. 1): в среднем она ниже для работников, не имеющих бессрочного договора (на 2878 руб.), оплачиваемых больничных (на 4812 руб.) и отпусков (на 5035 руб.), т.е. социально-правовая незащищенность по месту работы сопровождается потерями в заработной плате (от 9,5% до 16,7%).

В то же время другие признаки не позволяют дифференцировать работников по зарплате. Например, вынужденные подработки для увеличения доходов являются попыткой компенсировать неустойчивость положения и позволяют выходить в среднем на такой же уровень зарплаты, что и при занятости только на одном месте работы. Частая смена работы тоже оказалась незначимым фактором для величины зарплаты. Несмотря на то, что наблюдается достаточно большая разница в средних зарплатах работников, менявших и не менявших работу более двух раз за последний год (3076 руб.), она не является статистически значимой. Поскольку этот признак прекаризации встречался редко (лишь у 7,2% работников), не была достигнута необходимая для надежных выводов наполненность группы.

Зарботная плата работников в зависимости от признаков прекаризации

Признаки прекаризации	Средняя зарплата, руб.		Разница средних, руб.	Разница средних, %	Значимость разницы средних по критерию t, p-value
	при отсутствии признака	при наличии признака			
отсутствие бессрочного трудового договора	30237	27359	2878	-9,5	0,002*
частая смена места работы (более 2 раз в год)	29155	26079	3076	-10,6	0,088
«серая» зарплата	28776	29280	-504	1,8	0,614
вынужденные подработки для увеличения заработка	28997	28633	364	-1,3	0,77
нет оплаты больничного	30046	25234	4812	-16	0,000***
нет оплаты отпуска	30114	25079	5035	-16,7	0,000***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Эмпирические данные свидетельствуют, что не все, но некоторые признаки прекарности связаны с более низким размером зарплаты. На индивидуальном уровне может присутствовать одновременно несколько проявлений неустойчивой, негарантированной занятости в самых разных сочетаниях, поэтому целесообразно говорить о разной степени прекаризации и не только рассматривать признаки этого явления по отдельности, но и объединять их в интегральный индекс.

Степень прекаризации занятости и размер заплаты

Для измерения степени прекаризации занятости на индивидуальном уровне был сконструирован индекс, вычисляемый как количество признаков прекарности, имеющих у каждого работника, из шести возможных (Табл. 1). Чем выше значение индекса, т.е. чем больше проявлений неустойчивой занятости у работника, тем выше степень прекаризации его занятости. Выбор признаков был обусловлен содержательными представлениями о прекаризации, а также ограничен возможностями анкеты. Перечень не является окончательным и фиксированным и при необходимости может дополняться. Предлагаемый индекс был апробирован на разных массивах [7; 12] и хорошо себя зарекомендовал. Так, по степени прекаризации работники распределяются следующим образом: треть (34,4%) не сталкивается с ее признаками (находятся в относительно «безопасном» и устойчивом положении), еще треть (28%) имеет один признак, 13,7% — два, 8,7% — три, 15,1% — четыре и более (Табл. 2). Только последние две группы трудятся в условиях высокой неустойчивости занятости и низкой социальной защищенности, находясь в наиболее уязвимом положении. Они составляют 23,3% и могут быть отнесены к «ядру» прекариата, а работники с 1–2 признаками (41,7%) — к «периферии».

Таблица 2

Индекс прекаризации занятости и зарплаты

Количество признаков прекаризации	Чел.	%	Зарплата, руб.				
			среднее	стандартное отклонение	1-й квартиль	2-й квартиль	3-й квартиль
0	405	34,4	30214	18041	18000	25000	37000
1	332	28,2	29153	14957	18765	25000	36750
2	161	13,7	32276	16637	20000	28000	40000
3	103	8,7	24406	12960	15000	20000	30000
4–6	178	15,1	25221	12054	17750	22000	30000
Всего	1179	100	28936	15951	18000	25000	35000

Результаты однофакторного дисперсионного анализа: $F=7,063$ ($p<0,001$), $\text{Eta Squared} = 0,024$. Средние зарплаты в группах с 3–6 признаками прекаризации значимо ниже, чем в группах с 0–2 признаками (на уровне $p<0,05$ по критериям Тамхейна и Геймс-Хоуэлла). Между группами с 0, 1 и 2 признаками прекаризации, а также между группами с 3 и 4–6 признаками нет значимых различий в средней зарплате.

Степень прекаризации связана с размером зарплаты: работники, имеющие три и более признака неустойчивой занятости, в среднем зарабатывают меньше, чем остальные (24406–25221 руб. против 29153–32276 руб.). Вместе с тем различий в среднем размере зарплаты работников, не имеющих проявлений прекарности и имеющих 1–2 признака, не установлено. Получается, что «слабая» степень прекаризации не сказывается существенным образом на размере зарплаты. Такой характер взаимосвязи прослеживается и по значениям квартилей. В группах с 3 и 4–6 признаками прекарности половина работников получает не более 20–22 тысяч рублей, в то время как в остальных группах этот порог выше (25 и 28 тысяч).

Понижение зарплаты при повышении прекаризации может быть связано не только с «качеством» рабочих мест, но и с требуемой для них квалификацией. Рабочие места, характеризующиеся высокой прекаризацией, могут занимать неквалифицированные работники, а на стабильных и защищенных местах могут трудиться квалифицированные, получая более высокую зарплату. Возможно, взаимосвязь прекарности и размера зарплаты обусловлена человеческим капиталом работника (образование, квалификация). Для прояснения ситуации обратимся к данным об отраслях занятости работников и уровне образования.

Прекаризация имеет яркую отраслевую специфику: работников, не сталкивающихся с признаками прекарности, больше в сфере промышленности (40,1%), образования, науки, здравоохранения (45,9%) и меньше в строительстве (17,1%) и торговле (21,4%). В последних распространены рабочие места, не требующие высшего образования, что косвенно свидетельствует о взаимосвязи качества рабочего места (с точки зрения социально-правовой защищенности) и требуемой квалификации.

Работники с законченным высшим образованием преимущественно не сталкиваются с проявлениями прекарности (48,7%) либо имеют только 1–2 признака (39,8%). Лишь небольшая их часть (11,6%) обладает 3 и более признаками неустойчивой занятости — против 30,1% среди лиц без высшего образования (Табл. 3). Очевидно, что высокая степень прекарности связана с более низким уровнем образования, т.е. наиболее ущемлены и неустойчиво заняты преимущественно лица без высшего образования.

Таблица 3

Степень прекарности и образование, %

Количество признаков прекарности	Нет законченного высшего образования	Есть законченное высшее образование
0	28	48,7
1	27,1	29,3
2	14,9	10,5
3	11,1	4,6
4–6	19	7

Возникает вопрос: можем ли мы утверждать, что прекарность снижает зарплату, или эта взаимосвязь обусловлена/опосредована уровнем образования работников? Были построены регрессионные модели (для логарифма зарплаты при контроле социально-демографических характеристик — Табл. 4), согласно которым взаимосвязь прекарности и зарплаты сохраняется независимо от пола, возраста, отрасли, типа населенного пункта и наличия высшего образования (стандартизированный коэффициент для индекса прекарности статистически значим в модели 2). Чем выше степень прекарности, тем ниже заработная плата, хотя эта связь достаточно слабая по сравнению с переменной «наличие высшего образования» (значение стандартизованного коэффициента $-0,061$ против $0,204$).

Образование является одним из индикаторов человеческого капитала. Мета-анализ исследований взаимосвязи образования и зарплаты на российском рынке труда в 1990–2000-е годы [8] показывает, что в среднем норма отдачи от образования составляет 7,1% за каждый дополнительный год обучения. Несмотря на более низкий уровень этого значения по сравнению с западными странами в России образование сохраняет роль важного фактора, влияющего на размер зарплаты и позволяющего претендовать на «хорошие» рабочие места (стабильные, гарантированные, с социально-правовой защитой). В результате образование во многом опосредует взаимосвязь между прекарностью и зарплатой. Вместе с тем, как свидетельствуют эмпирические данные, сохраняется самостоятельное негативное влияние степени прекарности на размер зарплаты: для работников с высшим образованием и без него неустойчивые условия трудовой деятельности сопряжены с более низким уровнем трудовых доходов.

Таблица 4

Регрессионные модели

(значения стандартизированных коэффициентов, зависимая переменная — логарифм зарплаты)

Переменные	модель 1	модель 2
Наличие высшего образования (1 — да)	0,212***	0,204***
Отрасли (референтная группа — сельское хозяйство)		
Промышленность	0,104*	0,1*
Строительство, транспорт, связь	0,043	0,053
Образование	-0,011	-0,016
Торговля, бытовое обслуживание	-0,037	-0,027
Прочее	0,063	0,059
Пол (1 — мужской)	0,209***	0,215***
Возраст (референтная группа — до 29 лет)		
от 30 до 39	0,167***	0,158***
от 40 до 49	0,147***	0,136***
от 50 и старше	-0,025	-0,03
Тип населенного пункта (референтная группа — село)		
Крупный город (более 500 тыс.)	0,266***	0,267***
Средний город (200-500 тыс.)	0,106**	0,104**
Малый город (до 200 тыс.)	0,139**	0,136**
Индекс прекаризации занятости	—	-0,061*
R-квадрат	0,229	0,233
Скорректированный R-квадрат	0,221	0,223

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$

**Прекаризация и/или низкая зарплата:
что ухудшает социальное самочувствие**

Рассмотренные выше эмпирические данные подтверждают наличие взаимосвязи между степенью прекаризации и размером зарплаты. Вместе с тем в каждой группе работников с разным уровнем прекаризации наблюдается достаточно большой разброс в размере зарплаты (Табл. 2): стандартное отклонение составляет от 12 до 18 тысяч рублей, что свидетельствует о высокой степени неоднородности групп, сильной дифференциации по зарплате. Иными словами, и среди устойчиво занятых, и среди испытывающих высокую степень прекаризации есть группы с относительно низкими и высокими зарплатами.

Возникает вопрос: может ли высокий доход компенсировать недостатки неустойчивости занятости? Для ответа на него работники были разделены на четыре группы (Табл. 5) в зависимости от устойчивости занятости (0–2 признака прекаризации — «устойчивые», 3 и более — «неустойчивые») и размера зарплаты (выше/ниже медианного значения в 25 тысяч рублей — условно

«зарабатывающие выше ниже среднего»). Наиболее наполнены группы I и II (37,3% и 38,8% соответственно) — относительно «устойчивых», но с разным уровнем оплаты труда. По последнему признаку они делятся на две равные по объему группы, что косвенно свидетельствует о том, что стабильная, устойчивая занятость еще не гарантирует больших заработков. Среди остальных работников (с высоким уровнем прекаризации) преобладают имеющие зарплату ниже среднего (15,1%). А «неустойчивых», но зарабатывающих больше медианного значения, практически в два раза меньше (8,7%), т.е. прекарная занятость чаще сопровождается более низкой зарплатой.

Таблица 5

Группы работников по степени прекаризации и размеру зарплаты

Количество признаков прекаризации	Зарплата выше медианы (> 25 тыс. руб.) «выше среднего»	Зарплата ниже медианы (≤ 25 тыс. руб.) «ниже среднего»
0–2 («устойчивые»)	I группа 37,3% (440 чел.)	II группа 38,8% (458 чел.)
3–6 («неустойчивые»)	III группа 8,7% (103 чел.)	IV группа 15,1% (178 чел.)

Из четырех групп ярко выраженную социально-демографическую специфику сразу по нескольким характеристикам имеет только IV («неустойчивые с зарплатой ниже среднего»). Их отличает более высокая доля лиц старшего возраста 65+ (15,2% против 4,3–7,8% в других группах) и молодых до 24 лет (17,4% против 2,7–7,2%), не состоящих в браке и не имеющих детей, с небольшим трудовым стажем (до 3 лет — 24,7% против 5–12,6%). Неслучайно молодежь и работающих пенсионеров относят к группам повышенного риска прекаризации [3; 10]: на этапах начала и окончания трудового пути работники чаще сталкиваются с негарантированной и незащищенной занятостью.

«Неустойчивые с доходом выше среднего» (группа III) во многом схожи по социально-демографическому составу с I–II группами, их отличительные черты — это самая высокая доля лиц со средним специальным образованием (79,6% против 66,2% во II группе, 48,6% — в I) и жителей крупных городов (51,5% против 41,4% в I группе, 23,4–29,2% во II и III). Это свидетельствует о том, что в больших населенных пунктах работа на условиях неустойчивой занятости позволяет достигать уровня доходов, сопоставимого с социально-защищенными рабочими местами, в отличие от сельской местности, где прекарная занятость обычно сопряжена с доходами ниже среднего. Представители III группы чаще имеют в качестве дополнительных источников дохода собственный бизнес (9,7% против 0,7–1,7% в других группах), подработки или дополнительную занятость (40,8% против 13–29%), сдают в аренду недвижимость (9,7% против 0,7–2,8%). Можно сказать, что они более предприимчивы в поисках дополнительных источников дохода, но это может быть и попытка компенсировать неустойчивость занятости и доходов по основному месту работы.

Субъективные оценки места работы и условий занятости существенно варьируют у представителей четырех групп (Табл. 6). Наиболее недовольны «неустойчивые, зарабатывающие ниже среднего» (IV) — они чаще отмечают наличие разнообразных проблем по месту работы, находятся в наиболее уязвимом положении, не имея ни гарантированной занятости, ни высокой зарплаты. В этой связи особый интерес представляет группа III: если неустойчивая занятость позволяет получать зарплату выше среднего, то компенсирует, сглаживает ли это недостатки precarious занятости? С одной стороны, представители группы III реже жалуются на низкие зарплаты (44% против 65,5–70% в II и IV группах), как и «устойчивые с зарплатой выше среднего» (37,8%). Вместе с тем неясность оплаты труда и отсутствие социальных льгот, плохие условия труда чаще волнуют именно «неустойчивых» (группы III и IV).

Таблица 6

Жалобы на проблемы по месту работы, %

Проблемы	I Устойчивые, зарабатывающие выше среднего	II Устойчивые, зарабатывающие ниже среднего	III Неустойчивые, зарабатывающие выше среднего	IV Неустойчивые, зарабатывающие ниже среднего
Низкая оплата труда	37,8	70	44	65,5
Неясность в оплате труда	17,6	15,1	26	20,6
Отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания	9,7	10	31	26,1
Нет перспективы в работе, профессиональной карьере	16,5	20,9	23	27,3
Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)	6,8	5,8	5	11,5
Плохие условия труда	5,5	7,4	12	12,7
Опасение потерять работу	27,3	23	22	23,6

Отсутствие перспектив в работе и профессиональной карьере — актуальная проблема для представителей всех четырех групп (4 место из 7 даже у «устойчивых, зарабатывающих выше среднего»). Причем доля обеспокоенных этой проблемой возрастает с 16,5% до 27,3% при переходе от I группе к IV, усугубляя положение «неустойчивых». Несмотря на то, что неустойчивая занятость неоднородна (в условиях нестабильной и негарантированной занятости могут трудиться высококвалифицированные работники с высокой зарплатой и демонстрировать удовлетворенность работой), все же в целом она чаще воспринимается в негативном ключе, о чем свидетельствует повышенный уровень недовольства условиями занятости в группах неустойчиво занятых.

Опасения потерять работу — единственная проблема, которая волнует прекаризованных в той же мере (22–23,6% в группах III–IV), что и «устойчивых» (23% во II группе, 27,3% — в I). Это подтверждает, что precarious

занятость зачастую связана с «плохими» рабочими местами, за которые работники не держатся, осознавая, что легко смогут найти аналогичное неустойчивое место работы.

Одним из негативных последствий precarious занятости для работника считается снижение горизонтов планирования, сказывающееся на других сферах жизнедеятельности. Может ли высокий заработок при неустойчивой занятости компенсировать это негативное последствие? При переходе от I к IV группе (Табл. 7) наблюдается снижение положительных оценок и рост отрицательных по всем показателям социального самочувствия (удовлетворенность жизнью, ее изменениями за прошедшие три года, социальный оптимизм) и в отношении трудовой сферы (удовлетворенность работой, оценка справедливости оплаты труда и изменения материального положения).

Таблица 7

Социальное самочувствие работников, %

Показатели	I Устойчивые, зарабатывающие выше среднего	II Устойчивые, зарабатывающие ниже среднего	III Неустойчивые, зарабатывающие выше среднего	IV Неустойчивые, зарабатывающие ниже среднего
Вы удовлетворены своей жизнью?				
Удовлетворены	41,6	37,1	20,4	27
Частично удовлетворены	50,2	50,4	61,2	50
Не удовлетворены	7	10,7	12,6	19,7
Как изменилась Ваша жизнь, жизнь Вашей семьи за последние три года?				
Улучшилась	38,9	20,1	18,4	10,1
Ухудшилась	11,4	24	31,1	37,1
Как Вы думаете, Ваша жизнь в ближайшем будущем улучшится?				
Улучшится	55,9	41,9	40,8	29,8
Не улучшится	18,6	21,8	26,2	34,8
Насколько Вы удовлетворены своей работой?				
Полностью удовлетворены	30,2	14,8	11,7	5,6
В целом удовлетворены	57,3	64,2	50,5	55,1
Не удовлетворены	12,5	21	37,9	39,3
Как Вы считаете, справедливо ли оплачивается Ваш труд?				
Справедливо	34,5	20,1	14,6	10,7
Не всегда справедливо	40,5	41,9	46,6	48,3
Несправедливо	18,6	29,5	30,1	33,1
Как изменилось за последние три года Ваше материальное положение?				
Улучшилось	38,2	21	16,5	12,4
Ухудшилось	12,7	26,6	33	42,7

Если проранжировать группы по социальному самочувствию, то они будут расположены в порядке, соответствующем их номерам (от I к IV). В этом рейтинге наибольший интерес представляет группа III — «неустойчивых, но зарабатывающих выше среднего»: по социальному самочувствию они уступают «устойчивым с зарплатой ниже среднего», т.е. более высокая зарплата не компенсирует негативные последствия неустойчивой занятости. И работники с меньшей зарплатой, но трудящиеся в более стабильных условиях и находящиеся в защищенном социально-правовом положении, демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности жизнью и работой. Тем самым неустойчивость занятости, даже если позволяет некоторым работникам зарабатывать «выше среднего», все равно подрывает социальное самочувствие и по ряду аспектов оказывает более существенное негативное влияние, чем низкий доход.

Характер взаимосвязи прекаризации занятости и заработной платы неоднозначен с теоретической точки зрения. Низкий заработок рассматривают и как признак, и как следствие прекарности. Эмпирические данные свидетельствуют, что эта взаимосвязь во многом обусловлена уровнем образования (высококвалифицированные работники чаще занимают «хорошие» рабочие места — не только с социально-правовой защитой и льготами, гарантиями занятости, но и с более высокой зарплатой; а низкоквалифицированные чаще трудятся на «плохих» рабочих местах). Однако самостоятельное влияние прекарности на зарплату все же подтверждается, независимо от пола, возраста, образования, отрасли и типа населенного пункта.

Прекарность тесно взаимосвязана с ухудшением социального самочувствия, и относительно высокий заработок при неустойчивой занятости не компенсирует негативные последствия прекарности. Работники с неустойчивой занятостью и зарплатой выше среднего демонстрируют более низкие оценки субъективного благополучия в целом (удовлетворенности жизнью, переменами за последние годы, перспективами) и в сфере труда (удовлетворенность работой и условиями занятости), чем работники с низкой зарплатой, но устойчивой занятостью. В целом прекаризация связана с более низкой зарплатой и негативно сказывается на социальном самочувствии работников.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.

Библиографический список

- [1] *Анисимов Р.И.* Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
- [2] *Бобков В.Н., Одинцова Е.В.* Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2.
- [3] *Буланова М.Б., Артамонова Е.А.* НЕЕТ-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.

- [4] *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Нормально ли быть неформальным? // *Экономический журнал ВШЭ*. 2013. Т. 17. № 1.
- [5] *Карабчук Т.С.* Непостоянная занятость и социальная стратификация // *Социологический журнал*. 2009. № 3.
- [6] *Кученкова А.В.* Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1.
- [7] *Кученкова А.В., Колосова Е.А.* Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 3.
- [8] *Лукьянова А.Л.* Отдача от образования: что показывает мета-анализ // *Экономический журнал ВШЭ*. 2010. № 3.
- [9] *Матвеева Т.А.* Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом // *Уровень жизни населения регионов России*. 2014. № 3.
- [10] *Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова*. М., 2006.
- [11] *Попов А.В., Соловьева Т.С.* Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 6.
- [12] *Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко*. М., 2020.
- [13] *Стребков Д.О., Шеевчук А.В., Спирина М.О.* Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам переписи фрилансеров). М., 2015.
- [14] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
- [15] *From Precarious Work to Decent Work. Policies and Regulations to Combat Precarious Employment*. Geneva, 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96

Employment precarization as a factor of wages differentiation and social well-being*

A.V. Kuchenkova

Russian State University for Humanities
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125993, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: a.kuchenkova@rggu.ru)

Abstract. Employment conditions (form of labor relations, social security, (un)stability of wages, informal payments, etc.) are a key factor of the social-economic differentiation in the contemporary Russian society, which determines the need to clarify the relationship between the worker's position in the labor market and one's earnings. There are many empirical assessments of wage losses for various types of non-standard employment (informal, temporary, part-time, casual, etc.); however, each type is just one manifestation of precarization (as non-guaranteed and unstable employment), which does not present this phenomenon in general. The author considers the relationship between precarization and wages. Based on the data of the all-Russian survey of the working population (2018), the author argues that not all but some features of precarization (lack of indefinite term employment agreement, sick leave and vacation pay) are associated with a lower salary; only a high level of precarization (three or more its features together) significantly reduces wages. Despite the fact that this relationship is partly mediated by the level of education of the employee, precarization still has an independent negative impact on wages. Groups of workers with a high and low level of precarization are heterogeneous in wages which can

* © A.V. Kuchenkova, 2021

The article was submitted on 13.07.2020. The article was accepted on 01.10.2020.

compensate for the disadvantages of the unstable and non-guaranteed employment situation. Thus, workers can be divided into four groups according to their employment precarization and salaries, which determine their social well-being. The ‘unstable group with wages below average’ shows the lowest level of subjective well-being and social optimism both in life in general and in assessing the labor sphere. The ‘unstable group with wages above the average’ declares a lower level of social well-being than the ‘stable group with wages below the average’, i.e., higher wages do not compensate for the negative consequences of precarious employment which worsens social well-being even provided wages ‘above the average’.

Key words: employment precarization; wages; social well-being; Russian labor market; social-economic differentiation; features of precarization; level of precarization

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00024.

References

- [1] Anisimov R.I. Nestandartny trud: kto v vyigryshe? Teoretiko-metodologicheskyy analiz podkhodov k izucheniju nestandartnoy trudovoy zanjatosti [Non-standard work: Who wins? Theoretical-methodological analysis of the approaches to the study of non-standard employment] *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3). (In Russ.).
- [2] Bobkov V.N., Odintsova E.V. Vliyanie neustojchivosti zanjatosti na materialnuju obespechennost domokhozhastv [Influence of precarious employment on households’ well-being]. *Sotsialno-Trudovie Issledovaniya*. 2020; 39 (2). (In Russ.).
- [3] Bulanova M.B., Artamonova E.A. NEET-molodezh: evropejsky kontekst i rossijskie realii [The NEET youth: European context and Russian realities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
- [4] Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. Normalno li byt neformalnym [Is it normal to be informal?]. *Economicheskyy Zhurnal VShE*. 2013; 17 (1). (In Russ.).
- [5] Karabchuk T.S. Nepostojannaja zanjatost i sotsialnaja stratifikatsiya [Non-permanent employment and social stratification]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2009; 3. (In Russ.).
- [6] Kuchenkova A.V. Precarizatsiya zanjatosti: k metodologii i metodam izmereniya [Precarious employment: Methodology of measurement]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (1). (In Russ.).
- [7] Kuchenkova A.V., Kolosova E.A. Differentsiatsiya rabotnikov po kharakteru neustoychivosti ikh zanyatosti [Differentiation of workers by features of precarious employment]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2018; 3. (In Russ.).
- [8] Lukyanova A.L. Otdacha ot obrazovaniya: chto pokazivaet meta-analiz [Return on education in Russia: Evidence of meta-analysis]. *Economicheskyy Zhurnal VShE*. 2010; 3. (In Russ.).
- [9] Matveeva T.A. Vliyanie neustojchivosti zanjatosti na trudovye dokhody rossijskikh rabotnikov i na ikh udovletvorennost trudom [Influence of unstable employment on labor incomes of Russian workers and their job satisfaction]. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*. 2014; 3. (In Russ.).
- [10] *Nestandartnaja zanjatost v rossijskoj ekonomike* [Non-standard Employment in Russian Economy]. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (Eds.). Moscow; 2006. (In Russ.).
- [11] Popov A.V., Solovieva T.S. Analiz i klassifikatsii posledstviy prekarizatsii zanjatosti: individualny, organizatsionny i obschestvenny urovni [Analysis and classification of precarization consequences: Individual, organizational and social levels]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2019; 12 (6). (In Russ.).
- [12] *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: The Emergence of a New Class]. Toshchenko Zh.T. (Ed.). Moscow; 2020. (In Russ.).
- [13] Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. *Razvitie russkojazychnogo rynka udalenoj raboty, 2009–2014 gg. (po rezultatam perepisi frilanserov)* [Development of the Russian-Language Market of Remote Work, 2009–2014 (Results of the Freelancers Census)]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [14] Tikhonova N.E. *Sotsialnaja struktura Rossii: teorii i realnost* [Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [15] *From Precarious Work to Decent Work. Policies and Regulations to Combat Precarious Employment*. Geneva; 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109

Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества *

И.П. Рязанцев¹, М.А. Подлесная², И.В. Богдан³

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23 Б, Москва, 115184, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к.5, Москва, 117218, Россия

³НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения Москвы
ул. Шарикоподшипниковская, 9, Москва, 115088, Россия
(e-mail: dekan-soc@mail.ru; yamap@yandex.ru; BogdanIV@zdrav.mos.ru)

Концепт устойчивого развития в последние десятилетия стал основным теоретическим ориентиром для большинства стран. Не последнюю роль в обеспечении устойчивого развития играют традиции и ценности, в том числе установки молодежи, особенно студенчества, которое ориентировано на профессиональное будущее в России или за рубежом. Понимание вектора предпочтений студенческой молодежи во многом определяет стратегию развития страны и оценку ее человеческого капитала. В 2018 году авторы провели вторую волну эмпирического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (первая волна — 2012 год), ориентированного на изучение ценностей студентов таких ведущих вузов, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, и таких региональных вузов, как Тюменский государственный университет, Самарский государственный технический университет и Севастопольский государственный университет. Метод исследования — массовый опрос учащихся с помощью анкеты, в том числе посредством онлайн-анкетирования. Всего было опрошено 2505 студентов. В качестве объяснительной модели использовалась концепция традиционалистской модернизации. В статье проанализированы результаты факторного анализа ценностных ориентаций учащихся по шкале Шварца и досуговых практик студентов, а также такие показатели, как авторитет и авторитетное мнение, ответственность и чувство толерантности студентов. Авторы приходят к выводу об универсализме ценностей студенческой молодежи, которые оказываются весьма гибкими в отношении как процессов модернизации, так и сохранения российской специфики, что несколько отличается от исследования 2012 года, где приверженность традиционализму была более выраженной. Авторы статьи интерпретируют этот факт как поколенческую черту людей, рожденных в благополучные 2000-е годы, что свидетельствует о постепенном переходе российского общества к универсализму ценностей, совмещению самых разных ценностных оснований и уходе от патерналистских установок. В статье представлен сравнительный анализ по ряду показателей столичных и региональных вузов, отмечена специфика тех и других, что позволяет говорить о разной степени универсализма ценностей.

Ключевые слова: российский университет; столичный и региональный вуз; студенческая молодежь и ее ценности; устойчивое развитие; традиционалистская модернизация; шкала Шварца; факторный анализ; универсализм ценностей

* © Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В., 2021

Статья поступила 13.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

Одним из важнейших аспектов развития общества является соотношение трансформаций и устойчивых оснований его жизнедеятельности. В социологии сложилось несколько школ, в которых развитие исследуется с разных позиций [12], но наиболее адекватным теоретическим инструментом для изучения указанного соотношения представляется концепт устойчивого развития. Н. Луман предлагал рассматривать устойчивость как критерий предпочтительного прогноза развития [6], понимая под свойствами устойчивости упругость системы и ее способность к амортизации.

Концепт устойчивого развития актуализировался в последние годы в связи с глобальными вызовами, угрожающими функционированию социальных систем (от государства до местного сообщества) [16; 18; 19; 20; 22; 23; 27; 28]. При этом социальная устойчивость часто понимается как способность социальных структур противостоять, воспринимать, справляться с угрозами и приспосабливаться к ним [4].

Развитие каждой страны имеет культурные особенности и в большей степени связано не с экономикой, а традицией. Российскую модернизацию часто называют традиционалистской, отмечая ее противоречивый характер: стремление к научно-техническому прогрессу и ориентация на Запад, но принятие лишь тех инноваций, которые соответствуют представлениям россиян о развитии. Выбор инноваций во многом зависит от их согласованности с традицией: «Одобрятся инновации, устраняющие рутинные элементы деятельности, позволяющие сфокусироваться на ее творческих составляющих. Отрицается все, что ведет к деградации культуры, разрушению семьи, алгоритмизации действия и утрате позиции его субъекта. Соппротивление такого рода инновациям вполне осознано, редко бывает открытым, ориентировано на преобразование неприемлемых нововведений» [1. С. 20]. Следовательно, развитие — это не столько устойчивость в плане восстановления равновесия, как отмечают приверженцы системного подхода, но сохранение и воспроизводство традиции в новых исторических и технологических условиях: «традиции и инновации, будучи двумя сторонами общественного развития, находятся в сложном отношении, которое с известной степенью условности можно определить как их синкретизм, т.е. сочетание, соединение разнородных, разнонаправленных начал» [2. С. 47]. Традиция — это то, что сохраняет устойчивость общества, обеспечивает связь и преемственность между поколениями, поддерживает ценностные основания. Иными словами, традицию можно интерпретировать как составляющую процесса развития, обеспечивающую его устойчивость.

Одной из главных задач исследования, результаты которого представлены в статье, было изучение набора ценностей, которыми руководствуются студенты и преподаватели, взаимодействуя друг с другом в социальном пространстве университета. Также авторы стремились выяснить, как социально-религиозные практики и традиции (учебные, внеучебные, воспитательные и научные), передающиеся или нет, имеющие свою преемственность или

нарушающие ее, осуществляются в реалиях системы университетского образования. В 2018 году авторы провели полномасштабное исследование «Духовно-нравственная культура российского вуза» в светских и духовных вузах (рассматривались только учебные заведения Московского Патриархата). Светские вузы были представлены двумя крупнейшими университетами России — Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ) — и тремя региональными университетами — Тюменским государственным университетом (ТюмГУ), Самарским государственным техническим университетом (СамГТУ) и Севастопольским государственным университетом (СевГУ). В опросе студентов светских вузов приняли участие 2505 учащихся, в духовных школах были опрошены 492 семинариста. Далее представлен анализ данных, полученных в светских вузах, среди которых были те (МГУ и СПбГУ), что принимали участие и в исследовании 2012 года.

Метод исследования — массовый опрос учащихся по квотируемой выборке, где в качестве квот выступали не только пол, возраст, курс, но и профиль обучения — естественные науки, точные (технические), гуманитарные и социальные. Опрос проводился как с помощью онлайн-анкеты, так и у зданий вузов с помощью распечатанной анкеты и интервьюеров (особенно в МГУ и СПбГУ, где опрос проводился и в 2012 году). В анкете 2018 года, как и в опросе 2012 года, респондентам был предложен вопрос с высказываниями, относящимися к разным типам мотивации: самопреодоление, самоутверждение, открытость изменениям и сохранение. В авторской методике Ш. Шварца «совокупность ценностей представляет собой мотивационный континуум, мотивационные различия между ценностями могут рассматриваться скорее как непрерывные, чем как дискретные» [25. С. 45–46], по аналогии с цветовым спектром, который «можно разделить на более широкие или более узкие ценностные конструкты» [17. С. 424]. Сначала была создана шкала из 10 ценностей, затем она была расширена до 19. Как показало множество замеров, рабочей оказались обе шкалы, но с разницей в фиксации более узких ценностных конструктов. В исследовании мы использовали первый вариант шкалы Шварца.

Для обработки результатов был применен факторный анализ. Факторы извлекались методом главных осей с последующим косоугольным облиминированием (варимакс с нормализацией Кайзера, мера КМО = 0,75, критерий сферичности Бартлетта $< 0,0001$). Рассмотрим результаты факторного анализа более подробно: они представлены в Таблице 1 на примере ТюмГУ, взявшего курс на модернизацию и заявляющего об этом в своей образовательной программе. Для студентов ТюмГУ было выделено 5 факторов (> 1), которые объясняют 51% дисперсии.

Таблица 1

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов ТюмГУ					
Ценности	Фактор				
	1	2	3	4	5
важно быть уважаемым человеком	,723	,196	,197	–,042	–,004
важно быть успешным	,696	,084	,114	,290	–,152
важно быть богатым	,602	,179	–,325	,151	,128
важно продемонстрировать свои способности	,506	,223	,150	,032	–,278
важно иметь возможность повеселиться	,255	,769	,041	–,024	–,040
важно хорошо проводить время	,155	,763	,040	,092	,143
важен поиск приключений, риск	,103	,540	,166	,035	–,333
важно помогать окружающим	,150	,008	,784	,074	,006
важно понять других людей	–,068	,220	,599	,037	–,170
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	,410	–,236	,584	–,062	,319
важно быть верным другом	,045	,366	,495	,288	,098
важно самому принимать решения	,035	,256	,033	,741	–,203
важно жить в безопасном окружении	,195	–,146	,112	,741	,144
важно быть скромным, держаться в тени	–,111	,036	,020	–,017	,849

Первый фактор полностью совпадает с фактором самоутверждения Шварца. Данный фактор нагружает больше всего пункты: важно быть уважаемым человеком; важно быть успешным; важно быть богатым; важно продемонстрировать свои способности. В исследовании 2012 года этот фактор был столь же значим и занимал первое место у студентов МГУ и СПбГУ. Во второй фактор вошли 3 из 4 суждений, имеющих отношение к открытости изменениям (важно иметь возможность повеселиться, важно хорошо проводить время, важен поиск приключений). В исследовании 2012 года применительно к МГУ и СПбГУ эти значения факторов были обозначены как «гедонизм — склонность к инновациям/рisku» [9. С. 564].

Третий фактор — забота о людях (важно помогать окружающим, важно выслушивать мнения не похожих людей, важно быть верным другом), также в этот фактор входит важность вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение, которое у студентов ТюмГУ ассоциируется с уважительным отношением к другим. Четвертый фактор объединяет открытость изменениям (важно самому принимать решения) и ценности сохранения (важно жить в безопасном окружении). Можно предположить, что независимость для молодежи — очень важное чувство, и отстаивание своих прав выступает гарантией безопасности. Последний фактор — одна позиция о важности скромности — самый непопулярный. Однако отечественные авторы, изучавшие российскую специфику применения шкалы Шварца, при многомерном шкалировании 19 ценностей сделали значимые для нас

уточнения: например, «репутацию лучше рассматривать как часть безопасности, а скромность — как часть конформизма» [13. С. 63], при этом традиция имеет те же основания, что и репутация, тяготея не к позициям конформизма, а безопасности. Непопулярность позиции «важно быть скромным» может говорить в том числе о снижении конформизма в студенческой среде.

Таким образом из 4 классических факторов Шварца самый невыраженный у молодежи ТюмГУ — фактор сохранения, который «размазан» по другим факторам и указывает на неактуальность избегания изменений, самоограничения и порядка [13. С. 51]. Это может объясняться как молодым возрастом респондентов, которые в полной мере не ощутили ответственность взрослой жизни (о чем говорит также высокая доля обеспеченных респондентов), так и тем, что их детство (в отличие от более старших поколений) пришлось на относительно благополучные 2000-е годы, что делает для них менее актуальными материалистические ценности и обуславливает их интерес к ценностям постматериалистическим.

Проведенный факторный анализ (Табл. 2) по всем вузам ($KMO = 0,775$) показал в целом схожую с ТюмГУ картину, с небольшими различиями по более выраженным ценностям сохранения и менее дифференцированным ценностям открытости изменениям и самоутверждения.

Таблица 2

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов по всем вузам				
Ценности	Фактор			
	1	2	3	4
важно иметь возможность повеселиться	,749	-,036	,137	-,097
важно хорошо проводить время	,660	,101	,188	-,053
важен поиск приключений, риск	,604	-,096	,241	-,188
важно продемонстрировать свои способности	,535	,155	,150	,025
важно быть богатым	,523	,323	-,436	,230
важно быть уважаемым человеком	,500	,387	,010	,387
важно жить в безопасном окружении	-,133	,737	,157	,043
важно быть успешным	,459	,616	-,038	,079
важно самому принимать решения	,188	,548	,236	-,357
важно помогать окружающим	,095	,161	,726	,221
важно понять других людей	,210	-,008	,581	,051
важно быть верным другом	,254	,210	,536	,043
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	-,019	,227	,275	,699
важно быть скромным, держаться в тени	-,095	-,176	,050	,636

Факторный анализ был проведен и по формам досуга студенческой молодежи. Рассмотрим его результаты на примере данных, полученных в ТюмГУ (использовался метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за 6 итераций, $KMO=0,75$, объясненная дисперсия = 49%) (Табл. 3).

Таблица 3

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов ТюмГУ (досуг)					
Формы досуга	Фактор				
	1	2	3	4	5
путешествия по городам с экскурсией	,706	–,028	,066	,180	,041
посещение театров, музеев	,654	,062	,279	,041	–,087
поездки на море/отдых на природе	,644	,174	,126	,026	,059
занятия спортом	,509	,107	–,242	–,135	,017
посещение музыкальных концертов, клубов, рок-фестивалей	,506	,213	,151	–,021	,098
занятия волонтерской работой	,290	,104	,215	,025	,107
просмотр телевизора	,070	,752	–,154	–,066	–,226
общение с друзьями и знакомыми по Интернету	–,050	,644	,193	,049	,427
прогулки с друзьями	,233	,582	,065	,013	,055
встречи с родными	,277	,561	,281	,071	–,015
занятия творчеством	,106	,015	,772	–,014	,041
чтение книг	,193	,126	,633	–,024	–,082
молитва, чтение Евангелия, Псалтыри, Святых Отцов	,022	,007	–,045	,808	,032
посещение храма во время Богослужений	,062	,018	,027	,788	–,078
игры в компьютерные игры	–,023	,035	,106	,013	,799
игры в азартные игры на деньги или на «интерес»	,232	–,057	–,228	–,090	,564

Первый фактор (путешествия по городам с экскурсией, театры и музеи, поездки на море/природу, спорт, фестивали) можно назвать фактором активного отдыха: он самый нагруженный, что может указывать как на реальную активность учащихся в досуговой деятельности, так и на их ожидания. К этому фактору примыкает волонтерская деятельность, хотя и со слабой факторной нагрузкой, но несколько ниже данная переменная нагружена на другие факторы, в первую очередь, на третий, что указывает на то, что волонтерство входит в досуг. Второй фактор (телевизор, общение по Интернету, прогулки с друзьями, встречи с родными) можно назвать пассивным отдыхом или отдыхом с близкими. Третий фактор (занимаюсь творчеством, читаю книги) связан с интересом к творчеству и саморазвитию. Четвертый фактор (молитва и чтение священных книг, посещение храма) — религиозное времяпрепровождение. Пятый (компьютерные игры и игры в карты) — это азартный отдых. Последние два фактора наименее популярны и не составляют досуг значительной части студенческой молодежи ТюмГУ.

Факторный анализ, проведенный по всем вузам, обнаружил схожую с ТюмГУ картину, указывая на набор общих досуговых практик студенческой молодежи как в столичных университетах, так и региональных. Вместе с тем заметна большая нагруженность первого фактора, включающая практики активного отдыха. Причем этот фактор размывается позициями «занимаюсь

творчеством», «читаю книги», которые в случае ТюмГУ составляли отдельный фактор «творчество и саморазвитие». По всем вузам наблюдается рост позиции «занимаюсь волонтерской работой», что, очевидно, характерно для студенчества в целом. Фактор, обозначенный нами как религиозное времяпрепровождение, становится третьим, обозначая наличие группы студенческой молодежи, участвующей в церковных таинствах и другой религиозной деятельности. Факторный анализ по всем вузам, при общей схожести досуговых практик, обнаружил их вариативность и гибкое сочетание (Табл. 4).

Таблица 4

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов по всем вузам (досуг)					
Формы досуга	Фактор				
	1	2	3	4	5
посещение театров, музеев	,655	,089	,078	,278	–,051
чтение книг	,619	,051	,020	–,117	–,018
занятия творчеством	,596	,166	–,012	–,220	–,001
посещение музыкальных концертов, клубов, рок-фестивалей	,592	,122	–,033	,166	,136
путешествия по городам с экскурсией	,454	,105	,091	,443	–,060
занятия волонтерской работой	,344	,022	,062	,240	,162
просмотр телевизора	–,182	,733	,039	,019	–,028
встречи с родными	,258	,631	,037	,168	–,024
общение с друзьями и знакомыми по Интернету	,234	,596	–,062	–,240	,266
прогулки с друзьями	,232	,497	–,048	,178	,026
поездки на море/отдых на природе	,383	,425	,037	,411	–,018
молитва, чтение Евангелие, Псалтыри, Святых Отцов	–,017	–,003	,838	–,039	,061
посещение храма во время Богослужений	,096	,002	,824	,047	–,034
занятия спортом	–,025	,093	–,046	,705	,046
игры в компьютерные игры	,064	,158	–,028	–,195	,753
игры в азартные игры на деньги или на «интерес»	–,003	–,084	,061	,287	,723

В концепции Иглхарта досуг является одной из основных постматериалистических ценностей [5], его разнообразие, о чем свидетельствуют полученные данные, указывает не только на имеющиеся возможности, но и на запросы студентов, которые неоднородны и связаны не только с развлечением, но и с познавательной деятельностью, общением, саморазвитием, спортом, помощью другим. В качестве отдельных запросов есть и религиозные, что свидетельствует о наличии группы религиозных студентов как в столичных, так и в региональных университетах.

Одним из важных для нас является показатель авторитета среди учащихся российских университетов. Согласно полученным данным, у студентов авторитеты есть, а те, кто заявил об их отсутствии, составили

меньшинство (3,8%). В качестве наиболее значимых авторитетных мнений назывались мнения родителей и ближайших родственников (первая позиция), на втором месте — ближайшие друзья. Это две основные группы авторитетов, чье мнение важно для студентов, к кому они готовы прислушиваться. Все остальные позиции имеют заметно меньшую долю, т.е. авторитеты присутствуют, но круг их довольно узок. Очевидны различия в ответах респондентов столичных и региональных вузов: для учащихся МГУ и СПбГУ в гораздо меньшей степени значим авторитет родителей (семьи), чем для студентов ТюмГУ, СамГТУ, СевГУ, и в большей степени заметно влияние друзей. Для студентов Московского и Санкт-Петербургского университетов в большей мере характерен авторитет преподавателей, публичных персон и ученых (чем по выборке в целом). А вот авторитет школьного учителя низок по всем вузам, что не может не вызывать тревоги, так как это связано с процессом социализации личности.

О ценности семьи косвенно свидетельствуют и ответы на вопрос об отношении студентов к основным христианским заповедям (ветхозаветным и новозаветным). Наибольшее согласие среди учащихся (столичных и региональных вузов) получило высказывание о почитании родителей, но в региональных вузах доли согласившихся с этой заповедью заметно больше, чем в МГУ и СПбГУ. Наименьшее принятие у студентов вызывает заповедь о несопротивлении злу («кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»), особенно это касается учащихся СПбГУ, где с заповедью полностью или частично согласны всего 9,8% опрошенных. Несмотря на высокую значимость дружбы и друзей как авторитетов, с высказыванием о необходимости «положить душу за други своя» как проявлением высшей дружеской любви согласились меньше половины опрошенных. Лишь в МГУ и СевГУ согласных с тем, что любовь, как и дружба, могут быть связаны с ограничениями и лишениями (по 52%). Не получила поддержки и заповедь о поклонении единому Богу, что, скорее всего, свидетельствует об отсутствии соответствующего дискурса в студенческой среде.

Весьма показательны ответы респондентов о том, за кого они готовы нести ответственность. Согласно полученным данным, ответ «ни за кого» не доминирует ни в одном из университетов. В первую очередь учащиеся вузов готовы нести ответственность за себя и свою семью, затем за друзей и лишь в последующую очередь за детей (в обозримом будущем). Вместе с тем и здесь ценность семьи гораздо выше для студентов региональных вузов — учащиеся МГУ и СПбГУ в меньшей степени готовы нести за нее ответственность. При этом в университетах Москвы и Санкт-Петербурга (при небольших показателях по выборке в целом) выше доли тех, кто готов нести ответственность за страну и человечество, а также за своих одноклассников. Можно предположить, что это связано как с престижем университетов, которые формируют у учащихся представление о будущей деятельности широкого масштаба, так и со спецификой российских столичных городов, которые,

в отличие от региональных центров, предоставляют больше возможностей для реализации ответственности.

В заключение рассмотрим ответы студентов на вопросы, которые условно можно отнести к показателям уровня толерантности, — об отношении к людям иной национальности и важности религиозной веры в жизни человека. В анкете мы просили учащихся оценить предлагаемые суждения по 10-бальной шкале, где 1 балл означал полное несогласие, а 10 — полное принятие. В результате по всем вузам на вопрос «Считаете ли Вы, что к людям других национальностей следует относиться с уважением?» был получен средний балл 9, а в СамГТУ — 8; на вопрос «Насколько важной, на Ваш взгляд, в жизни человека является его религия?» — по всем вузам средний балл 5, а в СевГУ — 6. Иными словами, средние оценки показали максимальную степень солидарности учащихся с утверждением, что к людям другой национальности следует относиться с уважением. Подобное проявление толерантности может быть следствием как проводимой российскими властями политики, так и распространения либеральных европейских ценностей, но может быть и стандартным ответом современного гражданина. Тогда как ответы на вопрос о важности религиозной веры в жизни человека не столь однозначны и указывают, видимо, на индифферентное отношение к вопросам религии, а могут свидетельствовать о принятии студентами ценностей постсекулярного общества — когда религия и вера становятся личным делом каждого.

Проведенное исследование показало универсализм ценностей российских студентов, которые способны быть гибкими в отношении как процессов модернизации, так и сохранения российской ценностной специфики. Так, при высокой значимости ценностей самоутверждения (что, согласно Р. Инглхарту, характеризует постматериализм), не менее выражены и ценности сохранения; при высокой значимости досуга в целом и тяготении к активному отдыху, прослеживается и нацеленность на волонтерскую деятельность и помощь другим (особенно в столичных университетах). Наиболее значимой ценностью для студенческой молодежи по-прежнему остается семья, причем в большей степени для учащихся региональных вузов. Для студентов МГУ и СПбГУ важна и дружба, но вместе с тем готовность постоять за друга, чем-то пожертвовать, как и ожидалось, развита не у всех, что скорее всего говорит о редкости таких качеств в целом, чем о крайнем индивидуализме студенческой молодежи.

У современной студенческой молодежи есть четкие авторитеты, и, хотя это преимущественно родители и друзья, т.е. ближайшее окружение, студенты готовы прислушаться и к авторитетам за пределами этого круга, особенно учащиеся столичных университетов, у которых круг авторитетов несколько шире. Назвать нынешних российских студентов безответственными нельзя — напротив, большинство из них готово (по крайней мере

декларируют это) нести ответственность не только за себя, но и за своих близких, прежде всего семью, особенно учащиеся региональных университетов, а у студентов МГУ и СПбГУ круг ответственности еще шире. В сфере религиозности мы видим, что при наличии небольшой группы, выбирающей в качестве досуга религиозные практики, основная масса учащихся проявляет индифферентное отношение к религии (особенно студенты СПбГУ), что может быть проявлением постсекулярного общества, где вера, как и религиозные убеждения — сфера частной жизни. Следует отметить также снижение конформизма в студенческой среде и то, что для большинства студентов безопасность связана с самостоятельностью. В этом смысле учащиеся российских вузов пытаются быть или казаться более независимыми, чем прежде (например, в сравнении с данными 2012 года).

Информация о финансировании

Первая волна исследования (2012) финансировалась Министерством образования и науки, вторая (2018) — Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом в рамках ежегодной научной работы.

Библиографический список

- [1] *Аксенова О.В., Халий И.А.* Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. 2018. № 24.
- [2] *Вебер А.Б.* Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. 2018. № 24.
- [3] *Вербилович О.* Теория коммуникативного действия: ключевые категории и их познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013.
- [4] *Иванов В.Н.* Политическая социология. М., 2000.
- [5] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
- [6] *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- [7] *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03. М., 2010.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [9] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [10] *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М., 2014.
- [11] *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Петрова А.А., Козлов И.И., Пахарь А.М.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
- [12] *Титаренко Л.Г.* Современная социальная теория и национальные традиции // Социологический альманах. 2011. № 2.
- [13] *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. Т. 9. № 1.
- [14] *Alexander J.* The Meanings of Social Life: A Cultural Anthropology. Oxford, 2003.
- [15] *Benhabib S.* Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York, 1992.
- [16] *Birkmann J.* Measuring Vulnerability to Natural Hazards. Towards Disaster Resilient Societies. New York, 2006.

- [17] *Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H.* Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries // *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72.
- [18] *Folke C., Biggs R., Norström A.V., Reyers B., Rockström J.* Social-ecological resilience and biosphere-based sustainability science // *Ecology and Society*. 2016. Vol. 21. No. 3.
- [19] *Goldstone J.* Understanding the revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90.
- [20] *Gunderson L.H., Allen C.R., Holling C.S.* (Eds.) *Foundations of Ecological Resilience*. Island Press, 2009.
- [21] *Luhmann N.* Das Moderne der modernen Gesellschaft // *Beobachtungen der Moderne*. Opladen, 1992.
- [22] *McCarthy D.D.P., Crandall D.D., Whitelaw G.S., General Z., Tsuji L.J.* A critical system approach to social learning: Building adaptive capacity in social, ecological, epistemological (SEE) systems // *Ecology and Society*. 2011. Vol. 16. No. 3.
- [23] *Reggiani A.* Network resilience for transport security: Some methodological considerations // *Transport Policy*. 2013. Vol. 28.
- [24] *Schwartz S.H.* *Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences*. M., 2008.
- [25] *Schwartz S.H.* Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. N.Y., 1992.
- [26] *Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. Vol. 18. No. 2.
- [27] *Walker B., Salt D.* *Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World*. Island Press, 2012.
- [28] *Walker W., Chapin F.S., Kofinas G.P., Folke C., Carpenter S.R., Olsson P., Abel N., Biggs R., Naylor R.L., Pinkerton E., Stafford Smith D.M., Steffen B.H., Young O.R.* Resilience-based stewardship: Strategies for navigating sustainable pathways in a changing world // *Principles of Ecosystem Stewardship: Resilience-Based Natural Resource Management in a Changing World*. N.Y., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109

The student youth's universal values and the Russian society development*

I.P. Ryazantsev¹, M.A. Podlesnaya², I.V. Bogdan³

¹Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Novokuznetskaya St., 23 B, Moscow, 115184, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

³Research Institute for Health Care Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Health Care
Sharikopodshipnikovskaya St., 9, Moscow, 115088, Russia
(e-mail: dekan-soc@mail.ru; yamap@yandex.ru; BogdanIV@zdrav.mos.ru)

Abstract. In recent decades, the concept of sustainable development has become the key theoretical focus for most countries. Traditions and values play an important role in ensuring sustainable

* © I.P. Ryazantsev, M.A. Podlesnaya, I.V. Bogdan, 2021

The article was submitted on 13.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

development, including the attitudes of the younger generation, especially of the student youth who plan their professional future in Russia or abroad. The student youth preferences largely determine the country's development strategy and the assessment of its human capital. In 2018, the authors conducted the second wave of the empirical study "Spiritual-moral culture of the Russian university" (first wave — in 2012) which focused on the values of students of such leading universities as the Lomonosov Moscow State University and Saint Petersburg State University, and of such regional universities as the Tyumen State University, Samara State Technical University and Sevastopol State University. The research was conducted by a mass survey of 2505 students, including an online questionnaire. The concept of traditionalist modernization was used as an explanatory model. The article presents the results of the factor analysis of students' value orientations according to the Schwartz scale and of students' leisure practices, and also such indicators as authority, responsibility and tolerance of students. The authors come to the conclusion about the youth's universal values that are quite flexible in relation to both modernization and preservation of the Russian specifics, which is somewhat different from the 2012 study with a more evident commitment to traditionalism. The authors interpret this fact as a generational feature of people born in the prosperous 2000s, which proves the gradual transition of the Russian society to the universal values, a combination of different value foundations and a departure from paternalistic attitudes. The article presents the results of the comparative analysis of some priorities of metropolitan and regional universities' students, identifies the specifics of both types of universities, which allows to stress the different degrees of values' universalism.

Key words: Russian university; metropolitan and regional university; student youth and their values; sustainable development; traditionalist modernization; Schwartz scale; factor analysis; universal values

Funding

The first wave of the study (2012) was supported by the Ministry of Education and Science, the second wave (2018) — by the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities as a part of the annual scientific work.

References

- [1] Aksenova O.V., Khaliy I.A. Sovremennoe razvitiye. K postanovke temy issledovaniya [Contemporary development. On choosing the research topic]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 24. (In Russ.).
- [2] Weber A.B. Paradoksy sovremennogo razvitiya: chelovechestvo u razvilki istorii [Paradoxes of contemporary development: Mankind on the edge of historic bifurcation]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 24. (In Russ.).
- [3] Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo deystviya: klyuchevye kategorii i ikh poznatelnyy potencial [Theory of communicative action: Key categories and their cognitive potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys-stadi*. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [4] Ivanov V.N. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [5] Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [6] Luhmann N. *Sotsialnye sistemy. Ocherk obshchey teorii* [Systems Theory]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
- [7] Magun V.S., Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezhdru rossiyanami i drugimi evropeytsami* [Basic Values-2008: Similarities and Differences Between Russians and other Europeans]. Preprint WP6/2010/03. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).

- [9] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseni (chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
- [10] Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [Orthodox Civilization]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [11] Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Petrova A.A., Kozlov I.I., Pakhar A.M. Tsennostnye orientatsii studentskoy molodezhi v vuzakh svetskoy i religioznoy napravlenosti [Value orientation of the student youth in religious and secular universities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3). (In Russ.).
- [12] Titarenko L.G. Sovremennaya sotsialnaya teoriya i natsionalnye traditsii [Contemporary social theory and national traditions]. *Sotsiologicheskyy Almanakh*. 2011; 2. (In Russ.).
- [13] Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individualnykh tsennostey: primeneniye v Rossii [A clarified theory of basic individual values: Application in Russia]. *Psikhologiya*. 2012; 9 (1).
- [14] Alexander J. *The Meanings of Social Life: A Cultural Anthropology*. Oxford; 2003.
- [15] Benhabib S. *Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics*. New York; 1992.
- [16] Birkmann J. *Measuring Vulnerability to Natural Hazards. Towards Disaster Resilient Societies*. New York; 2006.
- [17] Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*. 2008; 72.
- [18] Folke C., Biggs R., Norström A.V., Reyers B., Rockström J. Social-ecological resilience and biosphere-based sustainability science. *Ecology and Society*. 2016; 21 (3).
- [19] Goldstone J. Understanding the revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies. *Foreign Affairs*. 2011; 90 (3).
- [20] Gunderson L.H., Allen C.R., Holling C.S. *Foundations of Ecological Resilience*. Island Press; 2009.
- [21] Luhmann N. Das Moderne der modernen Gesellschaft. *Beobachtungen der Moderne*. Opladen; 1992.
- [22] McCarthy D.D.P., Crandall D.D., Whitelaw G.S., General Z., Tsuji L.J. A critical system approach to social learning: Building adaptive capacity in social, ecological, epistemological (SEE) systems. *Ecology and Society*. 2011; 16 (3).
- [23] Reggiani A. Network resilience for transport security: Some methodological considerations. *Transport Policy*. 2013; 28.
- [24] Schwartz S.H. *Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences*. Moscow; 2008.
- [25] Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. M. Zanna (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. New York; 1992.
- [26] Schwartz S.H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*. 1997; 18 (2).
- [27] Walker B., Salt D. *Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World*. Island press; 2012.
- [28] Walker W., Chapin F.S., Kofinas G.P., Folke C., Carpenter S.R., Olsson P., Abel N., Biggs R., Naylor R.L., Pinkerton E., Stafford Smith D.M., Steffen B.H., Young O.R. Resilience-based stewardship: Strategies for navigating sustainable pathways in a changing world. *Principles of Ecosystem Stewardship: Resilience-Based Natural Resource Management in a Changing World*. New York; 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-110-123

Динамика видеопредпочтений российской молодежи (на примере видеохостинга YouTube)*

Л.В. Темнова¹, А.К. Лапшина²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

²Акционерное общество «Финмаркет»
ул. 1-я Тверская-Ямская, 2, стр. 1, Москва, 127006, Россия
(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; acia00.96@yandex.ru)

В связи с тем, что сегодня Интернет стал неотъемлемой частью повседневности молодежи, а видеохостинг YouTube — один из самых посещаемых сайтов среди россиян от 18 до 34 лет, анализ содержания, структуры и динамики видеопредпочтений становится важным направлением социологического анализа агентов социализации и путей их влияния на интересы российской молодежи. Цель исследования — характеристика интересов российской молодежи на основе анализа ее предпочтений на видеохостинге YouTube. Был осуществлен контент-анализ ежегодных отчетов Google о самых популярных в России видеороликах на YouTube, самих видеоматериалов и комментариев к ним, а также проведен анализ количественных показателей (лайков, дислайков, просмотров). В полуструктурированном интервью приняли участие 26 москвичей, в двух онлайн-опросах (2019 и 2020) — 340 респондентов. Для анализа динамики видеопредпочтений были выделены три группы факторов: микросоциальные (социально-психологические — мотивы, установки, гендерные характеристики, психические свойства личности; статусно-ролевые — многообразие статусов и связанных с ними ролей; потребностные); макросоциальные (институциональные — нормы, правила и предписания, специфические для разных сфер общества: социальные, политические, экономические, культурные (включая новые способы коммуникации) и инвайроментальные); случайные. В результате обобщения данных, полученных в ходе контент-анализа наиболее популярных видеороликов, показана динамика видеопредпочтений молодежи в 2008–2020 годы; выявлена связь социальных факторов с интересами молодежи и их динамикой; показано, что видеопредпочтения молодежи в значительной степени определяются индивидуальными характеристиками, поскольку важные для российского социокультурного пространства события практически не оказывают влияния на видеопредпочтения молодых людей.

Ключевые слова: российская молодежь; интересы; видеопредпочтения; YouTube; макросоциальные факторы; микросоциальные факторы

Понятие «интерес» стало широко использоваться в социальном познании с XIX века — как обозначение причины деятельности субъектов, которая выражается в переходе от субъективности содержания к объективности [6. С. 321], связанной с «практическим разумом» [9. С. 306], лежащим в основе побуждений, идей и действий. Для М. Вебера интерес — побочное следствие реализации ценностей, которое лежит в основе выбора субъектов (и

* © Темнова Л.В., Лапшина А.К., 2021

Статья поступила 10.07.2020 г. Статья принята к публикации 01.10.2020 г.

социального действия), преследующих свои интересы исходя из рациональных предпочтений [3. С. 103]. Если социология и политология делают акцент на групповых интересах, то в социальной психологии речь идет об интересах, связанных с направленностью личности, поскольку личность — это совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия [13. С. 684]. Деятельность личности базируется на трех составляющих: потребности (нужда в чем-либо), интересы (направленность) и идеалы (ценности). Идеалы, потребности и интересы — основа появления тенденций, которые и формируют многообразную жизнедеятельность личности.

В свою очередь, при рассмотрении понятия «молодежь» традиционно выделяется три подхода [15]: психоаналитический [18; 19], структурно-функциональный [10; 20] и культурологический [7; 11]. Интересы молодежи — это вид направленности личности, которая сосредоточивается на определенном предмете (в силу его осознанной значимости и эмоциональной привлекательности в данный культурно-исторический период) и обладает социопсихическими качествами для переоценки существующих ценностей. Видеопредпочтения мы рассматриваем как частный случай актуализации интересов молодежи. Раскрытие содержания видеопредпочтений молодежи производилось на основании анализа выбора видеоконтента (видеороликов) на видеохостинге YouTube. Видеопредпочтения — это выбор из множества альтернатив мультимедийного цифрового контента, обусловленный направленностью личности или социальными факторами, а также результат этого выбора [1]. Эмпирическим объектом исследования стала молодежь 18–34 лет, поскольку основная аудитория видеохостинга YouTube — пользователи этого возраста [28].

YouTube — видеохостинговый сайт, основанный в 2006 году и предоставляющий пользователям услуги хранения, доставки и показа видео. Наряду с Википедией, блогом «Живой журнал», социальной сетью MySpace YouTube ознаменовал приход эпохи Web 2.0, о которой еще в 2004 году писал Т. О'Рейли [27]. Особенности использования User Generated Content (UGC), или Peer Production, таковы: участники равны и имеют одинаковые возможности управления контентом; изменения на платформе видны всем участникам; создание контента прозрачно для всех участников [4]. С 2007 года YouTube начинает набирать популярность в России. Почти 90% опрошенных ВЦИОМом молодых россиян в возрасте от 18 до 34 лет пользуются YouTube [5]. Сегодня, по данным компаний GfK, CINT и SSI [8], треть всех пользователей приходят на YouTube за контентом, которого больше нет нигде. Среди российской аудитории наиболее часто YouTube смотрят москвичи [5]. Поэтому эмпирическим объектом исследования стала молодежь в возрасте от 18 до 34 лет, проживающая в Москве и смотрящая видеоролики на YouTube. Популярность YouTube и высокая частота просмотра видеороликов на нем обусловлена следующими характеристиками видеохостинга: свобода выбора видео, гибкость просмотра (возможность совмещать просмотр с другими делами), удобство (можно смотреть, когда и где угодно, есть интеграция с

другими сайтами и соцсетями и др.), агрегация контента (записи телешоу, фильмы, сериалы), уникальный контент, возможность дать обратную связь автору видео.

Цель исследования — определение динамики интересов российской молодежи на основе анализа видеопредпочтений на видеохостинге YouTube, для чего были выделены следующие группы факторов: микросоциальные, макросоциальные и случайные. Под микросоциальными факторами понимается жизненный мир человека в пространственно-временном измерении, где индивид исполняет определенные социальные роли, т.е. эти факторы включают в себя социально-психологические (мотивы, установки, гендерные характеристики, психические свойства), статусно-ролевые (многообразие статусов и связанных с ними ролей) и потребностные [24. С. 15–31]. Выделение подгруппы макросоциальных факторов опирается на институциональный подход, согласно которому на личность и ее поведение воздействуют крупные подсистемы и структуры общества, т.е. макросоциальные факторы включают в себя: институциональные (нормы, правила и предписания, специфические для разных сфер общества) — социальные, политические, экономические и культурные — и инвайроментальные (связанные с окружающей средой, природными изменениями, международным экологическим дискурсом). Случайные факторы обуславливают незапланированный или аффективный выбор, когда индивида мотивирует на просмотр яркая картинка, броское название ролика и др. Таким образом, социальные факторы динамики видеопредпочтений молодежи — это совокупность обстоятельств, обусловленных изменением социального статуса, взрослением, гендерными различиями, ситуацией, информационно-событийным контекстом, которые отражаются на факте и частоте просмотра, активности пользователя после него.

Была сформулирована гипотеза-основание: микросоциальные факторы определяют целенаправленное смотрение, в то время как макросоциальные факторы выступают причиной ситуативной заинтересованности контентом. Эта гипотеза верифицировалась при помощи проверки гипотез-следствий: основная причина просмотров видеороликов на YouTube — проведение досуга; частота смотрения зависит от основного вида деятельности (учебной, профессиональной и др.) респондента; интерес к тематике видео зависит от гендера; интерес к познавательным видеороликам связан с увлечениями и возрастом.

Для определения связи информационно-событийного контента и динамики видеопредпочтений молодежи использовался анализ отчетов Google за 12 лет (2008–2020) и видеоматериалов на YouTube, комментариев к ним, количественных показателей (лайки, дислайки, просмотры). Несмотря на то, что русская версия YouTube появилась в 2007 году, рост российской аудитории приходится на 2008 год [14], поэтому с него и был начат анализ. Были выбраны два крупнейших информационных канала: Яндекс.Новости, который ежедневно агрегирует нескольких тысяч СМИ и автоматически формирует из них новостную картину дня [2], и отчеты РИА.Новости (самое популярное

деловое СМИ по версии Яндекс.Новости) [16]. Для оценки информационного поля использовались отчеты Google Трендов [21] и Google Zeitgeist [22]. Перечни самых популярных видеороликов на YouTube были взяты из ежегодных отчетов Google, а статистическая информация (количество просмотров, лайков и дислайков) — из архиватора Internet Archive [23].

Связь микросоциальных факторов с видеопредпочтениями молодежи была определена на основе онлайн-опроса (2019 и 2020). Выборка была квотной, чтобы соблюсти пропорции по полу (54% юношей и 46% девушек) и возрасту (39% молодых людей в возрасте 18–24 лет и 61% — 25–34) согласно генеральной совокупности по данным Mediascope [24] и AvertMedia [17]. В онлайн-опросе приняли участие 500 человек, после ремонта выборки осталось 340 анкет (Табл. 1).

Таблица 1

Демографическая структура выборки

Социально-демографическая группа	Количество респондентов (начало 2019)	Количество респондентов (начало 2020)
Мужчины, 18–24	20	47
Мужчины, 25–34	31	75
Женщины, 18–24	18	47
Женщины, 25–34	27	75
Всего	96	244

Особенности динамики и связь случайных факторов с предпочтениями молодежи были определены на основе полуструктурированных интервью, в которых приняли участие 26 россиянок-москвичей, которые смотрят YouTube, различаются по уровню образования и профессии. Поиск респондентов велся через YouTube и ВКонтакте [12].

Анализ контента и статистики YouTube позволяет сделать вывод, что макросоциальные факторы в незначительной степени влияют на общее число просмотров. Например, наиболее упоминаемые в СМИ события в исследуемый период (2008–2020) — это присоединение Крыма (более 46000 упоминаний за 2014), Олимпийские игры в Сочи (более 75000 за 2014), Минские соглашения (около 80000 за 2015), Чемпионат Мира по футболу (более 240000 за 2018), президентские выборы (около 120000 за 2018), пенсионная реформа (более 72000 за 2018), строительство и открытие Крымского моста (более 45000 за 2018), победа на выборах президента на Украине В. Зеленского (свыше 90000 за 2019), коронавирус в России (более 245000 за 2020), поправки в конституцию (117734 за 2020) [Корреляции между числом упоминаний и числом просмотров на YouTube считалась по всем событиям из отчетов РИА.Новости; по каждому упоминаемому событию (ключевым словам) с помощью Yandex.Новости находилось общее количество статей за конкретный

год периода]. При этом можно выделить только один видеоролик среди самых популярных за 2008–2020 годы на YouTube, который был бы связан с одним из вышеперечисленных событий, — это документальный фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на родину», который в 2015 году собрал около 9 млн просмотров.

В другие годы влияние новостного контента на частоту просмотров не было подтверждено: ни один видеоролик, посвященный Чемпионату мира по футболу в России (одно из самых упоминаемых социальных событий 2018 года), не вошел в список популярных в отчетах Google. Основной фактор, который способствует кратному увеличению просмотров на YouTube, — броскость контента и гиперссылки с других ресурсов (рекомендации видеороликов в соцсетях, обсуждение и критика на телевидении, в блогах). Новый статус В. Зеленского также не способствовал росту популярности роликов о нем: больше всего просмотров набрало видео «Как живет Зеленский и сколько он зарабатывает после того как стал президентом» (2019 год, 6 млн просмотров), в то время как наиболее популярные видеоролики в тот же период набрали минимум в два раза больше просмотров, т.е. интерес молодежи к подобному контенту быстро возникает, но столь же быстро затухает, тогда как музыкальные и юмористические видеоролики имеют постоянный прирост просмотров, обеспечивающий их популярность.

Выявлена корреляция (0,85 при уровне надежности в 95%) наиболее популярных видео за 2010 год с их упоминаниями в СМИ. На YouTube в этот год больше всего просмотров набрало видео «Осигналили кортеж Медведева». Можно предположить, что финансовая нестабильность 2008–2009 годов, выпавшая на президентский срок Д.А. Медведева, и последующее падение его рейтинга обусловили популярность юмористических и протестных видео о нем. В 2011 году популярным стало видео «Медведев танцует»: оно не имело негативной коннотации, но получило наибольшее число дислайков по сравнению с другими популярными роликами 2011 года. Видео имеет самый большой прирост просмотров за восемь лет, особенно после выхода на YouTube в 2017 году ролика «Он вам не Димон»: «он вам не танцор», «он вам не Димон», «он вам не Майкл Джексон» (комментарии под видео).

При этом результаты опросов и интервью подтверждают, что молодежь интересуется не столько сами политические проблемы, сколько политическая сатира: *«Я наблюдал, что ютуб навязчиво пытается поменять мои предпочтения, пытаются подкидывать то, чем ты не интересуешься — политику, кто-то, наверное, платит большую сумму денег. Политика абсолютно не интересна, обхожу стороной, это агрессивно, грязно, портит настроение»; «Я стараюсь политические видео не смотреть, только юмористической направленности».*

По результатам анализа самых популярных видео за 12 лет у молодежи выявлен стабильный интерес к юмористическим и музыкальным видео (Табл. 2), рост спроса на качественный видеоконтент и его профессионализацию и

уникализацию, спрос на анимационные сериалы (как детские, так и взрослые), рост внимания к более длительным видео (если видеоролик на актуальную тематику и/или с известными молодежи людьми).

Таблица 2

Наиболее популярные видеоролики, 2008–2019

Название видео	Дата выхода	Год попадания в ТОП	Количество просмотров в год попадания в ТОП	Прирост просмотров по сравнению с текущим годом	Жанр
Петр Налич «Guitar»	2007	2008	1644289	6081328	Музыкальный клип
«Bad romance»	2009	2009	59369705*	1092139345*	Музыкальный клип
Осигналили кортеж Медведева	2010	2010	3000000	1345634	Частное видео
Кот ушел/Cat gone	2011	2011	12358974*	6261596*	Юмор
PSY «Gangam style»	2012	2012	1094698051*	2391769809*	Музыкальный клип
Маша и Медведь «Сладкая жизнь» (Серия 33)	2013	2013	14970694	720540061	Мультсериал
80 Surprise eggs, Маша и Медведь Kinder Surprise Mickey Mouse Disney Pixar Cars	2014	2014	151023459*	512729727*	unpacking
Мега-эпик видео 3 миллиона подписчиков	2015	2015	16693134	4853774	Влог
Ивангай feat. Trineoy «Хаю-хай»	2016	2016	24862483	12514153	Влог, музыкальный клип
Грибы «Тает лед»	2017	2017	15317013	62645002	Музыкальный клип
Гарик Харламов, Тимур Батрудинов, Демис Карибидис — Шоу «Лучше всех»	2018	2018	28731580	13767132	Юмор
Чинилы и большой секрет	2019	2019	27540831**	11459169	Юмор

* большая часть просмотров может быть набрана не за счет российских зрителей

** прирост рассчитывается не за полный год

Были определены основные цели просмотра видеороликов молодежью: релаксационная, развлекательная и познавательная (Рис. 1). За анализируемый период несколько выросла доля тех, кто смотрит YouTube, чтобы «убить время» и получить актуальную информацию; снизилась доля тех, кто смотрит видеоролики с познавательной целью. Можно предположить, что для молодежи стала более значима актуальная социальная информация, в то время как познавательные мотивы стали менее выраженными.

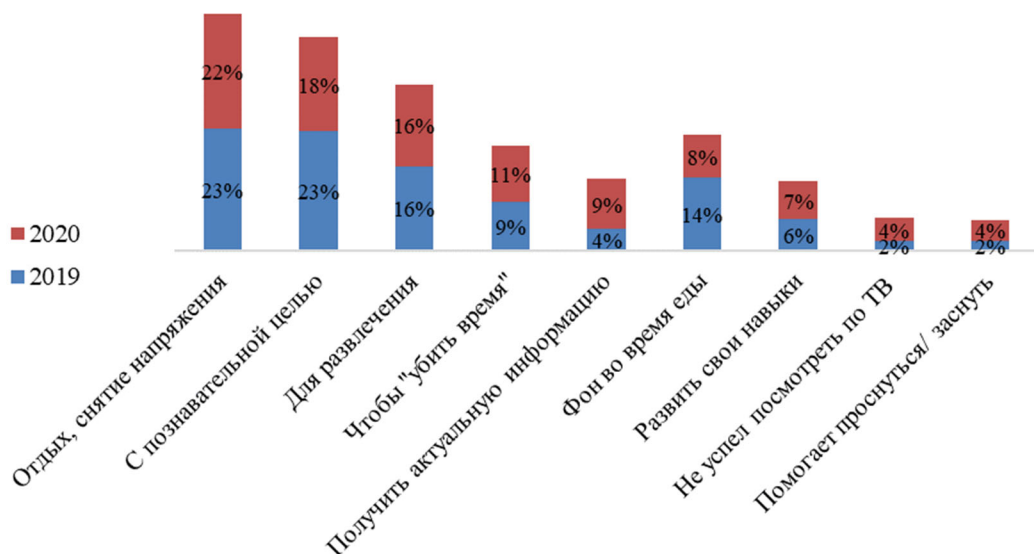

Рис. 1. Цели просмотра YouTube

При помощи матрицы парных коэффициентов корреляций были обнаружены связи между темами интересующих респондентов видео, что позволяет говорить о формировании нескольких типов молодежной аудитории в зависимости от ее интересов и тематических предпочтений (Табл. 3).

Таблица 3

Типы молодежной аудитории YouTube

Тип	Интересующие темы видеороликов
«Путешественники»	«Путешествия», «Люди и блоги», «Телепередачи», «Животные»
«Милые девушки»	«Мода и красота», «Кулинария», «Хобби и стиль жизни», «Видеопоздравления»
«Настоящие мужчины»	«Автомобили и транспорт», «Технологии», «Видеоигры», «Видео с происшествий», «Видеопоздравления»
«Аналитики»	«Новости», «Развлечения», «Мультфильмы», «Политика», «Видео с происшествий», «Интервью»
«Вечные студенты»	«Наука и образование», «Технологии», «Путешествия»
«Киберспортсмены»	«Видеоигры», «Стримы»
«Айтишники»	«Технологии», «Видеоигры», «Политика»
«Экстраверты»	«Путешествия», «Люди и блоги», «Интервью»
«Активисты»	«Политика», «Видео с происшествий», «Видеопоздравления», «ASMR», «Интервью»
«Отдыхающие»	«Видеопоздравления», «Обзоры товаров», «Распаковки», «Интервью»

Была выявлена связь микросоциальных факторов с видеопредпочтениями молодежи. Так, темы видеороликов можно разделить по условно «женские», «мужские» и «универсальные» (Рис. 2): женщин, как правило, интересуют видео о моде и красоте, рецептах, психологии, воспитании, изучении языков; мужчин — об автомобилях, истории, политике, бизнесе и IT-

технологиях. При этом в отчеты Google о самых просматриваемых видеороликах в российском YouTube чаще всего попадают видео универсального типа, которые собирают максимальные аудитории молодежи обоих полов вне зависимости от возраста — фильмы и обзоры на них, анимации, юмористические и музыкальные видеоролики.

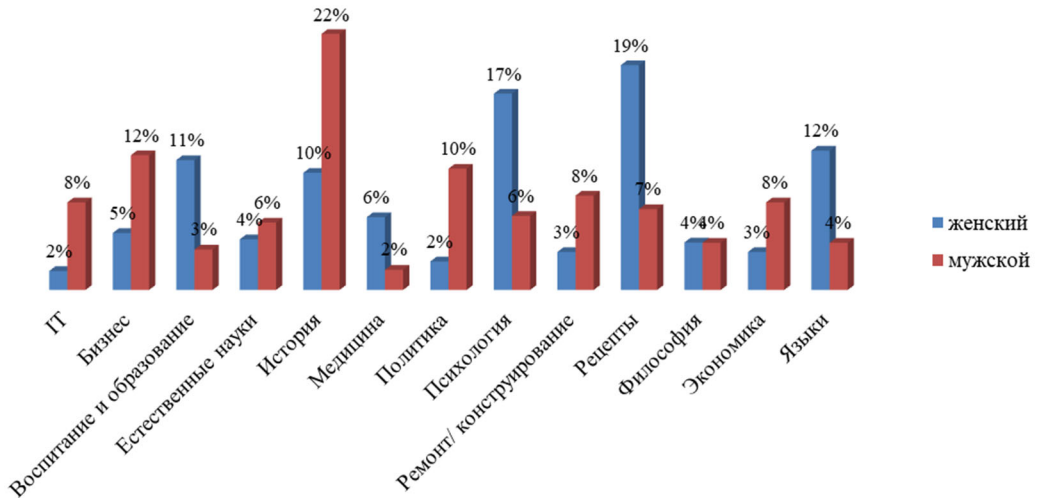

Рис. 2. Гендерные предпочтения в просмотре видеороликов

Доля ежедневных просмотров выше у тех пользователей, чьим основным видом деятельности является обучение в вузе (83% студентов смотрят видеоролики ежедневно) и поиск работы (78% безработных смотрят видеоролики ежедневно). Доля ежедневного просмотра этих групп респондентов выше среднестатистической (70%). В ходе интервью оказалось, что респонденты предпочитают смотреть YouTube в одиночку. Однако в опросе 2020 года был выявлен рост совместного просмотра — 34,5% против 13%. Возможно, это связано с тем, что появляется все больше развлекательного контента: «Я люблю смотреть дома одна, либо, если нахожу что-то смешное, с мамой или мужем люблю посмеяться»; «Мы с молодым человеком вместе смотрим видео: он любит включить клипы групп, которые ему нравятся. Я не очень развита музыкально, у меня есть группы, которые я люблю уже очень много лет и что-то новое там редко появляется. А если это тематические интервью, я смотрю одна. Больше я люблю смотреть видео одна, если только это не гонка «Сейчас я вам покажу смешное видео» с друзьями, когда у тебя тусовка перерастает в то, что обычно называется YouTube-party, когда вы по очереди включаете друг другу забавные видео, вспоминая: «Боже, надо еще вот это вот показать».

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что тематика познавательных видеороликов связана с возрастом пользователей. Косвенно на это влияют социальные роли респондентов, в частности семейные: с возрастом

ослабевают интерес к языкам и философии, появляются новые интересы — воспитание детей, ремонт квартиры, экономика и т.п. (Рис. 3): «В последнее время я стала смотреть больше видео о ремонте, мы с моим молодым человеком взяли квартиру в ипотеку. Через полгода переезжаем. Думаю, среди моих ровесников популярны видео о ремонте, у всех так или иначе стоит этот вопрос: переделывать то, что есть, делать что-то новое»; «Я иногда захожу в рекомендации на YouTube — сейчас по беременности, родам и воспитанию много интересного».

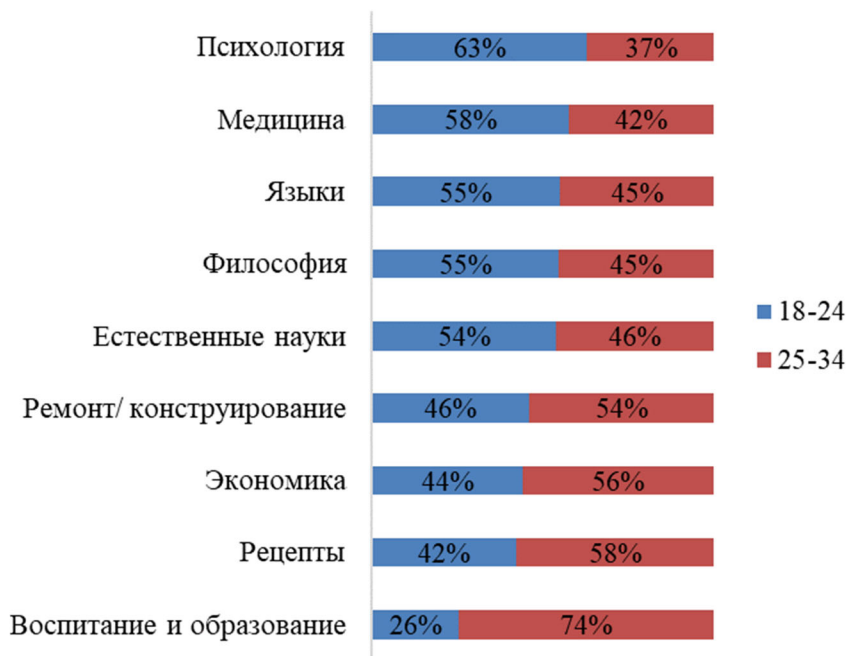

Рис. 3. Интерес к тематике познавательных видео в зависимости от возраста

В ходе интервью большинство опрошенных согласилось с тем, что их предпочтения меняются со временем, и назвали в качестве причин возраст, изменение статуса, интересов и др. (микросоциальные факторы), а также рекомендации от YouTube, броский заголовок на главной странице и т.п. (ситуативные факторы).

Были выявлены четыре группы пользователей со стабильным интересом: те, кто открывает YouTube по рекомендации лидеров мнений на других площадках (Instagram, Вконтакте и т.п.) для получения дополнительной информации; оппозиционно настроенные по отношению к тем, кто предлагает смотреть что-то новое; те, кто смотрит только музыкальные и юмористические видеоролики; те, кто интересуется одними и теми же темами, но ищет новые каналы или контент на других языках.

Согласно результатам опроса в начале 2020 года по сравнению с зимой 2019 года у молодежи снизился интерес к темам «Интервью» и «Политика» и

возрос к фильмам, видео о путешествиях, мультфильмам, записям телепередач. В ответах на открытый вопрос «Напишите ТОП-3 Ваших подписок на YouTube» первые две строки не изменились: чаще всего упоминали Юрия Дудя и канал BadComedian, Дмитрий Пучков и Алексей Навальный (видео политической направленности) ушли на второй план, образовательные каналы (AcademeG, ПостНаука) уступили место каналу о путешествиях (Антон Птушкина), юмористическому (Stand Up Club) и развлекательному (Kuzen labelcom itpedia). Тем не менее, по словам респондентов, именно благодаря YouTube они больше узнали о коронавирусе, митингах на площади Сахарова, выборах президента на Украине, пенсионной реформе и отставке правительства (Рис. 4). Основываясь на ответах респондентов на открытый вопрос «О каких событиях Вы узнали лучше благодаря YouTube?», мы выделили наиболее упоминаемое в СМИ событие года — коронавирус.

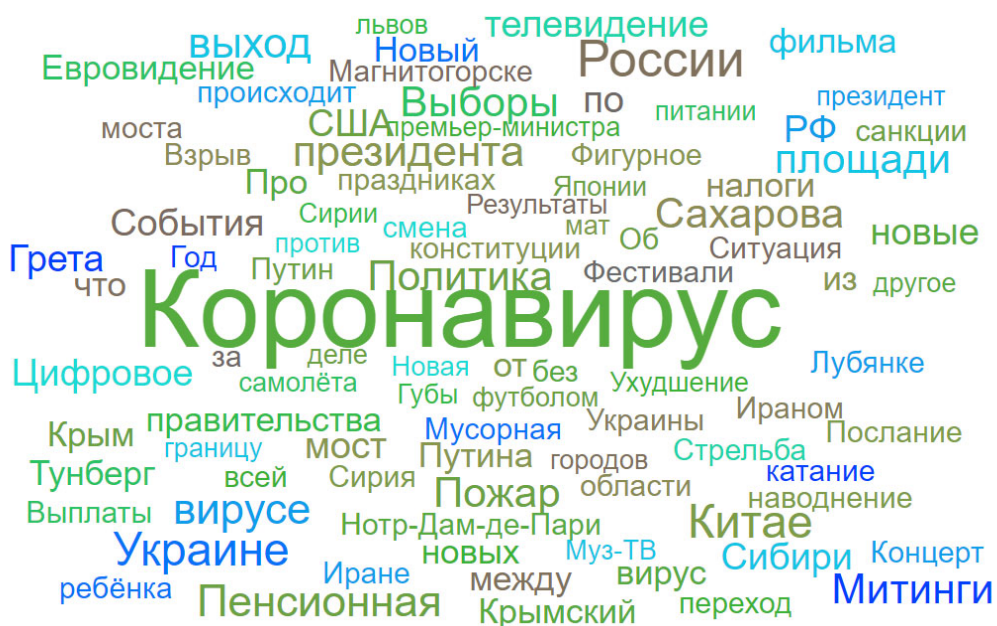

Рис. 4. «Облако тегов» тех событий, о которых респонденты лучше узнали благодаря YouTube

Коронавирус — это макросоциальный фактор, который повлиял на кратковременное увеличение просмотров. Самые популярные видеоролики «Новый китайский коронавирус! Все, что вы хотели узнать! — Доктор Комаровский» (январь 2020) и «Коронавирус: маски вас не спасут :) / Эпидемия с Антоном Красовским» (февраль 2020), которые появились одними из первых в России на эту тему, набрали на июль 2020 более 4 миллионов просмотров каждый. Можно прогнозировать, что к концу года ни один из них не войдет в список наиболее популярных, так как темп роста просмотров снизился (Рис. 5) (самые популярные видео 2019 года набрали более 20 млн просмотров каждый).

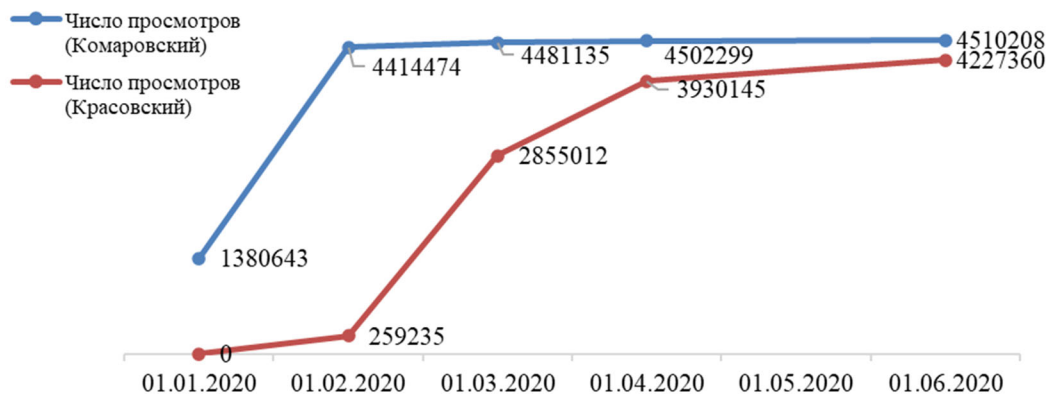

Рис. 5. Динамика просмотров двух видео о коронавирусе за 5 месяцев

Таким образом, наибольшее влияние на интересы молодых людей оказывают микросоциальные факторы — они определяют стабильные видеопредпочтения и связаны с целенаправленным просмотром. Вторыми по значимости выступают случайные факторы: рекомендации YouTube, неосведомленность, выделяющиеся название и картинка могут спровоцировать ситуативную заинтересованность. Социально-значимые события (макросоциальный фактор) по-разному воздействуют на видеопредпочтения молодежи. Например, Чемпионат мира по футболу-2019 не оказал значимого воздействия на число видеопросмотров, тогда как присоединение Крыма к России оказало самое значимое влияние за исследуемый временной период.

Библиографический список

- [1] Алишаев Б.С. Предпочтение как функция психики. Гуманитарные науки // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 5.
- [2] Блог Яндекса: как устроены Яндекс.Новости // URL: <https://yandex.ru/blog/company/76641>.
- [3] Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. / Под ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М., 2016.
- [4] Верник А.Г. Анализ эпохи «WEB 2.0» и User Generated Content как основы для появления социальных сетей // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-epohi-web-2-0-i-user-generated-content-kak-osnovy-dlya-poyavleniyasotsialnyh-setey/viewer>.
- [5] ВЦИОМ: YouTube — «Телевидение» XXI века. 2019 // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>.
- [6] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977.
- [7] Добрынина В.И. Воспитание личности — управляемый процесс // Социальное управление и молодежь. М., 1969. Вып. 3.
- [8] Какой контент есть на YouTube // URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/ad-solutions/video/youtube-content>.
- [9] Кант И. Сочинения / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
- [10] Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб., 1996.
- [11] Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 2010.

- [12] Отчет Google о YouTube за 2017 год в России // URL: <https://www.sostav.ru/files/2018/08/13/youtube-2.pdf>.
- [13] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002.
- [14] Средняя скорость Интернета в России за 10 лет выросла в 1000 раз // URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-387445.html.
- [15] *Чупров В.И.* Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // URL: http://ecsosman.hse.ru/data/048/685/1216/007_Chuprov.pdf.
- [16] Яндекс-исследования: Новости в интернете: СМИ и читатели // URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_news.
- [17] AvertMedia: YouTube собрал статистику аудитории России // URL: <http://www.avertmedia.ru/news/news-63.html>.
- [18] *Benedict R.* Race: Science and Politics. N.Y., 1940.
- [19] *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. N.Y., 1968.
- [20] *Eisenstadt S.N.* From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N.Y.–L., 1966.
- [21] Google Trends // URL: <https://trends.google.ru/trends/yis/2008/RU>.
- [22] Google Zeitgeist // URL: <https://archive.google.com/press/zeitgeist2010/regions/ru.html>.
- [23] Internet Archive: Wayback Machine // URL: https://web.archive.org/web/*/https://www.youtube.com/feed/trending.
- [24] *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.Y., 1954.
- [25] Mediascope: WEB Index. Youtube.com // URL: <https://webindex.mediascope.net/report/sex-and-age?byGeo=1&byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byMonth=201812&id=88155>.
- [26] Mediascope: WEB-Index. 2019 // URL: <https://webindex.mediascope.net/report/general-statistics?byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byGeo=2&byMonth=201912&id=88155>.
- [27] *O'Reilly T.* What is Web 2.0. 2005 // URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=5>.
- [28] YouTube для прессы // URL: <https://www.youtube.com/yt/about/press>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-110-123

The dynamics of video preferences of the Russian youth (on the example of YouTube)*

L.V. Temnova¹, A.K. Lapshina²

¹Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

²Joint Stock Company Finmarket
1st Tverskaya-Yamskaya St., 2–1, Moscow, 127006, Russia
(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; acia00.96@yandex.ru)

Abstract. Today the Internet has become an integral part of the everyday life of the younger generation, and the YouTube video hosting is one of the most visited sites among Russians aged 18 to 34. Therefore, the analysis of content, structure, and dynamics of video preferences is an important area of sociological analysis of the Russian youth's interests on YouTube. The research aims at identification and description of the Russian youth's interests on the basis of the analysis of their video preferences on

* © L.V. Temnova, A.K. Lapshina, 2021

The article was submitted on 10.07.2020. The article was accepted on 01.10.2020.

YouTube. The authors conducted content analysis of Google’s annual reports on the most popular videos on YouTube in Russia, of the content of these videos and their comments, and the analysis of quantitative indicators (likes, dislikes and views). 26 Muscovites were questioned in the format of the semi-structured interview; and two online surveys (in 2019 and 2020) were conducted, in which 340 respondents participated. The authors identified three groups of factors to analyze the dynamics of video preferences: micro-social (social-psychological, status-role and needs factors); macro-social (institutional — social, political, economic, cultural — and environmental); random. The analysis of all types of research data on the most popular video clips allowed to describe the dynamics of the youth’s video preferences in 2008–2020, to show the relationship of social factors with the dynamics of the youths’ YouTube preferences, and that these video preferences are largely determined by individual characteristics, because the significant events in the Russian social-cultural space have little influence on the youth’s video preferences.

Key words: Russian youth; interests; video preferences; YouTube; macro-social factors; micro-social factors

References

- [1] Alishaev B.S. Predpochtenie kak funktsiya psikhiki. Gumanitarnye nauki [Preference as a function of the psyche. Humanities]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*. 2011; 153 (5). (In Russ.).
- [2] Blog Yandexa: kak ustroeny Yandeks.Novosti [Yandex-Blog: How Yandex.News works]. URL: <https://yandex.ru/blog/company/76641>. (In Russ.).
- [3] Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and Society: Essays in Understanding Sociology]: in 4 vols. L.G. Ionin (Ed.). Moscow; 2016. (In Russ.).
- [4] Wernick A. Analiz epokhi “WEB 2.0” i polzovatel’skiy kontent kak osnovy dlya sotsialnykh setey [Analysis of the era of WEB 2.0 and User Generated Content as the basis for the emergence of social networks]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-epokhi-web-2-0-i-user-generated-content-kak-osnovy-dlya-poyavleniyasotsialnykh-setey/viewer>. (In Russ.).
- [5] WCIOM: YouTube — “Televidenie” XXI veka [YouTube — “Television” of the 21st century]. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>. (In Russ.).
- [6] Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Vol. 3. Filosofiya dukha. Moscow; 1977. (In Russ.).
- [7] Dobrynina V.I. Vospitanie lichnosti — upravlyaemy protsess [Upbringing as a guided process]. *Sotsialnoe upravlenie i molodezh*. Moscow; 1969. Issue 3. (In Russ.).
- [8] Kakoy kontent est na YouTube [YouTube Content]. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/ad-solutions/video/youtube-content>. (In Russ.).
- [9] Kant I. *Sochineniya* [Works]. V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oyzerman (Eds.). Moscow; 1965. Vol. 4. Part 1. (In Russ.).
- [10] Lisovsky V.T. *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. Saint Petersburg; 1996. (In Russ.).
- [11] Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [12] Otchet Google o YouTube za 2017 god v Rossii [Google Report on YouTube in Russia for 2017]. URL: <https://www.sostav.ru/files/2018/08/13/youtube-2.pdf>. (In Russ.).
- [13] Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
- [14] Srednyaya skorost Interneta v Rossii za 10 let vyroslo v 1000 raz [The average Internet speed in Russia has grown 1000 times over 10 years]. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-387445.html. (In Russ.).
- [15] Chuprov V.I. Sotsiologiya molodezhi na rubezhe svoyego tridsatiletiya [Sociology of youth at the turn of its thirtieth birthday]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/048/685/1216/007_Chuprov.pdf. (In Russ.).

- [16] Yandex-issledovaniya: Novosti v internete: SMI i chitateli [Yandex-Research: News in the Internet: Media and Audience]. URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_news. (In Russ.).
- [17] AvertMedia: YouTube sobral statistiku auditorii Rossii [YouTube's statistics on the Russian audience]. URL: <http://www.avertmedia.ru/news/news-63.html>. (In Russ.).
- [18] Benedict R. *Race: Science and Politics*. New York; 1940.
- [19] Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. New York; 1968.
- [20] Eisenstadt S.N. *From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure*. New York–London; 1966.
- [21] Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/yis/2008/RU>.
- [22] Google Zeitgeist. URL: <https://archive.google.com/press/zeitgeist2010/regions/ru.html>.
- [23] Internet Archive: Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/*/https://www.youtube.com/feed/trending.
- [24] Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York; 1954.
- [25] Mediascope: WEB Index. Youtube.com. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/sex-and-age?byGeo=1&byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byMonth=201812&id=88155>.
- [26] Mediascope: WEB-Index. 2019. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/general-statistics?byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byGeo=2&byMonth=201912&id=88155>.
- [27] O'Reilly T. What is Web 2.0. 2005. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=5>.
- [28] YouTube for the press. URL: <https://www.youtube.com/yt/about/press>.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138

«Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования*

П.С. Сорокин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Потаповский пер., 16, стр. 10, Москва, 101000, Россия
(e-mail: psorokin@hse.ru)

На фоне глобальной пандемии и ее ожидаемых последствий задачи интервенций в наметившуюся негативную структурную динамику на макроуровне стоят перед всем институциональным комплексом современных обществ. Для сферы образования это означает необходимость вклада в «трансформирующую агентность», т.е. такого типа «действие», которое инициативно трансформирует «структуры» и потому может помочь перейти к новым, более эффективным формам во всех сферах общественной жизни. Внимание к «действию» и его трансформационному потенциалу по отношению к «структурам» в социальной науке до сих пор ограничено в сравнении с исследованиями структурной устойчивости и воспроизводства. Разработки так называемых «новых институционалистов» в социологии (включая, прежде всего, Джона Мейера и его последователей) формируют потенциально перспективную основу для выстраивания новых теоретических моделей и эмпирических исследований, направленных на изучение содержания, факторов формирования и эффектов «трансформирующей агентности». Основная идея Мейера состоит в том, что на современном этапе социальная структура может не только «подавлять», но и поддерживать, легитимизировать инициативное формирование новых социальных образований и утверждение связанных с ними новых ценностей и форм «действия». Для исследований в поле образования особенно полезным может быть обращение к понятиям институционального предпринимательства, институциональной работы и расширенного действия. В качестве возможных объектов исследований с опорой на предлагаемую концептуальную рамку могут выступать, во-первых, активно продвигаемые сегодня на глобальном и национальном уровне инициативы по обучению предпринимательству студентов, во-вторых, процессы, связанные с изменением институциональных условий образования в контексте продолжающейся глобальной пандемии и возможной проактивной роли студентов в этих изменениях.

Ключевые слова: структура-действие; тренды социально-экономического развития; де-структуризация; трансформирующая агентность; новый институционализм; институциональная работа; институциональное предпринимательство

Первые десятилетия XXI века даже без учета периода глобальной пандемии 2020 года характеризовались негативными трендами социально-экономической динамики: снижение темпов роста ВВП на глобальном и, для

* © Сорокин П.С., 2021

Статья поступила 13.07.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

большинства стран, национальном уровне, усиление социального неравенства [7], кризис доверия политическим структурам [34], обострение социальных рисков [8]. Социологическая теория фиксирует рост нестабильности и неустойчивости социальных систем, появление все более существенных разрывов в «социальной ткани», например, описывая эти процессы через понятие «метаморфизации» [6. С. 201–202].

В ситуации нарастающих кризисных тенденций, усиленных глобальной пандемией, увеличивается теоретическая и практическая актуальность вопросов о перспективах позитивных структурных трансформаций и их возможных источниках. Сфера образования (несмотря на ассоциированные с ней идеи прогресса и социальной справедливости [32]) — один из ключевых институтов, обеспечивающих не только совершенствование, но и воспроизводство существующих (не всегда справедливых, иерархических) порядков [7]. Кроме того, современные исследования указывают на архаичность содержания и форматов образования (в том числе в России), поэтому эта сфера не только не всегда выступает драйвером развития экономики и общества, но и зачастую неспособна отвечать на те требования, что уже предъявляет рынок труда и социальная среда [27].

Тем не менее, в разных странах появляются масштабные инициативы, нацеленные на поддержку вклада образования в социально-экономическую динамику. В частности, в России запущены массовые проекты обучения студентов вузов предпринимательству [см., напр.: 5; 10]. И все же эффективность этих и подобных инициатив как в России, так и в мире вызывает вопросы [10; 33]. В статье представлен дискуссионный взгляд автора на современные исследования, связанные с таким типом действия, который принято называть «трансформирующей агентностью» (действие, проактивно меняющее структуры), с акцентом на роли образования в его формировании. Автор стремится решить две задачи: во-первых, предложить краткий обзор социологических подходов к проблеме связей между «структурой» и «действием», которые во многом задают тон и дискуссиям об образовании, причем автор пытается отметить не только явно артикулируемые характеристики социологического дискурса, но и имплицитные, менее очевидные. Во-вторых, обосновывается перспективность конкретного направления социологического теоретизирования, связанного с идеями американского социолога Дж. Мейера и его сторонников, для изучения вклада образования в структурную динамику посредством формирования и поддержки «трансформирующей агентности».

Вопрос о соотношении действия (*agency*) и структуры (*structure*) — один из наиболее важных в социальной науке [Под «структурой», следуя П. Штомпке ([4. С. 4]), понимается «сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, существенным, образом влияющая на развитие явлений, наблюдаемых в этой области». В трактовке «агентности» используется следующее рамочное определение: «Ограниченный во времени процесс социальной включенности, связанный с прошлым,

но также ориентированный в будущее и на настоящее» ([19. С. 962]). Особенно ценным в данной трактовке «агентности» является выделение «проективной» способности, связанной с воображением альтернативных возможностей [19. С. 962]]. Начиная с Конта, Маркса и Дюркгейма, колея исторического развития социологического теоретизирования обусловлена, с одной стороны, стремлением понять и объяснить становление современных форм социальной организации (например, государственной бюрократии), с другой стороны, соседством с дисциплинами, ставящими в центр внимания индивида, а не структурные образования (психология, отдельные направления философии в XIX веке, несколько позже — экономики). На этом фоне не случайна и обоснована predisposition многих социологов интересоваться, прежде всего, развитием структур как отдельных «сущностей» — социология сделала их предметом самостоятельного анализа.

Несмотря на это, общим местом современных дискуссий выступает признание как «действия» (*agency*), так и «структуры» (*structure*) в качестве обязательных элементов, без упоминания которых практически не обходятся попытки построения больших социологических теорий. Однако не менее устоявшимся, зачастую в неявном виде, является и консенсус в отношении того, что «структура важнее». Это проявляется, в частности, в том, как старательно авторитетные социологи порой пытаются избежать трактовок своих теорий как «переоценивающих» силу действия. Например, Р. Коллинз, автор теории о «цепочках ритуалов интеракции» (*interaction ritual chain*), подчеркивает: «Я совершенно не имею ввиду, что высшие классы — это особенно энергетически заряженные индивиды: они продукты процессов, которые влияют на всех нас и в которых все мы (с очень большой вероятностью) легко взаимозаменяемы» [26. С. 43].

Пожалуй, наиболее авторитетные подходы к рассмотрению связи между «структурой» и «действием» в современной социологии уходят корнями в разработки П. Бурдьё [2] и Э. Гидденса [4]. Для них, как и для большинства представителей мирового социологического мейнстрима, характерно представление, что структуры меняются скорее в силу естественных, характерных для них самих (и их взаимодействия) закономерностей, нежели чем благодаря «свободной воле» индивидуальных акторов. Другой тезис, имплицитно характеризующий социологический мейнстрим, состоит в том, что среди тенденций структурных трансформаций доминируют те, что работают в пользу верхов и против низов, т.е. подразумевается принципиальная ограниченность действия в трансформации структуры — как минимум, на нижних этажах социального здания. Впрочем, и оптимистичный взгляд на социальную динамику, по крайней мере в долгосрочной перспективе, был присущ многим классикам социологии, включая О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, а также основателям российской социологии — М.М. Ковалевскому, Н.М. Михайловскому и многим другим [36; 38].

Гидденс и Бурдье предложили оригинальный взгляд на соотношение структуры и действия, предположив, что они не просто взаимообусловлены, но онтологически слитны. Для Бурдье это выражено в понятии габитуса, который, будучи локализован физически в индивиде, является продуктом социальных полей, что позволяет вскрывать глубинные, зачастую неосознаваемые механизмы, связанные со вкусами и предпочтениями, через которые силы структурной детерминации воспроизводят базовые иерархические различия в социальных полях. Для Гидденса главное понятие — структурирование, т.е. буквально структурирование в действии, однако в этой паре структурные условия первичны, а возможности действия ограничены. Такой подход вызывает вопросы на фоне двух рассматриваемых ниже тенденций современности.

Ни одна из описанных ниже тенденций не станет открытием для читателя, следящего за результатами современных социальных исследований. Вместе с тем эти тенденции (по крайней мере, пока), не осмысляются социологическим сообществом как основания для пересмотра базовых представлений о соотношении структуры и действия. Первая тенденция касается продолжающейся культурной легитимации действия, меняющего структуры (или «трансформирующей агентности»). Идея о том, что человек — это имеющий четкие границы, обособленный актер, действующий в соответствии с самостоятельно поставленными целями, глубоко укоренена в западной культуре [31]. На постсоветском пространстве этот взгляд распространился в 1990-е годы, хотя и прежде имел сторонников. Общественная риторика вокруг неолиберализма, активизировавшаяся в последние годы в России и мире [37], несмотря на критику идеи рынка как идеальной формы социального взаимодействия, в значительной степени опирается на ту же идеологию эмансипированного и созидательного актора, т.е. не подрывает сложившегося образа целенаправленного самостоятельного субъекта. Подтверждением глобального культурного тренда на либерализацию служат данные одного из наиболее масштабных и авторитетных международных проектов по изучению ценностной сферы — Всемирного исследования ценностей, которое показывает устойчивый (хотя и медленный) рост ценностей самовыражения (а не выживания) и секуляризации/рационализма (а не традиционализма). Этот тренд, несмотря на высказываемые сомнения в его прямолинейных интерпретациях (например, как индикатора растущей массовой готовности к трансформационному действию), характерен как для мира в целом, так и для России [12; 13].

Вторая тенденция характеризует трансформации самой социальной структуры в самых разных сферах. Те жесткие «организованности», которые составляли каркас общества модерного типа с конца XIX века до 1960–1970-х годов (когда были созданы наиболее влиятельные сегодня теоретические концепции о «структуре-действии»), становятся более гибкими и изменчивыми [9], например, на рынке труда все больший вес приобретает нестандартная занятость и фриланс. Процессы «деструктуризации» (снижения стабильности,

жесткости структур и их обязывающей силы по отношению к действию) протекают и в других сферах общественной жизни, включая досуг, семейную жизнь и образование [9]. Ярким катализатором этого тренда стала продолжающаяся глобальная пандемия, которая заставила миллионы людей по всему миру учиться, работать и отдыхать в принципиально других условиях, когда традиционные механизмы социального контроля или прекратили работать (например, непосредственное взаимодействие учащихся в классе) или существенно снизили эффективность (например, контроль педагога за списыванием и другими формами академического мошенничества). Как показало исследование, проведенное НИУ ВШЭ в конце мая 2020 года, трети российских студентов сложно сосредоточиться при самостоятельном изучении материала, хотя в марте доля таковых составляла 27% [1]. Дефицит самостоятельности, готовности предложить и внедрить новшество в организационные модели, не дожидаясь сигнала сверху, стал важной проблемой и для руководства вузов [1].

Таким образом, опыт пандемии показал важную роль способности действовать самостоятельно для поддержания функционирования тех структур, которые, согласно привычным представлениям критически настроенных авторов, напротив, подавляют самостоятельность. Подчеркнем, востребованной оказалась не просто способность делать самому то, что ранее обеспечивалось дополнительными инструментами контроля, но и способность делать это по-другому — например, умение самостоятельно освоить и практически применить новый учебный контент, не потеряв при этом мотивацию к учебе.

Опираясь на идеи, высказанные, с одной стороны, П. Штомпкой [11], с другой — Дж. Мейером [32], можно предположить, что проблема соотношения структуры и действия может решаться тремя способами, порождая, соответственно, три исследовательские программы. Первая программа — искать структуру в действии. Это базовое для социологического мейнстрима направление, предполагающее дальнейшую разработку вопросов о том, как силы структурной детерминации подчиняют человека и его поведение. В своем классическом виде эта исследовательская программа если и предполагает возможность «трансформирующей агентности», то лишь в жестко ограниченной степени («трансформирующая агентность» — не основной тип социального действия).

Вторая программа признает относительную онтологическую самостоятельность действия и рассматривает структуры как производные от действия. Как отмечал Штомпка [11], возрастает интерес к тому, как действие определяет структуры, с опорой, например, на «активистские» интерпретации теории К. Маркса и на идеи М. Вебера. И все же, несмотря на важность вопроса о том, «как люди делают структуры», «полного ответа на этот вопрос пока нет и до него, пожалуй, еще далеко» [11. С. 12]. Штомпка считает, что теоретико-методологический фундамент такой постановки вопроса можно найти у Вебера. Из относительно новых разработок теория «полей стратегического

действия» (*strategic action fields*) Н. Флигстина и Д. МакАдама [21] является, пожалуй, одной из наиболее развернутых попыток утвердить «самостоятельность» действия в социальной теории. В частности, авторы дистанцируются от существующих версий теории полей и теории структуризации, поскольку исходят из самостоятельности действия (атрибут не только индивидов, но и организаций), и предполагают принципиально «изменчивый и конфликтный» характер социального пространства [21. С. 5]. В их трактовке структуры выступают конфигурациями акторов, движимых стремлением улучшить собственные властные позиции в социальном поле. При этом особое значение имеет так называемый «социальный навык» — способность вовлекать других в коллективное действие в своих интересах. Для Флигстина и МакАдама действие автономно и первично по отношению к структуре как конфигурации акторов; соответственно, структурные трансформации — это исключительно изменения этой конфигурации. Впрочем, данный подход слишком упрощенно трактует как действие, так и структуру, что делает его применимым, прежде всего, к анализу политических социальных движений в контексте западных обществ, но не более широкого пространства вариаций социальной жизни [22].

На стыке первой и второй программ, отчасти сочетая черты обеих, располагается институциональная теория П. ДиМаджио и У. Пауэлла [17; 18], которые признают и структуру, и действие в качестве ключевых аспектов социальной реальности, отмечая, с одной стороны, укорененность действия в структуре, с другой — относительную самостоятельность, обособленность действия. В трактовке структуры они, в соответствии с социологическим мейнстримом, подчеркивают значение скорее жестких (как формальных, так и неформальных) «правил игры», в явном виде осознаваемых игроками в социальном поле, чем более глубоких культурных представлений, включая идею легитимного и самостоятельного актора как таковую. Например, культура ДиМаджио и Пауэлла — это часть внешней среды, с которой акторы считаются, но она не определяет содержание их собственных целей и стратегий [17; 18; 32].

Третья возможная программа состоит в том, чтобы попытаться посмотреть на структуру как на более сложный феномен, который не является простой конфигурацией самостоятельных акторов или совокупностью внешних по отношению к индивиду с его внутренним потенциалом действия обстоятельств или условий, суммирующих усилия индивидуальных действий в прошлом. Для обоснования этой программы можно обратиться к разработкам нового институционализма в его интерпретации Мейером и его коллегами [30; 31; 32; 35; 38]. Мейер отказывается от важной предпосылки, имплицитно заложенной в доминирующей традиции изучения связи структуры и действием — будто структуры по определению заточены на воспроизводство самих себя, или же «естественная» для структур динамика изменений имеет относительно предсказуемый вектор (например, рост рациональности или специализации). Индивиды или отдельные социальные группы могут

использовать эту структурную динамику в своих интересах, опираться на нее или сопротивляться ей (как правило, с небольшим успехом), но их усилия вторичны по отношению к свойственным самой структуре закономерностям развития.

Ключевая (и отчасти парадоксальная) идея Мейера состоит в том, что поддержка трансформирующего действия — основной элемент социальной структуры современности [30; 31; 32]. Согласно Мейеру, структурная динамика современных обществ определяется массовым распространением идеи индивидуальной и организационной агентности (которую автор порой называет не *agency*, но *actorhood*, делая акцент на понятии актора). Суть этой агентности (или акторности) в том, что каждый актор (будь то государство, корпорация или человек) позиционируется как легитимный субъект, который не только имеет право на изменение среды в соответствии со своими целями и ценностями, но от которого это ожидается. При этом, в отличие от прежних стадий развития современного общества, когда распространение новых социальных форм происходило (вернее осмыслялось в социальной теории) прежде всего как копирование, перенос в новые среды уже существующих структур, естественным образом вызревших в странах или компаниях-лидерах, сегодня картина меняется и усложняется [30]: современные организации и целые государства становятся более открытыми для изменений (отчасти в продолжение двух обозначенных выше тенденций). Например, Япония на государственном уровне обсуждает планы создания «общества 5.0» (*society 5.0*) — сфокусированного на человеке, где технологические достижения позволяют убрать привычные для XX века структурные барьеры и неравенство, дают каждому человеку возможность жить «целенаправленной и креативной жизнью» [15. С. 13], и ключевое значение имеет «совместное становление человека вместе с другими» [16. С. 141]. Таким образом, с исчезновением привычных социальных структур не исчезает социальность как таковая — «люди имеют возможность трансформации себя в любом направлении.., фиксированной цели для нового становления не существует» [16. С. 141]. Даже учитывая возможную идеологическую ангажированность и утопичность такого рода заявлений, они показывают растущую легитимность идей «трансформирующей агентности» на государственном уровне.

В более приземленной сфере — на рынке труда — также появляются признаки изменения привычной жесткой регламентации действия со стороны структуры. Среди профессионалов наиболее востребованными и высокооплачиваемыми становятся не только те, кто владеет узкоспециальными, но типовыми навыками, но и люди с уникальным портфолио, определяемым не сертифицированными техническими компетенциями, а неповторимым проектным опытом (необязательно успешным) [39]. Для когорты руководителей это применимо в еще большей степени — не случайно в менеджерском дискурсе происходит разворот к моделям лидерства, основанного на нестандартных решениях, харизме, креативности и риске [39].

Таким образом, социальная структура становится источником той «трансформирующей агентности», что ее изменяет. Истоки этого тезиса можно обнаружить уже в концепции классовой борьбы Маркса и в теории становления капитализма Вебера [3]. Однако важное отличие теории Мейера — в обосновании возможности существенных, разнообразных и быстрых трансформационных эффектов действия на структуру, причем мало предсказуемых, поскольку они находятся в фундаментальной зависимости от осознанного выбора акторов. Также, в отличие от «реалистской» интерпретации институтов [17; 18], социальная структура для Мейера не пассивный объект, вмещающий в себя активных акторов, но среда, легитимизирующая их «трансформирующую агентность».

В отличие от Вебера, который считал рациональность главным принципом формирования современности, у Мейера этих принципов намного больше. Во-первых, он понимает рациональность иначе, чем рыночную логику эффективности, и предполагает широкий набор ценностных ориентаций и требований, следование которым может ограничивать эффективность деятельности в техническом смысле (например, для компаний, которые стремятся обеспечить отсутствие дискриминации и заботятся об окружающей среде). Во-вторых, Мейер утверждает, что сегодня структуры сами открываются для трансформирующей их агентности, не детерминируя ее строго определенным образом и не направляя в узко предопределенную колею. Интерпретируя идеи Мейера, можно предположить, что даже наблюдаемый сегодня в ряде дискуссий антилиберальный разворот — проявление агентности, трансформационный потенциал которой выходит за пределы либеральной идеологии, ее изначально стимулировавшей или породившей.

Разумеется, согласно Мейеру, акторы учитывают существующую палитру структурных возможностей, однако пространство легитимных (допустимых) вариантов действия (с точки зрения целей и средств) в современных условиях резко расширяется [30]. Например, для предпринимателя, принимающего решение об инвестиционной стратегии, может быть важен не только рост прибыли, но и социальная, экологическая ответственность, вклад в развитие науки и т.п. Кроме того, возможность предложения и продвижения новых целей и средств социального действия также легитимизирована [30]. Принципиальное отличие взглядов Мейера от других авторов, подчеркивающих взаимосвязь структуры и действия, состоит в идее, что современные структуры не столько ограничивают или направляют агентность, сколько стимулируют ее расширение и развитие, нацеленное не только на воспроизводство сложившихся структур, но и на их изменение.

Вероятно, для многих социологов основным достижением нашей науки в XX и XXI веках является разоблачение мифов о том, что мы живем в обществе равных возможностей, где декларированные права соблюдаются и шансы на жизненный успех равны [7]. Однако не менее важны и разработки (концепция Мейера), нацеленные на понимание механизмов и факторов,

благодаря которым изменение структуры через действие становится возможным, и сфера образования представляет особый интерес. Она исторически была объектом внимания многих известных ученых, показавших роль образования в социальном воспроизводстве и «сортировке» индивидов по тем структурным ячейкам, которые предназначены для них не всегда справедливо устроенными общественными структурами. Однако, как отмечает Мейер, сфера образования имеет решающее значение не только для формирования в человеке умений, которые позволят ему «функционально» соответствовать требованиям окружающих структур (в логике человеческого капитала в его традиционной экономической трактовке), но и для распространения представлений о человеке как «хозяине Вселенной» [32]. Особое значение для сторонников этого взгляда имеет высшее образование, которое легитимизирует принципы прогресса, свободы и рациональности — зачастую вопреки локальным институциональным системам и реальным условиям, что порой порождает конфликты и становится стимулом для изменений.

Мейер и его коллеги собрали эмпирические свидетельства нарастающей фокусировки школьных образовательных программ с 1950-х годов на вопросах индивидуального действия, демократизации и эмансипации [29], а также курса на студенто-центрированный (*student-centric*) подход в методиках обучения социальным наукам более чем в 70 странах мира [14]. Этот подход предполагает позиционирование учащегося не как пассивного получателя информации, а как актора, от которого ожидается выработка собственной позиции, осознание своего интереса и следование ему в соответствии с легитимно приписанными правами. Указанный интерес предполагает не только максимизацию полезности в ее привычном экономическом понимании, но и широкий пласт вопросов, включая содействие изменению социальных систем в соответствии с ценностями прогресса и прав человека [14].

Разумеется, продвижение в содержании школьных программ «прогрессивного» (с точки зрения либеральной идеологии) образа человека necessarily означает соответствующие изменения в социальной структуре. Представители разных слоев могут иметь разные шансы эффективно проявить свою легитимную «трансформирующую агентность» (что объясняет сохранение неравенства, несмотря на рост охвата образованием). И все же глобальное распространение соответствующих культурных стандартов не должно игнорироваться, как и ключевая роль образования в этих процессах.

Особого внимания заслуживают результаты недавнего эмпирического исследования Мейера и его коллег [35], которое показало статистически значимые связи между распространением (прежде всего третичного) образования и его социетальными эффектами на макроуровне — как с точки зрения экономических показателей (изменение структуры и темпов роста экономики), так и с точки зрения развития культуры, гражданского общества, экологической озабоченности и т.д., что косвенно подтверждает тезис о роли образования не только как подхватывающего, но и как стимулирующего и

инициирующего структурные трансформации в современном мире. Для понимания механизмов таких изменений необходимо обратиться к понятиям, специально разработанным в новой институциональной теории, включая и концепцию ДиМаджио [17; 18].

На сегодняшний день представителям институционализма (во всех его вариациях) не удалось разработать единую целостную теорию, объясняющую механизмы «трансформирующей агентности», в том числе сторонникам и последователям Мейера [20; 21], но они движутся к этой цели достаточно быстрыми темпами [30; 35]. К ключевым достижениям этого кластера теоретических разработок можно отнести концептуализацию и эмпирическую проверку ряда понятий, раскрывающих различные аспекты изменения структуры через действие. Например, понятие расширенного действия (*expanded actorhood*) определяет ключевой вклад университетов и высшего образования в целом в социальное развитие. Условно «расширенное действие» — это действие, выходящее за пределы актуальных структурных границ, противоречащее локальным (в том числе национальным — для развивающихся обществ) структурным контекстам, но при этом культурно укорененное в глобальных стандартах рациональности и прогресса. Таким образом, (воображаемая глобальная) культурная легитимность сочетается с конфликтом с локальными структурами (рынком труда или политической системой), и именно такой тип действия массово формируют университеты [32; 35].

Этот подход не соглашается с традиционным тезисом теории человеческого капитала об особом значении узкопрофессиональных навыков [27] как главного результата высшего образования, что определяет его решающую роль в модернизации. Для Мейера и его коллег формирование ценностей, установок и картины мира может быть более важным эффектом образования с точки зрения его вклада в социально-экономическую динамику. Однако ни российская, ни зарубежная социология пока не рассматривает в этом контексте результаты и содержание высшего образования, хотя он позволяет сформулировать ряд вопросов: скажем, действительно ли высшее образование отвечает скорее на культурный запрос глобального мира, чем на структурный запрос национального рынка труда? Теория человеческого капитала и концепция Мейера порождают диаметрально противоположные ответы на этот вопрос. Особый интерес представляет вопрос о возможных вариациях трансляции идей «расширенного действия» в зависимости от престижности вуза и направления подготовки. Например, большую склонность к «расширенному действию», предположительно, будут испытывать студенты, обучающиеся на социально-экономических направлениях (по сравнению с техническими), поскольку содержание университетского образования здесь в более явном виде продвигает «трансформирующую агентность». Эта гипотеза может быть полезна и для объяснения, почему в таких странах, как Россия, расширение высшего образования за счет, прежде всего, технических, инженерных направлений не приводит к ожидаемым трансформационным эффектам (например, в виде роста технологического предпринимательства [10]).

Наиболее активно в современном институционализме развиваются исследования таких конструктов, как «институциональное предпринимательство» (*institutional entrepreneurship*) — сознательные, целенаправленные усилия отдельных (как правило, влиятельных) индивидов и организаций по трансформации социальных структур и созданию новых масштабных институтов, включая, например, новые юридические нормы или международные организации [24], — и «институциональная работа» (*institutional work*) — целенаправленные усилия акторов, но с акцентом преимущественно на институтах меньшего масштаба (например, коммерческих организациях) и микроуровне социальной реальности (субъективное восприятие институциональной динамики) [23; 30]. Несмотря на то, что в литературе эти два понятия представлены скорее как конкурирующие, чем как взаимодополняющие, перспективным представляется рассмотрение институционального предпринимательства и институциональной работы как разных типов «трансформирующей агентности».

Понятие институционального предпринимательства появилось в институциональной теории, предложенной ДиМаджио [17; 18]. Для Мейера трактовка ДиМаджио — «реалистская», поскольку акторы рассматриваются как автономные от культурной среды агенты, преследующие личные интересы — в противовес феноменологическому толкованию, которое подчеркивает роль культуры как фактора, задающего не только контекст, который учитывают акторы, но и природу самих акторов (в том числе, парадоксальным образом, их ориентацию на трансформацию этого контекста [32; 30; 38]). Концепцию институционального предпринимательства отличает трактовка институционального предпринимателя как героя-одиночки, что не вполне соответствует коллективному характеру социального действия. Для наиболее известных работ этого направления характерен интерес к истории формирования отдельных институтов, привлекающих к себе повышенное внимание в силу своего политического значения, инновационности или масштаба (формирование Европейского Союза, продвижение на государственном уровне экологической повестки, создание институтов социального инвестирования [24] и др.).

При всей важности указанных тем не менее интересно применение рассматриваемой призмы к более массовым феноменам, например, к обучению предпринимательству студентов [10; 33]. На сегодняшний день поле факторов, влияющих на успех проектных инициатив студентов, остается недостаточно систематизированным, отсутствует общепризнанная теоретическая рамка для понимания механизмов формирования предпринимательских компетенций студентов [27; 33]. Полезным может оказаться, например, различение двух типов проектной деятельности: той, что организована как следование заранее заготовленному шаблону (с прохождением predetermined этапов), и той, что предполагает разработку собственного подхода (более «чистое» институциональное предпринимательство). Также можно развести проектную деятельность, ориентированную на внутреннего заказчика

(преподаватель), — как институциональное предпринимательство особого типа (квазипредпринимательство), и проекты для внешнего рынка. В целом можно предположить, что недостаточная практика последнего типа институционального предпринимательства — одна из причин невысокой эффективности обучения предпринимательству. Другая причина — разная степень укорененности принципов «расширенного действия» в студенческой среде, в том числе с учетом профиля подготовки.

Понятие «институциональная работа» первоначально понималось как «целенаправленные действия индивидов и организаций по созданию, поддержанию и разрушению институтов» [28. С. 215], т.е. пересекалось с понятием «институциональное предпринимательство». Между тем главный объект в исследованиях институциональной работы — привычные организации и их структурные изменения, поэтому в сфере образования это понятие пока мало применялось, хотя отмечается его перспективность для анализа «больших институтов» современности, к которым, безусловно, можно отнести и образование [23]. Еще одно пока недостаточно проработанное направление в исследованиях институциональной работы — анализ механизмов формирования сетей акторов, способных к эффективной трансформации институтов (дополнение к анализу индивидуальных «жизненных миров»).

Учитывая опыт последних месяцев, когда учащиеся школ и студенты вузов оказались в принципиально новых институциональных условиях, можно исследовать их действия с использованием конструкторов институциональной работы и институционального предпринимательства. В качестве базовой гипотезы подобных исследований, в соответствии с постулатами нового институционализма в трактовке Мейера, может выступать предположение о важной роли студенчества в выстраивании новых правил игры и о вариативности возможных форм итоговой институциональной конфигурации — в зависимости не только от особенностей локального структурного контекста в отдельных вузах или регионах, но и от осознанных позиций и интересов самих студентов. Применение идей нового институционализма может оказаться продуктивным для теории и практики образования — для понимания его возможного вклада в становление «трансформирующей агентности». Понятие расширенного действия описывает предполагаемый ключевой принцип, посредством которого система образования стимулирует структурные изменения, а концепты институционального предпринимательства и работы, в свою очередь, характеризуют конкретные механизмы «трансформирующей агентности».

Информация о финансировании

В статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Библиографический список / References

- [1] *Абрамова М.О. и др.* Аналитический доклад «Высшее образование: уроки пандемии»: оперативные и стратегические меры по развитию системы». 2020 / Abramova M.O. et

- al. *Analitichesky doklad "Vysshee obrazovanie: uroki pandemii": operativnye i strategicheskie меры po razvitiyu sistemy* [Analytical report "Higher Education: Lessons from the Pandemic": Operational and Strategic Measures to Develop the System. 2020. URL: http://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический_доклад_для_МОН_итог2020_.pdf. (In Russ.).
- [2] Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005 / Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
- [3] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990 / Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [4] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005 / Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [5] Зобнина М., Коротков А., Рожков А. Структура, вызовы и возможности развития предпринимательского образования в российских университетах // Форсайт. 2019. Т. 13. № 4 / Zobnina M., Korotkov A., Rozhkov A. *Struktura, vyzovy i vozmozhnosti razvitiya predprinimatelskogo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh* [Structure, challenges and opportunities for the development of entrepreneurial education at Russian universities]. *Foresight*. 2019; 13 (4). (In Russ.).
- [6] Кравченко С.А. Метаморфизация общества: фактор «побочных эффектов» и глобализация ничто // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2 / Kravchenko S.A. *Metamorfizatsiya obshchestva: faktor "pobochnykh effektiv" i globalizatsiya nichto* [Metamorphization of society: The factor of 'side effects' and globalization of nothing]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
- [7] Куракин Д.Ю. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3 / Kurakin D.Yu. *Tragediya neravenstva: raschelovechivaya "totalnogo cheloveka"* [Tragedy of inequality: Dehumanizing "l'homme total"]. *Sociological Review*. 2020; 19 (3). (In Russ.).
- [8] Мозговая А.В. Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4 / Mozgovaya A.V. *Sotsialnaya sfera: vektor izmeneniy, riski i adaptatsionnye resursy (po materialam obshcherossiyskikh monitoringovykh issledovaniy)* [Social sphere: Vectors of change, risks, and adaptation resources (the results of all-Russian monitoring surveys)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
- [9] Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7 / Sorokin P.S., Froumin I.D. *Problema "struktura/deystvie" v XXI v.: izmeneniya v sotsialnoy realnosti i vyvody dlya issledovatel'skoy povestki* ["Structure/agency" problem in the 21st century: Changing social reality and research implications]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 7. (In Russ.).
- [10] Сорокин П.С., Черненко С.Е., Повалко А.Б. Обучение предпринимательству в вузах России и мира: зачем, как и с какими результатами? М., 2020 / Sorokin P.S., Chernenko S.E., Povalko A.B. *Obuchenie predprinimatelstvu v vuzakh Rossii i mira: zachem, kak i s kakimi rezultatami?* [Entrepreneurship Education in the Universities of Russia and the World: What for, How and with What Results?]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [11] Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9 / Sztompka P. *Ponyatie sotsialnoy struktury: popytka obobshcheniya* [The concept of social structure: An attempt of generalization]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2001; 9. (In Russ.).
- [12] Alemán J., Woods D. Value orientations from the world values survey: How comparable are they cross-nationally? *Comparative Political Studies*. 2016; 49 (8).
- [13] Baeva L.V. Comparative analysis of values of Russia and Europe in the context of the issues of existential safety. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22 (2).

- [14] Bromley P., Meyer J.W., Ramirez F.O. Student-centeredness in social science textbooks, 1970–2008: A cross-national study. *Social Forces*. 2011; 90 (2).
- [15] Deguchi A., Hirai C., Matsuoka H., Nakano T., Oshima K., Tai M., Tani S. What is society 5.0? *Society 5.0*. Singapore; 2020.
- [16] Deguchi A., Kajitani S., Nakajima T., Ohashi H., Watanabe T. From monetary to nonmonetary society. *Society 5.0*. Singapore; 2020.
- [17] DiMaggio P. Interest and agency in institutional theory. L. Zucker (Ed.). *Institutional Patterns and Culture*. Cambridge; 1988.
- [18] DiMaggio P.J., Powell W.W. (Eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (Vol. 17). Chicago; 1991.
- [19] Emirbayer M., Mische A. What is agency? *American Journal of Sociology*. 1998; 103 (4).
- [20] Farrell H. The shared challenges of institutional theories: Rational choice, historical institutionalism, and sociological institutionalism. *Knowledge and Space*. Springer; 2018.
- [21] Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2011; 29 (1).
- [22] Goldstone J.A., Useem B. Putting values and institutions back into the theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2012; 30 (1).
- [23] Hampel C.E., Lawrence T.B., Tracey P. *Institutional Work: Taking Stock and Making It Matter*. Sage; 2017.
- [24] Hardy C., Maguire S. Institutional entrepreneurship and change in fields. *Handbook of Organizational Institutionalism*. Sage; 2017.
- [25] Illich I. *Deschooling Society*. New York; 1983.
- [26] King A. Emotion, interaction and the structure-agency problem: Building on the sociology of Randall Collins. *Thesis Eleven*. 2019; 154 (1).
- [27] Kuzminov Y., Sorokin P., Froumin I. Generic and specific skills as components of human capital: New challenges for education theory and practice. *Foresight*. 2019; 13 (2).
- [28] Lawrence T.B., Suddaby R. Institutions and institutional work. S.R. Clegg, C. Hardy, T.B. Lawrence, W.R. Nord (Eds.). *Handbook of Organization Studies*. London; 2006.
- [29] Lerch J., Bromley P., Ramirez F.O., Meyer J.W. The rise of individual agency in conceptions of society: Textbooks worldwide, 1950–2011. *International Sociology*, 2017; 32 (1).
- [30] Meyer J.W. Reflections on rationalization, actors, and others. *Research in the Sociology of Organizations*. Emerald Publishing; 2019.
- [31] Meyer J.W., Jepperson R.L. The “actors” of modern society: The cultural construction of social agency. *Sociological Theory*. 2000; 18 (1).
- [32] Meyer J.W. World society, institutional theories, and the actor. *Annual Review of Sociology*. 2010; 36 (1).
- [33] Nabi G., Liñán F., Fayolle A., Krueger N., Walmsley A. The impact of entrepreneurship education in higher education: A systematic review and research agenda. *Academy of Management Learning & Education*. 2017; 16 (2).
- [34] *Science, Technology and Innovation Outlook*. 2016. URL: <https://www.oecd.org/sti/Mega-trends%20affecting%20science,%20technology%20and%20innovation.pdf>.
- [35] Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. 2020. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/0038040720942912>.
- [36] Sorokin P. Vision and mission of sociology: Learning from the Russian historical experience. *American Sociologist*. 2017; 48 (2).
- [37] Sorokin P. Making global sociology in the context of neoliberal domination: Challenges, ideology and possible strategies. *Sociological Research Online*. 2018; 23 (1).
- [38] Sorokin P.S. The promise of John W. Meyer’s world society theory: “Otherhood” through the prism of Pitirim A. Sorokin’s integralism. *American Sociologist*. 2020; 51 (4).
- [39] Streib J. The unbalanced theoretical toolkit: Problems and partial solutions to studying culture and reproduction but not culture and mobility. *American Journal of Cultural Sociology*. 2016; 10 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138

“Transformative agency” as an object of sociological analysis: Contemporary discussions and the role of education*

P.S. Sorokin

HSE University

Potapovsky Per., 16–10, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: psorokin@hse.ru)

Abstract. Negative trends of the global social-economic development enhanced by the covid-19 pandemic explain the theoretical and practical relevance of the study of perspectives for structural transformations and their possible sources. In education, this means the need to improve the existing models of institutional practice and to contribute to the development of ‘agency’ that would support positive transformations in all domains of social life. The scientific attention to ‘agency’ and its transformative potential in relation to ‘structures’ is still limited compared to the issues of structures’ reproduction. The so-called ‘new institutionalists’ in sociology (including primarily J.W. Meyer and his followers) provide a promising basis for new theoretical models and empirical studies of the content, factors and effects of ‘transformative agency’. Meyer’s core idea is that social structures can both suppress and support the initiative formation of new social entities and the corresponding new values and modes of action. Further research in education should refer to the concepts of ‘institutional entrepreneurship’, ‘institutional work’ and ‘expanded actorhood’, when using the proposed theoretical framework to empirically study (1) globally and nationally promoted initiatives in entrepreneurship education in universities, and (2) processes of transformation of institutional contexts in education under the continuing global pandemic with an emphasis on the proactive role of students.

Key words: structure-agency; trends of social-economic development; deconstruction; transformative agency; new institutionalism; institutional work; institutional entrepreneurship

Funding

The author uses the results of research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

* © P.S. Sorokin, 2021

The article was submitted on 13.07.2020. The article was accepted on 26.11.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства*

К.В. Радкевич, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

В статье исследуются истоки возникновения евразийства как социальной доктрины, появившейся в качестве ответа на западные геополитические концепции, в частности, англо-саксонскую и германскую. Обе концепции служат оправданием социальных институтов и объединений на основе различия пространств Восточной и Западной частей Евразии. Авторы утверждают, что базой геополитики как западноевропейского, так и восточноевропейского типа являются мифологемы, которые, хотя и претендуют на научную значимость, по своей природе не способны достичь этого статуса. В статье показано, что обоим направлениям свойственны: (1) изобретение идеальной вне-временной родины общества на основе мифологической трактовки пространства; (2) претензия на сакральное знание (через сакрализацию пространства), являющееся в действительности профанным. Характерное различие между западными геополитическими школами (англо-саксонской и германской) и евразийством заключается в определении связи между пространством и конкретным социумом. Геополитика исходит из постоянства пространственного противостояния как причины социально-политической конкуренции. Геополитическая оценка действительности сводится к необходимости наступательных действий по отношению к «чужому» пространству, которое считается изначально, «естественно» враждебным. В этом смысле геополитическая наступательность вплоть до агрессивности контрастирует с оборонительным характером евразийства, которое утверждало, что пространство объединяет общества со схожими ценностями, соответственно, эти общества должны защищать свое пространственное месторазвитие от посягательств стран Запада. Таким образом, атлантизм — глобальный проект современной геополитики Запада — находится в принципиальном противоречии с евразийством, не приемлющим гегемонизма и отстаивающим принцип многополярного мира. В настоящее время градус конфликта между проектами невысок, но и перспективы его прекращения пока не просматриваются.

Ключевые слова: социология политики; социальные мифологемы пространства; евразийство; западная геополитика; атлантизм; герменевтика геополитики; месторазвитие

Сто лет назад, в 1920 году, Н.С. Трубецкой издал в Софии труд «Европа и человечество», положения которого в дальнейшем стали основаниями евразийской теории [16. С. 3]. Сегодня, рассматривая работу Трубецкого в исторической перспективе, можно утверждать, что она стала ответом на вызов, некогда брошенный западной геополитикой и затем оформившийся в атлантизм. Разумеется, можно усомниться в исходных основаниях тех направлений общественной мысли, где социально-политические решения

* © Радкевич К.В., Шабага А.В., 2021

Статья поступила 11.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

предопределены диктатом пространства. Но трудно отрицать то значение, что они приобрели в XX веке, противостоя друг другу теоретически и практически — как два соперничающих извода одной социальной науки. Наряду с западной геополитикой, пустившей корни даже в формате учебной дисциплины в учреждениях высшего образования, в России давно существует ее особая ветвь, известная как евразийство. В статье мы сопоставим евразийство с англо-саксонской и германской версиями геополитики, исследуем истоки двух направлений и покажем их инструментальное значение.

Этимологически и содержательно геополитика связана с возникшей ранее политической географией. Задача этой науки состояла в объяснении социально-политической специфики региона особенностями его географии. Впервые на необходимость развития этой сферы научного знания указал выдающийся русский историк и политический деятель В.Н. Татищев: «Политическое Географіи описаніе представляет селенія, великія и малыя, яко грады, пристани и пр., правительства гражданскія и духовныя, способности, прилежности и искусства, въ чемъ либо того предѣла обыватели упражняются и преимуществуютъ, яко же ихъ нравы и состоянія, и как сіи обстоятельства по временамъ премѣняются» [17. С. 501]. Введенный Татищевым термин «политическая география» оказался весьма востребованным: в XVIII веке его использовал французский ученый и политический деятель А.Р.Ж. Тюрго, а в XIX веке немецкий ученый К. Риттер не только превратил политическую географию в научную дисциплину, но и заложил на ее основе принципы геополитики.

Геополитика получила достаточно широкое распространение, в результате чего в современном мире для обоснования социально значимых решений часто прибегают к ссылкам на некие геополитические причины, в которых, во-первых, социальное (в виде политического) подчинено глобальному (геопричинам); во-вторых, отношения между социальными субъектами представлены в виде бинарной оппозиции «свой–чужой». Таким образом, социальное бытие предстает как постоянный политический конфликт, который иногда затихает. Однако, поскольку причины, его породившие, могут только меняться, а не исчезать, эти затишья на практике носят временный характер.

Геополитика объясняет природу этого неизбежного конфликта как противостояние неких пространств: они с необходимостью противостоят друг другу, влияя прямо или косвенно на общество и на мировую политику — посредством формирования внутри пространств таких обществ, которые некоторым образом конгруэнтны своим пространствам. Из этого делается два вывода: во-первых, каждое пространство формирует психотип населяющего его общества (например, степняка-кочевника, оседлого земледельца или торговца-морехода), а психотип порождает институциональную специфику социума, которая, в свою очередь, влияет на особенности образования государства и своеобразие его политики. Во-вторых, поскольку пространства различаются, населяющие их народы должны находиться в принципиальном

противоречия между собой (прежде всего, это аксиологические противоречия, которые порождают все остальные, включая политические).

Существует множество геополитических интерпретаций мировой политики. Их направленность и специфика, как правило, зависят от школ, к которым принадлежат исследователи, но объединяющим моментом всех школ является то, что они основаны на мифологемах. Возьмем наиболее известную сегодня англо-саксонскую школу: в ее основе лежит утверждение об исконном противостоянии моря и суши. Природу этого противостояния всегда оставляют за скобками, надеясь на эрудицию слушателя или его способность к ассоциативному мышлению. Подобный подход обычно бывает оправдан, так как услужливая память напоминает о первой книге Бытия, согласно которой в третий день творения Господь отделил сушу от моря: «И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша. И бысть тако. И собрися вода, яже под небесам, в собрания своя, и явися суша». Тем, кто не обременен знанием библейских сюжетов и книги Бытия, предлагается опереться на бытовой опыт, согласно которому вода и суша представляют собой две противостоящие субстанции, определяющие разные качественные состояния пространства. Это противопоставление привело к объявлению «естественности» политического противостояния моря (островных государств — Великобритании и США) и суши (континентальных государств Евразии).

Разведя два состояния вещества до уровня пространственных качеств, сторонники англо-саксонской школы перенесли их на общества, которые, по их мнению, напрямую зависят от соответствующих пространств. Известный ученый и политический деятель XVII века Д. Ивлин в работе с характерным названием «Навигация и коммерция, в которой право Его Величества на доминирование на море защищается против новых норм права и более поздних претендентов» провозгласил: «so True is another Axiom, Qui MARE tenet, eum necesse esse rerum potiri; but, without which, 'tis in vain to talk of Sovereignty» [23. С. 69], т.е. тот, кто контролирует море, властвует над всеми, и без морского владычества бессмысленно говорить о подлинном господстве. Заметим, что, провозглашая особый статус морского доминирования, Ивлин опирался на авторитет Цицерона, извлечение из письма которого к Аттику он включил в состав своей «аксиомы». В дальнейшем «аксиома» Ивлиева будет использована Х. Макиндером, но пока обратим внимание на выделение моря как главного пространства обитаемого мира, обладающего заведомым преимуществом относительно суши. Развивая этот подход англо-саксонские геополитики пришли к выводу о принципиальных и даже непримиримых противоречиях между «морскими» и «сухопутными» обществами. Роль регулятора этого антагонизма была отведена конфликту, который должен привести к окончательной или временной победе той или иной стороны. Примечательно, что первоначально англо-саксонское направление было далеко от мифологии. Американский адмирал А. Мэхэн, рассуждая о преимуществах морской мощи, опирался, прежде всего, на географические и стратегические положения [9. С. 17]. Но его идеи о

морских пространствах были не только подхвачены, но и гипостазированы с помощью библейских ассоциаций. Простота и наглядность такого объяснения сложных социальных явлений была столь заразительна, что привлекла сторонников других геополитических школ.

К ним относилась и не менее известная в свое время немецкая школа, основы которой заложил географ К. Риттер, предложивший все биологические и социальные процессы воспринимать в понятиях пространства, так как это следует «из природы самого объекта» [30. С. 207]. Он полагал, что государство (как и Земля в целом) схоже с живым организмом, обладающим соответствующими органами, за которыми закреплены специальные функции. Уподобление государства организму привело Риттера к заключению, что их естественное развитие неизбежно приводит к борьбе за среду обитания или жизненное пространство (*Lebensraum*). В дальнейшем в германской геополитической традиции противостояние пространств и населяющих их обществ стало объясняться особыми связями, которыми каждый социум связан с землей, его породившей. Различие почв, якобы вошедшее в кровь каждого социума, порождает различие ценностей и интересов, что предопределяет непримиримое соперничество обществ и государств, закономерно ведущее к борьбе за расширение «своего» пространства за счет «другого». Теоретически это не вполне последовательно, поскольку концепция тесной связи социума с землей должна была бы конфликтовать с идеей захвата чужих территорий, чего создатели теории кровной связи общества с пространством не замечали. Лишь после военно-политического краха Германии, в ходе двух мировых войн лишившейся значительной части территорий, несостоятельность этих построений стала очевидна для всех.

Англо-саксонские идеи также нашли свое место в германской геополитической мысли XX века, но весьма специфическое. Такие геополитики, как К. Хаусхофер и К. Шмитт, просто поменяли знаки местами: то, что было плюсом у англосаксов, стало минусом у немцев. Немецкие геополитики провозгласили примат континентализма, а морскую мощь и торговлю (у англо-саксонских геополитиков это предпочтительная основа мировой политики) связали с торгашеским «духом» британцев, несовместимым с принципами политического действия. Шмитт также указал, что в XX веке недопустимо считать море элементом или стихией — его, наряду с землей и воздухом, следует воспринимать как пространство, вмещающее человеческой активности, направленной на достижение политического господства [31. С. 1].

Еще одно концептуальное заимствование немцев у англосаксов — использование идеи оси, но в континентальном духе. Если англосаксы представляли военно-политическую ось как некое подобие земной оси, то германские геополитики выстраивали свои оси преимущественно в широтном направлении. Нам известен один экзотический проект, смысл которого заключался в частичном осушении Средиземного моря и сухопутном объединении Европы и Африки в новую часть света — Атлантропу, которая сумеет выдержать

геополитическое противостояние Азии и Америкой [32. С. 983–987]. Остальные немецкие политические деятели, выстраивающие свои концепции в геополитическом ключе (К. Хаусхофер, Э. Никиш) полагали, что меридианальные оси дают преимущество морским державам, способным контролировать водные коммуникации Америки и Африки, а для континентальных работает только широтный принцип объединения. В 1939 году Хаусхофер предлагал рассмотреть «совершенно трезвым взглядом геополитическую силу Евразийского пакта», который предлагал заключить Германии, СССР и Японии в борьбе против англо-саксонских стран [18. С. 380]. Никиш, придерживавшийся социалистических взглядов, делал упор на азиатское направление. В 1935 году в беседе с Б. Муссолини, критикуя внешнюю политику Гитлера, он отстаивал необходимости объединения пролетарских народов Италии, Германии, России и Японии, уверяя, что «этому союзу не было бы равных; ему никто не смог бы противостоять, он смог бы победить Англию и Америку в Азии, равно как и в Европе» [10. С. 399], с чем бывший марксист Муссолини, некогда редактировавший социалистическую газету «Avanti!», был, по крайней мере на словах, согласен. Отметим, что современные им советские марксисты геополитикой не увлекались, а если и размышляли о пролетарском объединении в континентальном масштабе, то с востока на запад. Вот характерная для того времени поэтическая цитата, фиксирующая противостояние континентальных и морских держав: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя» [5].

В целом на востоке Европы идея осевой организации социально-политического пространства воспринималась крайне скептически, поскольку это действительно был странный конструкт. Остается только удивляться тому, что он до сих востребован в социально-политическом анализе. Первым, кто ввел в науку понятие стержня (*pivot*), определяющего мировую политику, был Х. Макиндер. Будучи географом, он назвал этот стержень (ось, точку опоры, вращения) географическим. Ось, вокруг которой якобы вращалась мировая история, Макиндер поместил в глубины Северной Евразии и назвал окружающие ее территории сердцевиной землей (*heartland*). После, оттолкнувшись от идей Ивлиева, он выдвинул собственную «аксиому», которую должен постоянно держать в голове каждый государственный деятель европейского Запада: тот, кто властвует над Восточной Европой, управляет хартлендом; кто управляет хартлендом, тот господствует над морскими державами; кто господствует над морскими державами, властвует во всем мире [27. С. 191].

Конечно, это сомнительное утверждение, не способное выдержать сколь-нибудь основательной исторической проверки, что неудивительно, так как идея некоей географической точки, определяющей образование хартленда, — откровенная спекуляция. Ее появление связано с объяснениями того, почему Россия неприступна для западных держав в целом и для Англии в частности. Рассуждая о неудачах Карла XII и Наполеона, Макиндер указывал, прежде всего, на несоразмерность пространств, куда вторгались эти незадачливые

герои. И хотя впоследствии и сами пострадавшие, и их многочисленные биографы высказывались в том духе, что у них и в мыслях не было так далеко забираться и они хотели решить судьбу кампаний в генеральном сражении неподалеку от своих границ, шведы и французы были втянуты самим пространством в его бескрайние русские просторы и растворились в них. Неизвестно, знал ли Макиндер о знаменитом высказывании Александра I, что он готов отступить хоть до Камчатки, но ни за что не подпишет мира с французами до того, как они покинут территорию России, хотя это была бы неплохая иллюстрация его идеи.

Также не совсем понятно, почему Макиндер, пространно рассуждая о российской истории от войн с половцами до гитлеровского нашествия, не предложил хартлендовское объяснение провалов английских вторжений в ходе Крымской войны. Англичане с союзниками потерпели неудачу на Балтике и Белом море, и их усилия по вторжению в Россию со стороны Тихого океана привели к занятию пустого места, на котором стоял Петропавловск-Камчатский: жители к этому времени были эвакуированы на Амур и вглубь России, а город разобран и частично сожжен. Английская пресса заполнилась желчными издевками при известии, что возглавлявший союзников адмирал Д. Прайс, увидев укрепления еще не разобранного Петропавловска, застрелился, а эскадра после двух неудачных попыток штурма города не смогла найти отошедшего противника и в его поисках заплутала в морских просторах. Заметим, что с точки зрения Макиндера Камчатка должна была восприниматься как весьма близкое место к хартленду. Кроме того, нет никаких свидетельств того, что неудачу белого движения в ходе гражданской войны Макиндер связывал с тем, что большевикам удалось к концу 1919 года захватить хартленд. Это тем более удивительно, что он принимал непосредственное участие в белой интервенции, будучи «верховным комиссаром» Британии на оккупированном странами Антанты юге нынешней Украины.

Вероятно, это молчание связано с тем, что основные работы о хартленде были написаны в то время, когда Англия и Россия состояли в союзе (в Антанте и антигитлеровской коалиции) и потому рассуждать об их геополитических конфликтах было политически неправильно. Хотя провокативность тезиса о хартленде все равно была вполне очевидной. Во всяком случае, эпизод с Крымской войной был бы более нагляден, чем попытка пояснить свою мысль посредством образного сравнения Франции и России — как обладающих схожими паттернами: если Франция защищена со всех сторон, кроме северо-востока, морями и горами, то в России география позаботилась обо всех сторонах света, кроме запада [27. С. 199]. Поэтому восток являлся опорой России в случае вторжений с Запада, представляя собой глубокий тыл, чуть ли не бесконечно расширяющий ее защитный потенциал. В своей поздней работе, написанной во время Второй мировой войны, Макиндер попытался даже установить «ось оси» — «the very pivot of the pivot areal» [27. С. 200], которой он назначил Южный Урал, что вполне соотносилось с военно-

политическими реалиями того периода. Эвакуировав значительную часть своей индустрии в уральский регион, Советский Союз смог не только восстановить свое военное производство, но и значительно нарастить его, что сыграло важную роль в войне с Германией.

Отметим, что, хотя этот пример является хорошей иллюстрацией доводов Макиндера, он рассуждал о природе политики исключительно в имперских категориях — как о борьбе за первенство в глобальном масштабе и жизненно важные для Британии предельные точки. Кроме того, Макиндер был склонен к вольным интерпретациям мировой истории, делая смелые и необычные умозаключения. Вероятно, в основе рассуждений Макиндера лежат древние представления о Земле как средоточии мироздания, вокруг которой обращается вся небесная сфера. В этом ключе общества древности воспринимали свои священные места, наделяя их своеобразными «осевыми» качествами: так, греки воспринимали омфал Дельфийского храма Аполлона, считая его пупом Земли; китайцы, подобно грекам отделявшие себя от инокультурных «варваров», функции центра мироздания выполняла гора Тайшань; для большинства населения в качестве «религиозной оси» Земли выступает Иерусалим. Объединив эти представления с географическими трактовками условной земной оси, Макиндер установил «географическую ось истории». В дальнейшем возможностями такого метода, с помощью которого можно было доказать все, что угодно, воодушевился К. Ясперс: он занялся установлением осей времени, которые, сменяясь в соответствии с актуальными запросами, определяют направление развития обществ, т.е. Ясперс уподобил социальную жизнь телеге, оси которой можно менять сообразно текущим надобностям [20. С. 78–93]. Ясперсовские конструкты весьма причудливы, но сравнительно безобидны, поскольку значимой характеристикой его осей выступает абстрактная категория времени, т.е. у их создателя нет стремления противопоставить одну ось другой или, замеряя близость/удаленность какого-либо народа к оси, давать ему некую принципиальную характеристику.

Н. Спикмен, младший современник Макиндера, решил довести его идеи до логического конца и дополнил концепцию пространственной доминанты хартленда, восходящую к временам гражданской войны в США и работе А. Мэхэна, стратегией анаконды. Образ анаконды возник в журналистской среде в период гражданской войны в США: газетчики применили к плану генерала северян У. Скотта (водная блокада южных штатов) образ анаконды, постепенно удушающей жертву в своих объятиях. В изложении Спикмена контаминация хартленда и анаконды усиливала оппозицию хартленда и периферии, перенося акцент на последнюю. Спикмен предлагал оформить периферию (*rimland*) как единое военно-политическое образование, которое должно сжать хартленд до его полного подчинения периферии, изменив, тем самым, социально-политическую картину мира, поскольку не только пространство влияет на социум, но и социум может изменять вмещающее его

пространство [14. С. 181]. Иными словами, Спикмен хотел политической исправить ошибки географии.

Военно-политическим следствием этих взглядов стало окружение хартленда (СССР) цепью союзных США военных блоков и американских баз. Конечно, нет никакой уверенности, что президент Г. Трумэн, при котором окончательно сложилось кольцо враждебных государств и военных баз вокруг СССР, был знатоком геополитики и ориентировался на макиндеровские идеи. Вероятнее всего, он руководствовался идеей стратегического окружения политического противника и не думал ни о каком хартленде. Но геополитический фон, задаваемый Макиндером и Спикменом, в том числе в рамках курсов, которые читались в американских высших учебных заведениях, и статей, публиковавшихся в претендующих на научный статус журналах, во многом определял освещение военных решений правительства в якобы научном духе.

С. Коэн дополнил геополитический конструкт понятием геополитических регионов, очертания которых напоминают тектонические плиты [21. С. 29; 22], вследствие чего возникают ассоциации, что политическое противостояние имеет более глубинные корни, поскольку определяется не только географией, но и геологией. Если наши предположения верны, то остается сделать только шаг, чтобы вывести антагонизм на космический уровень, объясняя природу современных конфликтов особенностями вселенских сил, результатом которых стало возникновение Земли. Отметим, что, невзирая на новое «геологическое» деление, Коэн, как и его предшественники, истолковывает науку о Земле посредством политики, хотя, если исходить из названий книг, статей и самой науки, должно быть наоборот. Ключом к объяснению этого странного на первый взгляд истолкования является деление семи (как и материков) геополитических регионов на две противостоящие геостратегические области: к одной относится классическая в политическом отношении Евразия (хартленд, Восточная Европа, Восточная Азия), к другой — остальной мир, определяемый через морские и прибрежные категории.

Отсюда оставался шаг до геополитического обоснования атлантизма — теории, провозгласившей существование новой — атлантической — оси, противопоставлявшей и даже, в какой-то мере, упразднявшей прежнее понимание хартленда (Д. Мэйниг [29. С. 569], У. Кирк [26. С. 17–21], Я. Гоблет [24. С. 191]). Смысл теории сводился к тому, что каждый из двух соперничавших центров стремился к своему граалю: Россия-хартленд — к морскому побережью, и вся ее «политическая история была... вдохновлена поисками океана» [4. С. 191], а атлантические державы, контролируя острова от Британии до Японии, стремились расширить свое влияние вглубь Евразии.

Распад СССР породил у ряда американских геополитиков ложное представление, что сбылась мечта Спикмена и анаконда удавила недоступный для военного вторжения хартленд. Одни из них торжествовали, считая, что атлантическая модель победила и истории пришел конец (Ф. Фукуяма). Другие увидели переход от биполярного мира к униполю (монополярному миру),

куда англо-саксонские державы Атлантики на всем протяжении XX века втягивали Западную Европу и страны Дальнего Востока, а теперь, для окончательного закрепления своего первенства в мировой политике, осталось затянуть в униполь Россию [15. С. 27–44]. Однако, вопреки этим расчетам, основанным на мифологических конструктах, все идет совсем не так. А результатом скрупулезных увязываний политики и пространства в духе западного мессианизма стало появление российской геополитической доктрины, известной как евразийство.

Истоки евразийства довольно разнородны. Самое раннее из программных высказываний, ориентирующих Россию на освоение малонаселенных территорий северо-восточной Евразии, было высказано в 1763 году М.В. Ломоносовым: он выразил беспокойство возможным окружением России, чему, посредством колонизации северо-восточной Евразии, надеялся положить предел [7. С. 422]. Примечательно, что в предисловии своего труда Ломоносов обращается к наследнику престола Павлу Петровичу, перечисляя все его зарубежные титулы — «герцогу шлезвиг-голстинскому, стормарнскому, дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому, наследнику норвежскому», но ориентирует его «как флотов российских генерала-адмирала» не на западные моря атлантического бассейна, а исключительно на северо-восток [7. С. 419]. «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [7. С. 498]. Обычно это высказывание приводится в усеченном виде, и из него трудно понять, что именно обеспечение контроля над евразийским северо-востоком Ломоносов считал важнейшим фактором безопасности России.

На этой основе В.И. Ламанский спустя сто лет сформулировал основные принципы евразийской концепции. Очертания выделенного им «среднего мира», противостоящего в культурном и географическом отношении «романо-германскому миру» (западноевропейский полуостров Евразии) и «собственно азиатскому миру» [6. С. 185, 229], примерно соответствуют той территории, которую в дальнейшем стали именовать евразийским миром [8], т.е. Евразия была определена не как географическое понятие, а как социально-политическая категория. Идеи Ламанского о прямой связи между пространственными различиями и политическим противостоянием европейского Запада и Востока продолжали цивилизационный подход Н.Я. Данилевского и стали своеобразным ответом с Востока на агрессивную устремленность геополитических концепций англо-саксонской и германской школ. Усилиями Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и их единомышленников преимущественно цивилизационная компонента Данилевского и Ламанского была замещена на геополитическую. Так, один из самых последовательных евразийцев Савицкий относил евразийство к геополитике, писал работы, в названии которых использовал этот термин [11], и в его переписке встречаются выражения «как геополитик я предвижу» [13].

В 1930-е годы становилось все более очевидным стремление западных геополитиков теоретически обосновать необходимость прямого или косвенного контроля над Россией. В этом отношении концепции хартленда и *Lebensraum* дополняли как историческое соперничество Западной и Восточной Европы, так и их идеологическое противостояние. В результате менялись акценты евразийства: геокультурное и геоэкономическое понимание России-Евразии все больше политизировалось, становилось почти неотличимым от базовых принципов геополитики, согласно которым примат пространства предопределяет все политические действия. Если для первого поколения евразийцев основной задачей было объяснение аксиологии пространства Евразии, посредством чего они стремились определить политическое место России в мире, то их преемники, «левые евразийцы», начиная со Д.П. Святополк-Мирского, а затем и развивавший евразийские идеи в рамках собственной оригинальной концепции Л.Н. Гумилев более решительно противопоставили евразийское пространство западному в социально-политическом контексте. Их основной посыл состоял в противостоянии западной геополитической мысли, основывающейся, с одной стороны, на распространенном на Западе материалистическом индивидуализме, а, с другой, на материалистическом коллективизме, который, через марксизм, проник и стал активно внедряться на Востоке.

Взамен евразийцы предлагали создать в России симфоническое общество идеократического типа на основе исторической близости евразийских социумов и их традиционных ценностей: евразийцы считали, что сродство евразийских обществ обусловлено ощущением созвучности их культурного ритма, что является надежной гарантией единства России-Евразии. По замыслу евразийцев, противостоящий Западу политический проект международного субъекта России-Евразии должен состоять в гармоничном совмещении духовных и хозяйственных основ общественного бытия (социальная симфония). Вот к чему призывала Декларация, принятая на Первом съезде Евразийской организации в 1932 году: «XI. Евразийскому государству евразийцы ставят два задания: а) задачу организации жизни особого мира России-Евразии; б) задачу духовной и экономической эмансипации трудящихся. XII. Средство к осуществлению обоих заданий евразийцы видят в построении государственно-частной системы хозяйства. В ней государственное хозяйство и государственный план кладутся во главу угла. То и другое направлено: 1) на укрепление экономической независимости России-Евразии; 2) на обеспечение интересов трудящихся» [4. С. 2–3].

Свою основную задачу евразийцы видели в правильном обустройстве государства и не рассчитывали решать внутренние проблемы общества путем внешней агрессии. Из принятых евразийцами очертаний границ России-Евразии, которые в принципе соответствовали территории СССР, видно, что их устремления не были направлены на захват территорий евразийских окраин, удушение их посредством окружения или захвата стратегически важных мест

в центре регионов. В то же время евразийцы категорически не разделяли интернациональный глобализм коммунистов, которым идея измерять политику пространством была чужда, так как они проверяли ее идеологией, призывая «дойти до Ганга» и подчинить себе для начала весь евразийский континент «от Японии до Англии». В конце 1930-х годов евразийство вступило в длительную полосу кризиса, связанную с переходом части его членов на коммунистические позиции.

С 1960-х годов во многом созвучные евразийцам идеи стал излагать Л.Н. Гумилев, который определял себя как евразийца [2. С. 79–80]. Но концепция Гумилева, основанная на его самобытном учении о пассионарности, поновому освещала социальные процессы в России. Опираясь на теорию А.Л. Чижевского, пытавшегося увязать социальные процессы с космическими явлениями [19], и концепцию ноосферы В.И. Вернадского [1. С. 200–202], Гумилев пытался вывести евразийство из его «законного» геополитического поля, но не слишком в этом преуспел. Несмотря на категориальное родство гумилевского «вмещающего ландшафта» и евразийского «месторазвития», их природа объяснялась по-разному. Предложенные Гумилевым космологические причины социально-политической жизни Евразии плохо сочетались с географическими и культурно-историческими обоснованиями его предшественников, поэтому его учение было отгеснено на периферию научного знания.

В геополитику евразийство в 1990-е годы вернул А.Г. Дугин, причем поместил его туда буквально, войдя тем самым в противоречие с большинством евразийцев, которые не были солидарны с Савицким и, в силу западной коннотации термина «геополитика», старались не употреблять это понятие. Дугин в рамках своего неоевразийства «отождествляет евразийство с континентализмом» и теллуократией [3], т.е. не только вводит евразийство в западный геополитический дискурс (что теоретически допустимо), но и придает ему совершенно западную интерпретацию, что идет вразрез с евразийской традицией. Переход на западное толкование привел Дугина к смене базовой мифологии: от такой особенности евразийства, как «напряженный мистико-историософский порыв с не менее ярко выраженным конкретно-историческим» положением России [12], он, в своих рассуждениях о противостоянии теллуократии и талассократии, перешел, по сути, к мало занимавшей его предшественников библейской мифологии борьбы сухопутного чудовища левиафана и морского чудовища бегемота.

Что касается политических следствий возрождения с 1990-х годов интереса к евразийству, то это не столько появление сравнительно мало известных движений и партий, сколько реализация проектов, ориентированных на политическое и военное объединение евроазиатских территорий бывшей Российской империи и СССР, причем напрямую с идеями евразийства эти проекты не увязываются. Впрочем, и атлантисты не были склонны связывать идеи Мэхэна и Макиндера с северо-американо-западноевропейской военной и политической интеграцией. Отметим, что два противостоящих направления,

ранее существовавшие лишь в виде концептов, обрели институциональные воплощения (сначала атлантизм, а затем, в качестве ответа, и евразийство).

Атлантический проект, воплотившийся после подчинения США прибрежных стран европейского Запада в формате подконтрольного им военного альянса НАТО, а затем и ЕЭС, формально противостоял СССР и его союзникам не столько как феномену континентальной геополитики, сколько как своему классовому врагу. Причем, борясь с коммунистическими государствами и их идеологией, руководители западных стран тем самым косвенно подтверждали марксистское разделение человечества на классы и учение о неизбежности борьбы между ними. В дальнейшем, когда коммунистические режимы в Восточной Европе пали и классовое противостояние потеряло актуальность, Запад вернулся в привычное для себя геополитическое поле. Упорную неподатливость России, не желающей подчиняться очередным гегемонам, вновь стали объяснять посредством «вневременной истины»: величайшая опасность для Запада может исходить лишь из Евразии [25. С. 31]. Свой ответ российское руководство также предпочло представить в геополитической — евразийской — упаковке (ЕврАзЭС и ЕАЭС).

Хотя Евросоюз (пришедший на смену ЕЭС) и ЕАЭС заменили ранее существовавшее в этой части света противостояние капиталистического ЕЭС и коммунистического СССР, превращение их программных установок в идеологию маловероятно. В настоящее время они представляют собой политические проекты, хотя и конкурирующие друг с другом, но основанные не на антагонистических ценностях. Из этого следует, что градус конфликта атлантизма и евразийства в теоретическом и практическом отношении сравнительно невысок. Впрочем, столь же невысоки шансы прекращения этого конфликта в ближайшем будущем, так как стремящаяся к многополярному миру Россия в лице своего руководства отрицает гегемонизм. Более того, полемика по поводу роли и даже необходимости НАТО, ведущаяся по обе стороны Атлантики [28], является показателем стремления руководства ЕС пересмотреть значение атлантизма в пользу политического реализма, основанного на национальных интересах.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-18-00165.

Библиографический список

- [1] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- [2] Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство // Социум. 1992. № 9.
- [3] Дугин А. Многополярность и неоевразийство. 2016 // URL: <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-neoevraziystvo>.
- [4] Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932.
- [5] Коган П. Лирическое отступление (из романа в стихах) // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М., 1965.

- [6] *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка // *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М., 2010.
- [7] *Ломоносов М.В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. Т. 6. М.-Л., 1952.
- [8] Мир России — Евразия. М., 1995.
- [9] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783 гг. М., 2011.
- [10] *Никиши Э.* Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события. СПб., 2012.
- [11] *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.
- [12] *Савицкий П.Н.* Переписка с представителями евразийского течения по редакционно-издательским, агитационным вопросам и вопросам личного характера. 28 июля 1928 — 14 марта 1928. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 366. Л. 75.
- [13] *Савицкий П.Н.* Письмо 1932 г. к В.Н. Иванову. ГА РФ. Ф. 5783 Оп. 1. Д. 1.
- [14] *Спикмэн Н.Дж.* География и внешняя политика // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1.
- [15] *Страус А.Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2.
- [16] *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.
- [17] *Татищев В.Н.* История Российская съ самых древнѣйшихъ временъ. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769.
- [18] *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония // *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001.
- [19] *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
- [20] *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
- [21] *Cohen S.B.* Geography and Strategy: Their Interrelationship. A Lecture Delivered at the Naval War College on 17 September 1957. Newport, 1957.
- [22] *Cohen S.B.* Geography and Politics in a World Divided. N.Y., 1963.
- [23] *Evelyn J.* Navigation and Commerce, Their Original and Progress. Containing a Succinct Account of Traffick in General. L., 1674.
- [24] *Goblet Y.M.* Political Geography and the World Map. N.Y., 1955.
- [25] *Gray C.S.* In defense of the heartland: Sir Halford Mackinder and his critics years on // *Global Geostrategy: Mackinder and the Defense of the West.* L., 2005.
- [26] *Kirk W.* Geographical Pivots of History. Leicester, 1965.
- [27] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919.
- [28] *Macron E.* Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead // *Economist.* November 7, 2019.
- [29] *Meinig D.W.* Heartland and rimland in Eurasian history // *Western Political Quarterly.* 1956. Vol. 9. No. 3.
- [30] *Ritter C.* Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde. Berlin, 1852.
- [31] *Schmitt C.* Das Meer gegen das Land // *Wochenzeitung “Das Reich”* vom 9 März 1941.
- [32] *Sörgel H.* Europa-Afrika: ein Weltteil // *Sozialistische Monatshefte.* 1931. No. 37. H. 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space*

K.V. Radkevich, A.V. Shabaga

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

Abstract. The article considers the origins of Eurasianism as a Russian social doctrine that emerged as an answer to the Western geopolitical concepts, in particular of the Anglo-Saxon and German geopolitical schools. Both concepts serve to justify social institutions and associations based on the difference between the spaces of the Eastern and Western parts of Eurasia. The authors argue that geopolitics of both the Western-European and Eastern-European types is based on mythologemes which claim to be of scientific importance but are not capable of achieving this status. The article shows that both theories claim (1) the invention of an ideal timeless homeland of society on the basis of a mythological interpretation of space; (2) possession of sacred knowledge (through the sacralization of space) which is actually profane. The key difference between Western geopolitical schools (Anglo-Saxon and German) and Eurasianism is the proposed connection between space and a specific society. Geopolitics proceeds from the constant spatial opposition as a factor of social-political competition. The geopolitical assessment of reality is based on the need to attack the ‘alien’ space due to its initial, ‘natural’ hostility. The geopolitical hostility and even aggressiveness contradicts the defensive nature of Eurasianism which declares that space unites peoples with similar values; therefore, their societies should defend their ‘space of development’ from the encroachments of the Western countries. Thus, Atlanticism as a global project of the contemporary Western geopolitics fundamentally contradicts Eurasianism which does not accept hegemonism and supports the principle of a multipolar world; today, the level of conflict between these projects is not high, although there are no prospects for this conflict resolution.

Key words: political sociology; social mythologemes of space; Eurasianism; Western geopolitics; Atlanticism; hermeneutics of geopolitics; space of development

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00165.

References

- [1] Vernadsky V. *Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [2] Gumilev L.N. Skazhu vam po sekretu, chto esli Rossiya budet spasena, to tolko cherez evraziystvo [I will tell you a secret that is Russia is to be saved, it will be only through Eurasianism]. *Sotsium*. 1992; 9. (In Russ.).
- [3] Dugin A. Mnogopolyarnost i neoevraziystvo [Multipolarity and neo-Eurasianism]. 2016. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-neoevraziystvo>. (In Russ.).
- [4] *Evraziystvo. Deklaratsiya, formulirovka, tezisy* [Eurasianism. Declaration, Formulation, Theses]. Prague; 1932. (In Russ.).
- [5] Kogan P. Liricheskoe otpuplenie (iz romana v stihah) [[Lyrical digression (from the novel in verse)]. *Sovetskie poety, pavshie na Velikoy Otechestvennoy voyne*. Moscow; 1965. (In Russ.).
- [6] Lamansky V.I. Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika [Three worlds of the Asian-European continent]. Lamansky V.I. *Geopolitika panslavizma*. Moscow, 2010. (In Russ.).

* © K.V. Radkevich, A.V. Shabaga, 2021

The article was submitted on 11.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

- [7] Lomonosov M.V. Kratkoe opisanie raznikh puteshestvii po severnim moryam i pokazanie vozmojnogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu [A brief description of various voyages in the northern seas and an indication of the possible passage through the Siberian Ocean to East India]. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochineniy. Trudi po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii*. Vol. 6. Moscow-Leningrad; 1952. (In Russ.).
- [8] *Mir Rossii — Evraziya* [The World of Russia is Eurasia]. Moscow; 1995. (In Russ.).
- [9] Mahan A.T. *Vliyaniye morskoy sili na istoriyu 1660-1783 gg.* [The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783]. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [10] Niekisch E. *Zhizn na kotoruyu ya otvazhilsya. Vstrechi i sobitiya* [Daring Life. Encounters and Events]. Moscow–Saint Petersburg; 2012. (In Russ.).
- [11] Savitsky P.N. Geopoliticheskie zametki po russkoi istorii [Geopolitical notes on Russian history]. Vernadsky G.V. *Nachertaniye russkoi istorii*. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
- [12] Savitsky P.N. Perepiska s predstavitel'yami evraziiskogo techeniya po redaktsionno-izdatelskim, agitatsionnim voprosam i voprosam lichnogo kharaktera. 28 iyulya 1928 — 14 marta 1928 [Correspondence with representatives of the Eurasian movement on editorial, publishing, campaigning and personal matters. July 28, 1928 — March 14, 1928]. GA RF. F. 5783. Op. 1. D. 366. L. 75. (In Russ.).
- [13] Savitsky P.N. Pismo 1932 g k V.N. Ivanovu [Letter from 1932 to V.N. Ivanov]. GA RF F. 5783 Op. 1. D. 1. (In Russ.).
- [14] Spykman N.J. Geografiya i vneshnyaya politika [Geography and foreign policy]. *Izvestiya TGU. Gumanitarnie Nauki*. 2014; 4. Ch. 1. (In Russ.).
- [15] Strauss I.L. Unipolyarnost. Kontsentricheskaya struktura novogo mirovogo poryadka i pozitsiya Rossii [Unipolarity. The concentric structure of the new world order and Russia's position]. *Political Studies*. 1997; 2. (In Russ.).
- [16] Trubetzkoy N.S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and Humanity]. Sofia; 1920. (In Russ.).
- [17] Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiiskaya s samikh drevneishikh vremen*. Kn. 1. Ch. 2 [Russian History from the Ancient Times. Book 1. Part 2]. Moscow; 1769. (In Russ.).
- [18] Haushofer K. Kontinentalny blok Tsentralnaya Evropa — Evraziya — Yaponiya [The continental block: Central Europe, Eurasia, Japan]. Haushofer K. *O geopolitike*. Moscow; 2001. (In Russ.).
- [19] Chizhevsky A.L. *Fizicheskie faktori istoricheskogo processa* [Physical Factors of Historical Process]. Kaluga; 1924. (In Russ.).
- [20] Jaspers K. Istoki istorii i ee tsel [The origin and goal of history]. Jaspers K. *Smisl i naznachenie istorii*. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [21] Cohen S.B. *Geography and Strategy: Their Interrelationship*. A Lecture Delivered at the Naval War College on 17 September 1957. Newport; 1957.
- [22] Cohen S.B. *Geography and Politics in a World Divided*. New York; 1963.
- [23] Evelyn J. *Navigation and Commerce, their Original and Progress. Containing a Succinct Account of Traffick in General*. London; 1674.
- [24] Goblet Y.M. *Political Geography and the World Map*. New York; 1955.
- [25] Gray C.S. In defense of the heartland: Sir Halford Mackinder and his critics years on. *Global Geostrategy: Mackinder and the Defense of the West*. London; 2005.
- [26] Kirk W. *Geographical Pivots of History*. Leicester; 1965.
- [27] Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. London; 1919.
- [28] Macron E. Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead. *Economist*. November 7, 2019.
- [29] Meinig D.W. Heartland and rimland in Eurasian history. *Western Political Quarterly*. 1956; 9 (3).
- [30] Ritter C. *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde*. Berlin; 1852.
- [31] Schmitt C. Das Meer gegen das Land. *Wochenzeitung "Das Reich"* vom 9 März 1941.
- [32] Sörgel H. Europa-Afrika: ein Weltteil. *Sozialistische Monatshefte*. 1931; 37 (10).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-154-168

Энциклопедии как инструмент модернизации: сталинистские версии аграрного знания*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: harmina@yandex.ru)

В статье обозначены направления аграрной модернизации, представленные в четырех изданиях советских сельскохозяйственных энциклопедий с середины 1920-х по середину 1950-х годов. На основе ряда исторических примеров и теоретических концепций автор отмечает научное, мировоззренческое и политическое значение энциклопедий в формировании знания и идеологии общества; показывает, как в советских сельскохозяйственных энциклопедиях в период сталинского СССР произошло несколько последовательных «больших скачков» в репрезентации аграрного знания в условиях ускоренной советской модернизации; подчеркивает манипулятивный способ управления аграрным знанием и человеческим капиталом в сельском хозяйстве — от имени вождя и правящей партии. В статье описан переход от первой советской энциклопедии 1920-х годов, посвященной модернизации крестьянской России, к энциклопедии начала 1930-х годов, отрицающей значение крестьянства и превозносящей проекты крупного индустриально-аграрного производства; многие авторы первой крестьянской энциклопедии были подвергнуты репрессиям. В энциклопедии конца 1930-х годов фактически отражена расправа с авторами предшествующей энциклопедии «великого перелома» и чистка кадров во имя идеологии плано-управленческого подхода в дальнейшей модернизации сельского хозяйства. Энциклопедия конца 1940-х — начала 1950-х годов отражает победу технократически-бюрократического мировоззренческого и кадрового подхода к аграрной сфере, превалировавшего в сельском хозяйстве СССР до конца советской эпохи. Особое внимание автор уделяет влиянию субъективного фактора (политических вождей, главных редакторов и анонимных авторов) на идеологию, тематический репертуар и стиль представления энциклопедического материала. В заключение отмечено, что идеологический контроль и переменчивость политической конъюнктуры деформировали знание в советских аграрных энциклопедиях, что негативно сказалось на качестве человеческого капитала в сельской сфере и во многом предопределило застой сельского развития в позднем СССР.

Ключевые слова: энциклопедия; социология знания; сталинизм; крестьянство; коллективизация; бюрократия; технократия; человеческий капитал

Советская власть в своих идеологических проектах культурной революции придавала важное значение энциклопедическому знанию. Советские энциклопедии задумывались как принципиально новые проекты переосмысления и развития науки и культуры, прежде всего с марксистских, классовых позиций [23]. Конечно, ни один из этих проектов не был доведен до абсолютной однородности — в любых энциклопедических томах, даже изданных в

* © Никулин А.М., 2021

Статья поступила 26.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

самые жесткие сталинские времена, можно обнаружить собственную логику энциклопедического повествования, отражающую особенности времени, пусть и в плоских формах подцензурного изложения. Это становится очевидно при сопоставлении статей разных томов советских энциклопедических изданий.

Следует учитывать и значение субъективного фактора: автор даже небольшой энциклопедической статьи, несмотря на все формальные ограничения его текста, оставляет черты своей индивидуальности в энциклопедии. Авторы программных статей и редакция энциклопедии еще увереннее впечатывают в формализованную коллективизированную композицию свою индивидуальность. Иногда субъективная уникальность энциклопедии ярко проявляется в фигуре ее возможного «хозяина» — идеолога. Так, энциклопедия французских просветителей, как ее составителей и хозяев, со временем стала энциклопедией идеологии Просвещения. Дж. Скотт, анализируя толкование ряда понятий в энциклопедических изданиях времен Просвещения, показывает, как в них последовательно закреплялась идеология государственного и рыночного утилитаризма, способствовавшая становлению и экспансии технократического взгляда на природу и общество [16]. Й. Радкау, апеллируя к энциклопедическим изданиям разных времен и народов, демонстрирует, насколько их официальный идеологический авторитет определял модус взаимодействия государства и общества с сельским хозяйством и природой [14]. П. Линднер, опираясь на концепции биополитики, отмечает взаимное влияние нормативного академического знания и идеологии уже в наш век экспансии цифровизации и биотехнологий [25].

В советский период особая идеологическая роль была присуща энциклопедиям времен сталинизма, одной из существенных социальных характеристик которого считается ускоренная модернизация — индустриализация отсталой крестьянской страны ценой громадных жертв [6]. Сельскохозяйственные сталинские энциклопедии предоставляют хорошую возможность обзора базовых определений трансформации крестьянской России в индустриальный СССР. Подтверждает значение сельскохозяйственных энциклопедий в политике сталинистского просвещения и модернизации их рекордная частота издания в сравнении как с Большой советской энциклопедией (БСЭ), так и с другими отраслевыми энциклопедиями. Например, с 1925 по 1953 годы вышло пять изданий сельских энциклопедий [5; 7; 11; 12; 13] и только два издания БСЭ, одно издание технической энциклопедии, два издания медицинской энциклопедии и т.д.

Изучение хроники сталинских сельских энциклопедий дает нечто большее, чем просто обозрение планов индустриализации деревни, — возможность изучения направлений манипулирования аграрным знанием и оценки его долговременного влияния на сельское хозяйство и общество в целом [21]. Кроме того, исследование сталинских энциклопедий способствует понимаю

планов главного демиурга советской аграрной системы и в этом смысле главного идеологического цензора аграрных энциклопедий [17].

Сталинское время советской России можно разделить на несколько этапов: 1) ранний или неповский сталинизм (1924–1928); 2) сталинизм первой пятилетки (1929–1933); 3) сталинизм предвоенных пятилеток (1934–1941); 4) поздний, военный и послевоенный сталинизм (1941–1953). Каждому периоду соответствует своя аграрная энциклопедия, которая позволяет реконструировать мировоззренческие модели трансформации советской аграрной системы, отвечая на вопросы: кто были авторы энциклопедий и кто были их читатели — как правило, непосредственные акторы сельскохозяйственных изменений. В «смене вех» авторов-акторов энциклопедий кроется центральный нерв сталинской аграрной образовательной и научной политики. Однако неизбежно возникает проблема ограниченности нашего анализа (более 20 объемных томов четырех энциклопедических изданий, вышедших в свет почти треть века — с 1925-го по 1956 годы, а статьи в энциклопедии писали сотни авторов для огромной читательской аудитории), поэтому анализ сталинских энциклопедий сосредоточен на нескольких, ключевых видах текстов — это редакторские предисловия, послесловия, добавления, попадающие в начале и в конце некоторых томов; списки понятий и имен в индексах разных изданий; некоторые тексты ключевых (как правило наибольших по объему) статей и их понятий; ряд биографических и поколенческих особенностей создателей советских аграрных энциклопедий.

Энциклопедия крестьянской модернизации (1925–1928)

Во второй половине 1920-х годов в нэповской России почти одновременно и независимо друг от друга выходят две сельскохозяйственные энциклопедии [5; 7]. Строго говоря, их нельзя назвать сталинскими: Сталин был генеральным секретарем ВКП(б), но был занят внутривнутрипартийной борьбой, а не общественным, поэтому в трех томах малой сельскохозяйственной энциклопедии имя Сталина не упомянуто [5], в семи томах крестьянской сельскохозяйственной энциклопедии упомянуто два раза, а, например, крестьянский вождь Степан Разин и лидер ленинградской оппозиции Зиновьев (главный большевистский идеолог крестьянского вопроса во времена НЭПа) упомянуты по три раза [7]. Обе энциклопедии не сталинские и потому, что не подчинены спускаемой сверху государственнической идее, контролируемой линией партии, а написаны и организованы двумя командами интеллектуалов-аграрников, придерживавшимися принципов научного плюрализма. Но главное энциклопедии адресованы широким слоям сельских работников, пока еще мало зависимым от государственно-партийного диктата.

Между собой энциклопедии различаются: крестьянская сельскохозяйственная (КСЭ) организована по тематическому принципу: I том — животноводство; II–III — экономика и благоустройство деревни; IV–VI — земледелие; VII — дополнительный том. Малая сельскохозяйственная энциклопедия

(МСЭ) организована по алфавиту. КСЭ имеет популяризаторский характер, ее основные читатели — культурные, любознательные крестьяне и сельскохозяйственные специалисты, работающие в деревне, что эмоционально и ясно отражено в предисловии главным редактором: «Нам надо точно установить, какого читателя имеет в виду настоящая книга. Ясно, прежде всего, что не безграмотного и полуграмотного, а хорошо грамотного читателя-крестьянина. Но... ясно, что и те работники, которые призваны помогать крестьянину воссоздать его хозяйство, также должны быть читателями “Крестьянской энциклопедии”... Да и может ли быть в Советском Союзе иная сельскохозяйственная энциклопедия, кроме крестьянской? И весь вопрос сводится к тому, чтобы все затронутые в книге вопросы были рассмотрены с точки зрения возможности их разрешения в трудовых крестьянских хозяйствах... Мы будем ждать отзывов от крестьян — читателей книги» [5. Т. I. С. VIII]. А безымянное предисловие к МСЭ написано в более строгой академической манере, но в ней «редакционная коллегия поставила своей задачей, при возможном научном изложении, сделать статьи легко понятными любому грамотному сельскому хозяину» [7. Т. I. С. 2].

Мы сосредоточим внимание на КСЭ не потому, что она больше по объему, а потому что социально-экономические темы ее статей развернуты и обширны в сравнении с краткой и, прежде всего, агротехнически направленной МСЭ.

Даже первый беглый обзор КСЭ показывает, что это действительно крестьянская энциклопедия. Интерес крестьянина — мелкого земледельца, ведущего хозяйство, прежде всего, силами своей семьи, — однозначно поставлен здесь во главу угла. Во всех базовых разделах, посвященных отраслям сельского хозяйства — животноводству, земледелию, обустройству деревни — представлены обширные многостраничные статьи, рассматривающие сельские вопросы с крестьянской точки зрения. Тематические разделы энциклопедии упорядочены по принципу воспроизведения организационного плана ведения крестьянского хозяйства: I том — животноводство и ветеринария — начинается с общей части, в котором прописаны базовые вопросы животноводства; далее статьи скомпонованы по степени важности животноводческих отраслей в крестьянском хозяйстве — коневодство со специальной статьей «Какая лошадь нужна крестьянину», крупный рогатый скот со специальной статьей «Какая корова нужна крестьянину», и далее изложение строится в основном по убыванию веса животных и их доходности (овцеводство, свиноводство, козоводство и далее до кролиководства, птицеводства, рыбоводства и пчеловодства, причем каждый раздел содержит сведения, предназначенные для крестьянских хозяйств.

Тема томов II и III — экономика и благоустройство деревни. Статьи второго тома посвящены в основном истории и современности макрофакторов, влияющих на деревню: сельское хозяйство и положение крестьянства до революции, крестьянское хозяйство за границей и крестьянский интернационал, государственные органы сельского хозяйства в советской России, воздействие

электричества, кооперации, рынка и промыслов на крестьянское хозяйство, причем в иерархической советско-неповской последовательности — электричество в крестьянском хозяйстве, кооперация в деревне, рынок и торговля, промыслы сельского населения. Третий том посвящен в основном внутренним проблемам деревни: землеустройство и землепользование, агрономическая помощь населению, общественно-агрономические мероприятия, организация крестьянского хозяйства и учет в нем, крестьянское строительство, сельское благоустройство и др.

Тома IV, V, VI посвящены земледелию, прежде всего с точки зрения интересов крестьянства — своего рода сельскохозяйственное естествознание: как ставить опыты на крестьянских землях, опытное дело в СССР, зерновые хлеба, сортоводство и семеноводство, севообороты, огородничество и садоводство.

Заключительный том VII (дополнительный) — самый обширный и эклектичный, с ощущением смутной, неясной тревоги, что заметно по предисловию к последнему тому, выдержанному на фоне предыдущих книг в идейно патетически извиняющихся тонах: «Вторая часть VII тома посвящена вопросам политики и законодательства советской власти в отношении деревни. Но редакция предпосылает этой части тома следующее замечание. Все статьи писались до издания манифеста в октябре 1927 года и до XV партсъезда, происходившего в декабре 1927. В изданном манифесте и в резолюции XV партийного съезда дана развернутая линия партии и советской власти по вопросам деревни. Поэтому редакция во второй части VII тома поместила текст октябрьского манифеста и резолюцию XV партийного съезда по работе в деревне. Наконец, редакция признала необходимым поместить в дополнительном томе краткую историю борьбы рабочих и крестьян за свое освобождение от помещиков и капиталистов» [5. Т. VII. С. X]. Редакция словно ощущает, что с конца 1927 года в большевистской политике «подул новый ветер», но откуда и куда он дует, редакция, состоящая в основном из беспартийных профессоров, определить не могла. Она лишь старается обезопасить свое детище — энциклопедию — публикацией новейших партийных документов, специальных историко-идеологических статей о классовой борьбе рабочих и крестьян. Забыв в предыдущих томах поместить материалы об индустриализации и коллективных хозяйствах 1920-х годов, редакция публикует развернутые статьи об организации коммун и об устройстве тракторов.

В остальном же следует признать VII том информационно полезным для крестьянства. Например, раздел «Политика и законодательство» содержит такие важные статьи, как налоговая политика советской власти, наследственное право, страхование крестьянского хозяйства от стихийных бедствий, обеспечение инвалидов и членов семей умерших, медицинская помощь на селе, комитеты крестьянской общественной взаимопомощи, борьба с беспризорностью и т.д.

В целом издание КСЭ было многообещающей попыткой взаимодействия аграрников-профессионалов, партийной власти и крестьянства на

пути крестьянско-кооперативного развития советской России, хотя главным редактором этой еще непсковской энциклопедии стал партработник П.Я. Гуров, член РСДРП с 1903 года, редактор и куратор ряда ключевых сельскохозяйственных журналов и издательств 1920-х годов, — он возглавил коллектив преимущественно ученых дореволюционной университетской и земской аграрной школы [4; 24]. В большинстве статей КСЭ прослеживается стремление к диалогу, дискуссионному поиску многообразных путей развития деревни [22]. Отчасти курьезный, но характерный пример такого диалога — разъяснительный листок-вкладыш в первом томе КСЭ «Почему советская власть выпустила водку»: «О колоссальной вреде самогона говорить много не приходится. В этой отвратительной, скверно пахнущей жидкости в изобилии содержатся такие сильные ядовитые вещества, как сивушные и другие масла, от которых преждевременно сошла в могилу не одна тысяча человеческих жизней. Особенно больно бич самогона бьет по спине крестьянство, которое... в силу привычки, унаследованной от мрачного царского времени, не в состоянии пока отказаться от употребления алкогольных напитков и, несмотря на все запреты, несмотря на все меры борьбы с самогонщиками, самогон продолжает процветать в нашей деревне, угрожая самыми бедственными последствиями социальному и экономическому благосостоянию нашей страны. Рабоче-крестьянское правительство, исчерпав все другие меры борьбы с этим злом, пришло к заключению, что необходимо, как говорится, из двух зол выбрать меньшее и выпустить в продажу 40 градусов хлебное вино (водку), как напиток несравненно менее вредный, чем самогон. Выпуском хлебного вина Советская власть, помимо основной цели — борьбы за оздоровление быта, преследует еще и экономическую выгоду, главным образом для крестьянства: хлеб, как известно, является основным продуктом нашего экспорта за границу; взамен вывозимого хлеба государство ввозит машины для оборудования промышленности и другие предметы, в которых сильно нуждается деревня... Само собой разумеется, что наряду с выпуском водки правительством предпринимается целый ряд культурно-просветительных мер для борьбы с наследием царизма — пьянством — за здоровую трезвую жизнь» [5. Т. 1. С. 5].

Советское государство, придерживавшееся в первой половине 1920-х годов сухого закона, отменяет его, но признает, что отмена — наименьшее зло, что предстоит дальнейшая борьба с пьянством методом просвещения. Всего лишь через пару лет после выхода последнего тома КСЭ все советские тексты сменяют диалог на директивы: советское государство, цитируя Сталина, не будет признавать ошибок, списывая все неудачи на внешних и внутренних врагов. К этому времени многие авторы КСЭ попадут в тюрьмы как связанные с мифической антисоветской «Трудовой крестьянской партией», а многие из их основных читателей — образованных крестьян — будут объявлены кулаками и отправлены как спецпереселенцы рубить лес и копать каналы в лагерях СССР. Наступило время первой пятилетки — форсированной

индустриализации и коллективизации сельского хозяйства для переделки крестьянской страны в новые социальные формы. Это время знаменуется публикацией сельскохозяйственной энциклопедии нового типа — детища новой идеологии сельской модернизации посредством создания работников социалистического земледелия.

Энциклопедия агитационно-активистской модернизации (1931–1935)

В первую пятилетку был начат и в основном завершен выпуск новой четырехтомной сельскохозяйственной энциклопедии (СХЭ1) [11]. В ней почти полностью обновился состав авторов: на смену профессорам-аграрникам до-революционной школы пришли молодые аграрники-партийцы, выпускники вычищенной от чаяновской школы Тимирязевки, а также идеологи-выпускники Коммунистической академии, в возрасте около 30 лет, с выраженной агитаторской стилистикой наступления социализма по всему фронту [18; 20]. Авторский коллектив энциклопедии возглавил В.П. Милютин — старый большевик, первый нарком земледелия в ленинском правительстве 1917 года, один из главных марксистских партийных аграрных идеологов 1920–1930-х годов [10]. И, конечно, энциклопедия была ориентирована на новый тип читателя — не на крестьянина, органично встраивающего свой традиционный хозяйственный уклад в мир социально-экономического прогресса (как в КСЭ), но на партийного активиста, беспощадно преобразующего традиционный сельский мир по абстрактным рецептам крупного индустриального производства во имя строительства социалистического общества ускоренными темпами.

Эта модель реконструкции сельской России запечатлена в редакторском предисловии к первому тому СХЭ1: «Осуществление пятилетнего плана народного хозяйства, приведя к решающим успехам в деле индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, дало возможность завершить построение фундамента социализма... Наша энциклопедия рассчитана на весь актив советов, колхозов, совхозов, МТС, хозяйственных объединений, кооперации, профсоюзов и на огромные кадры вузовцев» [11. Т. I. С. 1–2]. Почти каждая обществоведческая статья СХЭ1 написана в духе обзорной агитки в целях неуклонного ускорения темпов социально-экономического развития, хотя многие понятия, которым посвящены статьи, оказались лишь эфемерными обозначениями форсированных индустриальных проектов.

Например, обратим внимание на куст понятий, вырастающих из корня «авто». Между автобусом и автозаводами обнаруживается странное слово «автодор»: «общество содействия развитию авто-мото-дорожного транспорта, тракторного и дорожного дела быстро заняло одно из первых мест в ряду добровольных массовых организаций СССР. Из маленькой инициативной группы во главе с В.В. Осинским, поставившим летом 1927 в “Правде” вопрос о грядущей автомобилизации СССР, ... автодор в короткий срок вырос

в разветвленную общественную организацию, имеющую к началу 1931 свыше 1 млн членов и 5698 ячеек... Дорога и трактор — вот два объекта, которые обеспечат автодору возможность широкого проникновения в новую коллективизирующуюся деревню... Дело моторизации и механизации Красной армии находит большую поддержку» [11. Т. 1. С. 34]. Заключением этой объемной статьи стал идеологический абзац-рапорт: «Повседневно, участвуя в выполнении плана великих работ, включившись всеми своими звеньями в грандиозную социалистическую стройку, ...автодор имеет все основания для дальнейшего роста и успехов на фронте борьбы за техническую и культурную революцию, за автомобилизацию и тракторизацию Советской страны» [11. Т. 1. С. 35]. Остается лишь вспомнить, что именно в это время — в начале 1930-х годов — команда Остапа Бендера, «ударяя по бездорожью и разгильдяйству», ловко использовала клише автодоровской эйфории.

Примерно по общеагитационному принципу «авто»-текстов сгруппированы и серии статей, имеющие какое-то отношение к индустриализации сельского хозяйства, — это объемные тексты с цитатами Сталина, в которых бурлит дух соревнования с Америкой — «догоним и перегоним!». При этом в СХЭ1 вообще нет статей о сельском хозяйстве, крестьянстве и рынке: видимо, составители считали эти понятия неактуальными в пригрезившейся им индустриально-аграрной советской экономике. Внимательное чтение энциклопедических томов позволяет зафиксировать навязчивое стремление авторов почти во всех текстах прописать идеологические постулаты сталинского ВКП(б). Во-первых, в них прослеживается стремление максимально сблизить «природное» и «социальное», сопровождаемое обещаниями создать новый, более совершенный природно-социальный продукт. Во-вторых, ведущие обществоведческие статьи отражают жесткую историческую логику: в начале истории была отсталость и неравномерность аграрного развития в мире и России, после октябрьской революции — борьба с классовыми врагами, сейчас — новый период гигантского строительства социализма в сельском хозяйстве, но надо быть бдительными, потому что классовая борьба не исчезла, а обретает новые формы (вредительство). В-третьих, подчеркивается, что преобразовываемое село должно находиться под неослабным контролем пролетариата в виде партийных и государственных органов — любые иные формы организации и самоорганизации деревни объявлены враждебными социализму, губительным самотеком, подверженным тлетворному влиянию заграничной агентуры. В-четвертых, от тома к тому, в зависимости от переменчивой идеологической конъюнктуры, понятия и соответствующие статьи могли изыматься или идеологически меняться.

Рассмотрим воплощение этих принципов на примере ряда статей энциклопедии начала 1930-х годов. Так, некоторые биологические термины терпели в сталинской энциклопедии смысловые и лингвистические мутации. Вопреки неокантианскому разделению научных понятий о «природе и культуре», биологические термины упрямо перемешаны с социальными

понятиями. Например, за статьей о вредителях сельского хозяйства (из мира природы) следует статья о вредительстве экономическом (из мира общества). По тональности статья биологическая неоднозначна, потому что ее автор заявляет об относительности биологических процессов вредительства: в одном случае птицы, клюющие вредных насекомых, будут союзниками человека, а в другом — вредителями, поедая полезных насекомых; «одно и то же насекомое во взрослом состоянии может уничтожать урожаи, личинкой же, живя в почве, создавать условия, благоприятные для произрастания растений» [11. Т. I. С. 767].

Из статьи о вредителях экономических мы узнаем, что общество должно быть устроено определеннее, чем природа, потому что сколько социального врага ни корми, он все навредить хочет. Вредительство экономическое определено как «особая форма классовой борьбы против диктатуры пролетариата и строящегося социализма со стороны класса капиталистов... проводится в жизнь в порядке планомерной работы подпольных вредительских организаций филиалами контрреволюционных политических партий... Проводившаяся в СССР вредительская работа являлась составным звеном в осуществлении плана международного капитализма — при поддержке социалфашистских партий свергнуть при помощи интервенции Советскую власть, создавая для этого благоприятную социальную базу» [11. Т. I. С. 772–773]. В статье приведена краткая история вредительства с четким указанием на его классовые корни, перечислены изоциренные формы и методы вредителей, раскрытых и обезвреженных органами ОГПУ при поддержке трудящихся масс. Если в первом томе описывались «вредители» из чаяновско-кондратьевского круга авторов предыдущей крестьянской энциклопедии, то среди авторов четвертого тома этой новой энциклопедии также обнаружались вредители — они были «вычищены» из редакционного состава и репрессированы по «делу группы вредителей Вольфа–Конара–Коварского», будучи сотрудниками наркомата земледелия СССР и сельскохозяйственных издательств, обвиненных ОГПУ в организации провалов аграрных планов первой пятилетки [15. С. 684].

Другой пример сращивания биологического и социального в сталинских энциклопедиях — статья о гигантизме — «ненормальном мощном развитии организма или отдельных органов его» [11. Т. I. С. 32], где дана отсылка на статью о совхозном строительстве и некоем гиганте. В статье о совхозном строительстве в четвертом томе термина «гигант» уже нет: в первом томе речь явно шла об известном в то время на всю страну ростовском совхозе «Гигант» — флагмане начала первой пятилетки. К моменту выхода четвертого тома, к началу второй пятилетки, «Гигант» уже год как был расформирован, не выдержав своего громадного административного укрупнения, а потому подлежал идеологизированному энциклопедическому забвению.

И, конечно, новая энциклопедия была наполнена образами и цитатами Сталина, содержит в себе три статьи про Сталина.

Энциклопедия партийно-управленческой модернизации (1937–1940)

Вторая сельскохозяйственная энциклопедия (СХЭ2) [12] по своему замыслу является развитием предыдущей версии, хотя в нее внесены значительные дополнения и исправления: одни статьи исчезли, например, об автодоре (организация была расформирована), другие были кардинально переписаны, например, тексты о международном сельском хозяйстве. Так, если в первом издании о сельском хозяйстве США авторы отзывались с уважением и восхищением, как об образце наивысшего развития аграрных производительных сил, который СССР предстоит превзойти — догнать и перегнать в упорной, но миролюбивой борьбе, то во втором издании Америка описана неприязненно (как и остальные капиталистические страны) — доказывается неэффективность американского аграрного капитализма, эксплуатирующего фермеров и особенно сельскохозяйственных рабочих — негров.

В целом меняется идеологический тон статей. В издании первой пятилетки было много искреннего агитационного задора, а во втором издании появилась явная менторская интонация, рассуждения об очевидных преимуществах и превосходстве советского сельского хозяйства — по сути, идеологические наставления по упрочению планомерных управленческих действий в колхозно-совхозной системе. В этой энциклопедии, в отличие от предыдущего издания, особое внимание уделено районированию сельского хозяйства, тому, что сейчас называют сельской регионалистикой. Но главный акцент сделан на доказательстве, что по большому счету все регионы должны быть унифицированы, подчинены единому плану, каждый сельский регион обязан обеспечить продовольственную самодостаточность своих сельских и городских территорий.

Еще чаще и больше во втором издании цитируется Сталин, хотя ему лично посвящена лишь одна статья — не академический текст, а былинная песнь-славословие: «Все знают непреодолимую сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума, стальную волю, преданность партии, горячую веру в народ и любовь к народу. Всем известна его скромность, простота, чуткость к людям и беспощадность к врагам народа. Всем известна его нетерпимость к шумихе, к фразерам и болтунам, нытикам и паникерам. Сталин мудр, нетороплив в решении сложных политических вопросов, там, где требуется всесторонний учет всех плюсов и минусов. И вместе с тем Сталин — величайший мастер смелых революционных решений и крутых поворотов... Имя Сталина в народном творчестве сливается с именем Ленина. “Мы идем со Сталиным, как с Лениным, говорим со Сталиным, как с Лениным, знает он все наши думки-думушки, всю он жизнь свою о нас заботится” — говорится в одном из замечательных народных сказов... Да живет и здравствует на многие годы наш родной и великий Сталин!» [12. Т. IV. С. 456].

В то же время авторы статей и весь редакционный совет здесь анонимны, в отличие от предыдущего издания. Редакция этого издания крайне

немногословна, обходясь без редакторских вступлений и комментариев. Такое впечатление, что авторский коллектив СХЭ2 в своей подчеркнутой безымянности и немногословности хотел затаиться перед надвигающимся ураганом 1937–1938 годов. Главный его удар был нанесен по авторскому коллективу в 1938 году (год выхода второго тома энциклопедии), хотя многих авторов посадили и расстреляли уже в 1937. Одним из первых был репрессирован главный редактор — В.П. Милютин, руководивший изданием и предыдущей аграрной энциклопедии и успевший как редактор выпустить лишь первый том нового издания. На смену расстрелянному старому большевику Милютину руководить изданием остальных четырех томов энциклопедии пришел профессор с дореволюционным академическим стажем, академик-почвовед В.Р. Вильямс [2; 3]. Признавая профессионализм естествоиспытателя Вильямса, ряд ученых отзывался о нем как об опытным карьеристе, умудрявшемся и при царском, и при советском режиме получать правительственные ордена и регалии за безусловную поддержку политического порядка. Вильямс умер в большом почете, когда последний том энциклопедии под его редакцией был сдан в печать.

Энциклопедия бюрократическо-технократической модернизации (1948–1956)

Послевоенная сельскохозяйственная энциклопедия отличается от довоенных изданий, прежде всего, форматом и качеством издания [13]: она объемнее по количеству статей и материалов, в ней больше рисунков, цветных вклеек, фотографий и вкладок. Содержательно СХЭ3 наследовала сталинскую идеологию описания социалистического сельского хозяйства, заложенную в предыдущих изданиях 1930-х годов. Хотя в энциклопедии исчезли статьи о социально-экономических вредителях, тенденция переплетать биологическое и социальное в целях идеологической борьбы в ней сохранилась и получила развитие в статье об агробиологии, основанной на теоретических воззрениях Т.Д. Лысенко (в СХЭ3 ему еще при жизни была посвящена статья с портретом, он стал автором статьи о генетике). Сталинская традиция здесь прослеживается и в дальнейшей технократизации описания сельского хозяйства: в энциклопедии много обширных материалов не просто про трактора и комбайны, но про отдельные узлы и агрегаты разных сельскохозяйственных машин.

Пожалуй, новым качеством энциклопедии стала тотальная бюрократизация ее текстов. Во-первых, отдельные статьи посвящены подробному истолкованию решений партийных съездов и пленумов, и в каждом томе даны перекрестные ссылки на то, какой пленум и что именно ввел/отменил в правилах управления сельским хозяйством. Во-вторых, практически все тексты написаны официозным бюрократическим языком, избыточным даже для такого свода нормативного научного знания: даже статьи, описывающие действительно масштабные и грандиозные проекты прорытия каналов, возве-

дения гидроэлектростанций, высаживания лесопосадок, созданы по тем же казенным трафаретам монотонного канцелярского текста.

В очередном томе, дойдя до буквы С, авторский коллектив в статье о Сталине будет писать о нем уже в прошедшем времени — Сталин умер во время подготовки четвертого тома СХЭЗ. Эта энциклопедическая статья вышла в 1954 году, задолго до XX съезда, осудившего культ личности Сталина, но текст о нем написан несколько небрежно — нет библиографии, нет имени автора (хотя другим статьям СХЭЗ вернули авторские имена), по сравнению с предыдущими громадными текстами о Сталине эта статья — формально-казенная почтительная скороговорка-перечисление основных вех его жизни. Тема «Сталин и сельское хозяйство» освещена кратко и абстрактно (о коллективизации лишь несколько строк партийных клише), даже чуть больше по объему в сельскохозяйственной статье написано по теме «Сталин и международное положение». Статья почему-то заканчивается подробностями времени смерти и места погребения вождя [13. Т. IV. С. 702]. После статьи о Сталине исчезла статья о сталинской конституции, появилась краткая технократическая статья о стали и сохранилась разросшаяся в объемах статья о стандартизации.

Редактором энциклопедии был И.А. Бенедиктов — представитель молодого поколения сталинской номенклатуры, назначенный в 1937 году, в возрасте 35 лет, наркомом зерновых и животноводческих совхозов РСФСР, затем один из ключевых руководителей сельского хозяйства СССР на протяжении почти 25 лет [1]. В отличие от предыдущих редакторов — выходцев из академической науки и русской революции, Бенедиктов был представителем касты партаппаратчиков — проницательным, исполнительным и требовательным советским бюрократом.

Бюрократический технократизм стал главным и последним идеологическим направлением в эволюции сталинских и последующих советских аграрных энциклопедий. Хроника шокового и многократного насильственного перемещения земледельческих социальных слоев из крестьян в наемные работники сельского хозяйства, лихорадочный поиск моделей обоснования тотального огосударствления села и замена аграрных кадров широко и подробно отражены на страницах сталинских сельскохозяйственных энциклопедий с помощью подмен, искажений и забвения многих центральных понятий и имен сельского развития [19]. Ускоренное разрушение и даже запрет энциклопедического аграрного знания 1920-х годов (попытки демократического взаимодействия крестьян, ученых и власти [8]) привели к авторитарным опытам конструирования нескольких вариантов сталинского энциклопедического новояза 1930–1950-х годов, последовательно забюрократизировавшего получение, апробацию и применение аграрного знания, обрекая сельское хозяйство СССР в долговременной перспективе на экономическую неэффективность и застой [9; 26]. Изучение сталинских энциклопедий позволяет лучше понять парадоксы формирования и деформации человеческого капитала в сельском хозяйстве

России XX века, где ускоренная и широкомасштабная подготовка новых аграрных кадров часто сопровождалась пренебрежением и даже уничтожением прежних. Все это приводило к формированию безынициативно исполнительных работников и исследователей сельского хозяйства, конформистски стремившихся предугадать намерения партийного руководства.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Библиографический список

- [1] *Бенедиктов И.А.* Социалистическое сельское хозяйство и задачи дальнейшего развития. М., 1951.
- [2] *Вильямс В.Р.* Основы земледелия. М., 1939.
- [3] *Вильямс В.Р.* Сельскохозяйственная энциклопедия: Словник (предварительный). М., 1939.
- [4] *Гуров П.Я., Гончаров А.Д.* Ленинская аграрная политика. М., 1973.
- [5] Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия Т. 1–7 / Под общ. ред. М.Ф. Арнольда, А.А. Бауэра и др.; гл. ред. П.Я. Гуров. М.–Л., 1925–1928.
- [6] *Левин М.* Советский век. М., 2008.
- [7] Малая сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 1–3. Л., 1927–1928.
- [8] *Никулин А.М.* Школа Чаянова: утопия и сельское развитие. М., 2020.
- [9] *Мерль Ш.* Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / Под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М., 2015.
- [10] *Милютин В.П.* Аграрная политика СССР. М.–Л., 1929.
- [11] Сельскохозяйственная энциклопедия / Гл. ред. В.П. Милютин. Т. 1–4. М., 1932–1936.
- [12] Сельскохозяйственная энциклопедия / Гл. ред. В.П. Милютин (Т. 1), В.Р. Вильямс (тт. 2–4). Т. 1–4. М.–Л., 1937–1940.
- [13] Сельскохозяйственная энциклопедия / Под ред. И.А. Бенедиктова. Т. 1–5. М., 1949–1956.
- [14] *Радкау Й.* Природа и власть: всемирная история окружающей среды. М., 2014.
- [15] *Серрж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001.
- [16] *Скотт Дж. С.* Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
- [17] *Сталин И.В.* Вопросы Ленинизма. М., 1945.
- [18] *Соболев А.В.* Александр Васильевич Чаянов: смена вех // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2015. № 6.
- [19] *Троцук И.В.* Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2.
- [20] *Чаянов А.В.* Кадры нового земледелия // ВАРНИТСО. 1930. № 1.
- [21] *Шанин Т.* Четыре модели развития советского сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
- [22] *Bruish K.* Als Das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln, 2014.
- [23] *Weiner D.R.* Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. University of Pittsburg Press, 2000.
- [24] *Heinzen J.W.* ‘Peasants from the plow’ to ‘professors from the plow’: The culture of the Soviet people’s commissariat of agriculture, 1921–1929 // Journal of Peasant Studies. 1998. Vol. 25. No. 2.
- [25] *Lindner P.* Molecular politics, wearables, and the aretaic shift in biopolitical governance // Theory, Culture & Society. 2020. Vol. 37. No. 3.

- [26] *Merl S.* Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986) // *Russian Peasant Studies*. 2020. Vol. 5. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-154-168

Encyclopedias as tools of modernization: Stalinist versions of agrarian knowledge*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article considers directions of the agrarian modernization as presented in the four editions of the Soviet agricultural encyclopedia from the mid-1920s to the mid-1950s. On the basis of some historical examples and theoretical concepts, the author explains the scientific, ideological and political significance of encyclopedias in the formation of social knowledge and ideology; shows how during the Stalinist period, the Soviet agricultural encyclopedias passed through several successive ‘great leaps’ in the representation of agrarian knowledge under the accelerated Soviet modernization; stresses the manipulative way of managing agrarian knowledge and human capital in agriculture — on behalf of the leader and ruling party. The article describes the transition from the first Soviet encyclopedia of the 1920s, which focused on the modernization of peasant Russia, to the encyclopedia of the early 1930s, which denied the importance of the peasantry and praised the projects of large-scale industrial-agricultural production; many authors of the first peasant encyclopedia were repressed. The encyclopedia of the late 1930s reflects the fight against the authors of the previous encyclopedia of the ‘great leap’ and the purges in the name of the ideology of the planning-management approach in the further modernization of Soviet agriculture. The encyclopedia of the late 1940s — early 1950s reflects the victory of the technocratic-bureaucratic worldview and personnel approach to the agrarian sphere, which prevailed in the agriculture of the USSR until the very end of the Soviet era. The author focuses on the influence of the subjective factor (political leaders, editors-in-chief and anonymous authors) on the ideology, topics and style of encyclopedic articles. In conclusion, the author notes that the strong ideological control and volatile political situation distorted knowledge in the Soviet agrarian encyclopedias, which negatively affected the quality of rural human capital and largely predetermined the stagnation of rural development in the late USSR.

Key words: encyclopedia; sociology of knowledge; Stalinism; peasantry; collectivization; bureaucracy; technocracy; human capital

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

References

- [1] Benediktov I. A. *Socialisticheskoe selskoe hozyajstvo i zadachi dalnejshego razvitiya* [Socialist Agriculture and Tasks of Further Development]. Moscow; 1951. (In Russ.).
- [2] Viliyams V.R. *Osnovy zemledeliya* [Fundamentals of Agriculture]. Moscow; 1939. (In Russ.).
- [3] Viliyams V.R. *Selskohozyajstvennaya entsiklopediya: Slovník (predvaritelny)* [Agricultural Encyclopedia: Glossary (Preliminary)]. Moscow; 1939. (In Russ.).

* © A.M. Nikulin, 2021

The article was submitted on 26.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

- [4] Gurov P.Ya., Goncharov A.D. *Leninskaya agrarnaya politika* [Lenin's Agrarian Policy]. Moscow; 1973. (In Russ.).
- [5] *Krestyanskaya selskohozyajstvennaya entsiklopediya* [Peasant Agricultural Encyclopedia. Vol. 1–7]. Moscow; 1925–1928. (In Russ.).
- [6] Lewin M. *Sovetsky vek* [The Soviet Century]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [7] *Malaya selskohozyajstvennaya entsiklopediya* [Small Agricultural Encyclopedia. Vol. 1–3]. Leningrad; 1927–1928. (In Russ.).
- [8] Nikulin A.M. *Shkola Chayanova: utopiya i selskoe razvitie* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [9] Merl S. *Kak udalos Stalimu vospriyat' "zelenoj revolyutsii" v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tekhnicheskogo progressa (1927–1941)* [How did Stalin manage to prevent the 'green revolution' in Russia? On the inhibition of the agrarian-technical progress (1927–1941)]. *Krestyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost.* Moscow; 2015. (In Russ.).
- [10] Milyutin V.P. *Agrarnaya politika SSSR* [Agrarian Policy of the USSR]. Moscow; 1929. (In Russ.).
- [11] *Selskohozyajstvennaya entsiklopediya* [Agricultural Encyclopedia. 1st edition. Vol. 1–4]. Moscow; 1932–1936. (In Russ.).
- [12] *Selskohozyajstvennaya entsiklopediya* [Agricultural Encyclopedia. 2nd edition. Vol. 1–4]. Moscow; 1937–1940. (In Russ.).
- [13] *Selskohozyajstvennaya entsiklopediya* [Agricultural Encyclopedia. 3rd edition. Vol. 1–5]. Moscow; 1949–1956. (In Russ.).
- [14] Radkau J. *Priroda i vlast: vseмирnaya istoriya okružhayushchej sredy* [Nature and Power: A Global History of the Environment]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [15] Serge V. *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary]. Moscow; 2001. (In Russ.).
- [16] Scott J.S. *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [17] Stalin I.V. *Voprosy Leninizma* [Issues of Leninism]. Moscow; 1945. (In Russ.).
- [18] Sobolev A.V. *Aleksandr Vasilievich Chayanov: smena vekh* [Alexander Vasilievich Chayanov: A change of milestones]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki.* 2015; 6. (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. *Biologicheskoe, socialnoe i moralnoe v obyasnении logiki istorii, ili stoit li iskat krestyanina v sovremennom mire* [Biological, social and moral in the logic of history, or whether or not there is peasantry in the contemporary world]. *Russian Peasant Studies.* 2018; 3 (2). (In Russ.).
- [20] Chayanov A.V. *Kadry novogo zemledeliya* [Workers for new agriculture]. *VARNITSO.* 1930; 1. (In Russ.).
- [21] Shanin T. *Chetyre modeli razvitiya sovetskogo selskogo hozyajstva* [Four models of the development of Soviet agriculture]. *Veliky neznakomets: krestyane i fermery v sovremennom mire.* Moscow; 1992. (In Russ.).
- [22] Bruish K. *Als Das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion.* Koln, 2014.
- [23] Weiner D.R. *Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia.* University of Pittsburg Press, 2000.
- [24] Heinzen J.W. 'Peasants from the plow' to 'professors from the plow': The culture of the Soviet people's commissariat of agriculture, 1921–1929. *Journal of Peasant Studies.* 1998; 25 (2).
- [25] Lindner P. Molecular politics, wearables, and the aretaic shift in biopolitical governance. *Theory, Culture & Society.* 2020; 37 (3).
- [26] Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies.* 2020; 5 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180

Three questions to start the sociological study of heroism*

I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Abstract. Despite the understandable and predictable lack of sociological interest in the issues related to heroism, the search for clear and unambiguous conceptual and empirical definitions of the hero in the contemporary society seems to be a relevant sociological task, especially under the current pandemic which made the criteria of heroism interesting for the wider public. The authors briefly outline the main aspects of the traditional scientific interpretations of heroism as presented in the social-cultural narratives worldwide, and proceed to the issues that constitute the field of the sociological studies on heroism. The first research question is not so much a single definition of the hero as types of heroes based on social representations of when and how heroes ‘reveal’ themselves in decisions and actions. The authors rely on the traditional typologies of heroes usually based on the psychological aspects of heroic thinking and behavior to suggest a sociologically relevant typology based on both literature and the Russian public opinion polls. This typology implies answers to the questions of why the society needs heroes and what makes someone a hero in the eyes of the society, and allows to better understand and to more precisely define the false/pseudo/anti-heroism. The second research question is about the sources of images and understanding of heroism, which focuses on the mass media and especially cinema’s potential to represent certain social practices as heroic and to construct heroic images. The third research question is about the possibilities of the empirical sociological study of the types of heroes and their representation in the media (cinema). The authors argue that sociology should use its own methods (in a combination with techniques for studying the audience’s perception of movies) — content analysis and surveys, especially the unfinished sentences technique, and provide some examples of how this can be done, for instance, to compare the social representations of a ‘real hero’ and a ‘movie hero’ among different age groups and generations. The authors conclude with mentioning a new issue associated with heroism, which became evident under the pandemic — changes in the social representations of heroism determined by heroization of healthcare workers due to their selfless fight against the coronavirus epidemic.

Key words: hero; types of heroism; definition of the hero; false hero; mass media; cinema; sociological methods; empirical study; survey

Heroism does not seem an important sociological issue, perhaps, due to its multiple and unclear definitions not implying a certain set of empirical indicators. For instance, in the historical perspective, the concept ‘hero’ developed under the influence of myths, fairy tales and epics; therefore, in different parts of the world, there are analogies in sets of heroes, plot structure, psychological explanation of characters and actions of heroes. Campbell believes that heroic myths are based on two plots — creation of the world and formation of personality, i.e., there are either

* © I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina, 2021

The article was submitted on 01.11.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

cosmogonic myths or descriptions of initiation rituals of the hero: the latter explains the birth of the hero and his wanderings, primarily, his feats, accomplishments and death, which ultimately contribute to the creation of order out of chaos [8]. According to Campbell, all myths and legends present a similar life trajectory of the hero: after some ‘call’, he leaves his community, renounces his social role and norms accepted in his social circle; while on a journey, he faces various trials (almost always he has a patron, usually someone wise and elderly); after passing all the tests, the hero acquires some unique knowledge or item; as a result, the hero returns to his community and shares with people knowledge (item) which contributes to changing their lives for the better. Sometimes the spiritual component of heroism can be exaggerated, and the hero can be presented as a bearer of the spiritual energy of feat, self-sacrifice and new knowledge, as a personification of people’s connection, either conscious or unconscious, with some higher powers, which allows the hero to beneficially influence the development of society and to initiate changes in human thinking and consciousness [29].

Thus, the question is how sociologists can consider heroism if this social phenomenon is ambiguous due to too many definitions, features and connotations in both everyday life and interdisciplinary scientific discourse. The article presents an attempt to identify some basic directions of the sociological study of heroism, which seem to be relevant for the contemporary society given the evident trends of speaking about heroes.

First, instead of a hopeless search for a single definition of the hero, it seems more relevant to create a typology of heroes (heroic behavior and actions) based on social representations of when and how heroes ‘reveal’ themselves in social decisions and actions. There are many such typologies [see, e.g.: 17; 19] usually focusing on the psychological aspects of heroic thinking and behavior, so we developed a more sociologically relevant typology based on both literature and the data of the Russian public opinion polls [20]. For instance, the Russian youth (aged 14–22) identify the ‘hero-leader’ — a role model that inspires to leave the so-called ‘comfort zone’ in order to achieve goals in the future, someone unique and faithful to his mission, a tireless pioneer who found his calling, who is not afraid to take risks and lead his followers, who is active, compassionate, kind, and works for the good of others. When assessing the contribution of public figures to the historic past, Russians stress the significance of those who were the head of the state (in any official status) in different historic periods and despite their previous and current social estimates and images. Certainly, contemporary younger generations strongly differ from previous generations in their perception of ‘traditional’ Soviet heroes who are less significant for them, while more ‘ancient’ characters, on the contrary, seem to be of greater importance for the youth. Nevertheless, this is not some Russian specifics for social ideas about the ‘level’ of heroism of both real figures and fairy characters depend on the period of the youth’s socialization and education.

The suggested typology of heroism consists of military/war hero, rescue hero (in emergency situations), good-doer, inspirer, conqueror of one’s fear/feeling,

adventure-seeker, and demonstrative hero [38]. This typology implies answers to two key questions in the empirical study of heroism — why the society needs heroes and what makes someone a hero in the eyes of the society. And such answers would be more detailed and convincing than if, for instance, we preferred to identify only two types of heroism — ‘with a capital letter’ (heroism of the highest degree, when the hero faces a serious risk — of death, injury, imprisonment, etc., but still strives to help someone) and ‘with a small letter’ (everyday help to people, good deeds without harm and negative consequences for the hero) [14].

Moreover, the suggested typology allows to better understand and to more precisely define the phenomenon of false/pseudo-heroism, which seems to be crucially important since in everyday life heroism and its antonym are often substituted, and popular culture (fiction and cinema) often uses storylines based on a complex and dangerous search for ways to expose a false hero hiding behind one of many masks of real heroism — a warrior (steals someone’s feat and glory), savior (happens to be in the right place at the right time just by accident), inspirer (deceives his followers) or good-doer (hides criminal business behind a facade of good intentions). Thus, false heroism is the unjustified attribution of heroism, i.e., a false hero pretends to be a hero and is undeservedly considered a hero [25].

Within the suggested typology, we actually do not need to oppose the terms ‘hero’ and ‘false hero’, because the content and purpose of the actions of the adventure-seeker and the demonstrative hero seem to correspond to the essence of ‘false heroism’ not as a negatively connotated characteristic, but as a completely neutral term for defining inappropriate for the real hero strategies of behavior or actions. For instance, adventure-seekers choose adventures (and even desperate actions) as a way of life full of thrill and vivid emotions; while demonstrative heroes perform dangerous stunts for video filming (which is not their profession), participate in self-harm performances or imitate their idols to achieve fame and attract attention (often such ‘tricks’ end tragically). The difference between adventure-seekers and demonstrative heroes is that the former risk for an adrenaline rush and do not always make their hobbies public, while the latter risk their lives and health precisely to attract attention and in the future to monetize this dubious fame, i.e., today, demonstrative behavior can serve as a traditional ‘social lift’ in the financial perspective.

Certainly, sometimes it is difficult to distinguish between a demonstrative action and a real good intention, especially in the information society of mass culture, in which everybody constantly films everything that attracts one’s attention on mobile phones. Nevertheless, the adventure-seeker less fits the criteria of a false hero since he usually does not try to be perceived as a hero worthy of respect, admiration and copying. The rapid growth in the number of demonstrative heroes is the result of the widespread Internet, social networks and video hosting which became an essential attribute of our everyday life [see, e.g.: 2]. In particular, the YouTube has provided a huge number of people (everyone can use this opportunity) with a chance to become famous very quickly and with minimal financial costs, for

instance, with the video-formats like Primitive Technology and Followers Decide [41]: in the former, people prove their survival skills in the wild; in the latter, bloggers conduct a small survey of their channel's followers to identify the most unusual but feasible ideas, and then follow the instructions of their subscribers on camera to implement the assigned task. The popularity of both formats indicates that we like to watch how people demonstrate untypical and unnecessary strength and courage in everyday life after artificially placing themselves in an extreme situation, which is not a manifestation of real heroism but could have been such a manifestation under the real danger.

Undoubtedly, the types of false heroes are not limited to adventure-seekers or demonstrative heroes — good-doers and inspirers can turn into their opposites provided imitation, insincerity and show behavior. Thus, true good-doers are engaged in charity, philanthropy, different forms of social aid; while false good-doers just seem to be doing the same without a sincere desire to help those in need — their activities are ostentatious (they wear 'masks' of certain social roles [see, e.g.: 30]) and aim at self-promotion in social networks, at forming a deceiving positive image so that to increase their popularity [17]. Such behavior is typical — already in modern times, 'masks' became an element of socialization which structures social relationships and determines the course of social communication without the mediation of social institutions. And the only difference today is that the strength and intensity of the impact of 'masks' has increased due to digitalization of social life and to the 'iconic turn' — a social-cultural turn from the priority of the verbal to the dominance of the visual [see, e.g.: 32; 33].

Heroes-inspirers can turn out to be false provided a combination of imitation and manipulation. For instance, there are 'false prophets' in all historic periods, who proclaim deceiving values and call for risky actions, thus, exposing their followers to physical and psychological risks. Today, the power of such 'false prophets' to reach huge audiences has increased tremendously due to the Internet. Manifestations of false heroism among military and rescue heroes are also possible, but this is not so much a presentation of a falsified heroic image in the media as falsification of the very status of the hero (forgery of documents, distortion of facts, etc.) or a result of the radical change in public opinion (when yesterday's heroes turn into cruel aggressors). Undoubtedly, media mechanisms for constructing images of heroes and false heroes are the same since mass culture is based on a certain set of discourses and visual formats due to the transition/turn from the visible (focus on the object) to the visual (subjective perception of the visible), and then to the spectacular ('socialization' of visual practices as collective representations) [see., e.g.: 22].

Thereby, the second issue in the sociological study of heroism are sources of our images and understanding of the heroic in general and of its specific manifestations (types of heroism) in particular. Certainly, the most obvious object of sociological interest in this regard is the mass media and especially cinema — 'the art of phantoms' [9] — which makes us a part of those new realities and

experience (social worlds) that we might never face in real life. The possibilities offered by cinema are useful for sociology since it develops sociological imagination by an empathic presentation of historic and intercultural visual narratives which help us to understand the broader social context that structures our actions and choices. Cinema possesses such possibilities due to showing certain patterns and ideals and to generating new meanings and images. The task of movie analysis is quite hermeneutic for it involves interpretation of both subjective and objective messages [28].

The mass media pursue a policy of representation as consisting of social practices of constructing images from objective, subjective and interactive elements [see, e.g.: 36]. On the one hand, these images are used in the documentary to inform the public about the news and facts; on the other hand, the documentary is opposed to movies and commercial advertising which use other images for constructing an alternative semantic reality. The possibilities of the second type of the representation policy are used by social actors striving for fame with scandals and provocations, flash mobs and PR-actions, and expanding their influence with the electronic media and social networks, which ultimately blurs the boundaries between private and public life within ‘the society of the spectacle’ [11]. Therefore, constructed reality can no longer be distinguished from objective reality, representations become identities, and visual images as a tool of mass communication turn into their forms as shows and ‘spectacles’. New visual forms construct and legitimize new images with different means of symbolization and interpretation. For instance, to create the image of a national hero, the distinctive features of an individual are combined in a symbolic code universal for the social-cultural situation, so that viewers ‘recognize’ (decode) the ‘character’ as a unique personality; the final image is mobile and can turn almost any person into a hero (or deprive this status), and the media often construct the image of a ‘hero of the time’, while symbolically destroying the former ‘heroes’, since without some starting point (or standard for comparison) it is impossible to construct an image of the hero.

This image, like any other, is a complex and unstable structure, even though it tries to gain stability by simulating its unity with collective ideas and its correspondence to certain (‘iconic’) standards [3; 5]. The representation of the image as iconic binds together reality, image and ideology: the latter acts both as a product of influence on mass consciousness and as a general semantic context (a ‘filter’) that precedes perception and imposes restrictions on it, i.e., ideology makes people ‘see’ things what do not really exist or to ‘see’ things with distorted features. Thereby, it does not matter what the mass viewer really sees for the degree of influence of the demonstrated image on the mass consciousness and the stability of this iconic image in the collective perceptions of reality (public opinion) are more important. There are several steps in constructing ‘icons’ in the mass media [16]: 1) limiting the perception of reality with technological frameworks (camera lens or focus) — the part of reality that remains outside the framework loses its meaning for the viewer, i.e., subjective

perception is positioned as an objective assessment of reality; 2) fragmentation of a holistic image into interrelated elements that are edited and combined into a ‘collage’ to form a multi-faceted image of reality (effect of ‘multiple realities’ in music videos and commercials); 3) relief detailing of one object identified and shown in close-up after fragmentation; 4) metonymic transfer of the features of the selected fragment to the entire image, or projective replacement of the whole by its part as representing the entire image and accumulating its essential features; 5) adjusting the scale and focus on the detail not as a part of the whole, but as an autonomous independent unit (a ‘trademark’ of the hero).

Such a development of the image from ‘archetype’ through ‘stereotype’ to ‘logo’ is a feature of the symbolic exchange in the contemporary world of fetishized media images. Today, visualization technologies have become a standard tool for promoting sales and PR-strategies to create new ‘stars’ in music, cinema, politics and sports. In order to be used in the mass media as an ‘icon’, the image needs to have the following characteristics [6]: totality — ‘omnipresence’ in the public space; relevance — focus on the here and now; discreteness — the particular character based on the metonymic means of expression; dynamism — instant changes in the perception of the viewer depending on the situation (interaction and competition of images); intertextuality — endless references to well-known images and traditional ‘icons’; suggestiveness — ability to form the necessary attitudes of the public; concentration — focus on one goal and reliance on several facts to look believable; targeting — focus on the target group which is stimulated to take action, while other groups acquire a positive image (‘in a standby mode’ — a postponed strategy of providing an alternative option).

The media combine these characteristics of the image to influence public opinion through value personification — a kind of ‘animation’ of values in the image of a significant person (hero). Lazarsfeld introduced the concept ‘opinion leaders’ [12] to emphasize the change in the model of mass communication — from ‘media-recipient’ to ‘media-opinion leaders-recipient’: opinion leaders increase the amount of information, because their assessments play the role of a catalyst of public opinion. Thereby, the image of reality becomes animated and close to the consumer of information with the help of those who take on the function of clarification — the opinion leaders’ authority makes the audience trust them or at least listen to them. Today, this classical model for the mass society works perfectly with only one refinement — to acquire the status of the opinion leader, it is no longer necessary to be a real ‘hero’, because ‘false heroes’ also implement the function of value personification: it is not necessary (although desirable) to present a positive role model or demonstrate true heroism — ‘false heroism’ can be no less successful in shaping behavior patterns.

For more than a century of its history, cinema has been a subject of debates about its potential to influence the mass consciousness: on the one hand, real life and people’s views are the basis of movies; on the other hand, cinema as a part of mass culture shapes the perception of life. So, the philosophical question is whether

cinema is identical to reality or, on the contrary, does not possess the necessary language and means of expression to correspond to reality due to being rather art than a mechanical reproduction of reality. Initially, film-makers believed that cinema was to mechanically reproduce reality and promoted its scientific status as a way of representing changes in any phenomenon for its further analysis; however, later cinema was ‘captured’ by show business. In the early 20th century, some scholars believed that cinema represented reality accurately, without subjective distortions typical for painting [4]; while others, on the contrary, called human consciousness ‘cinematic’, because it breaks reality into parts perceived, thus, breaking the indivisible duration of life. Both approaches have their point and theoretical background; however, what is more important, is that the content, visual and discursive means of filming, and patterns of their perception and interpretation are determined by the culture to which the viewer belongs.

Despite his inclination to compare what he sees on the screen with personal experience, culture inevitably stands between him and movie reality as a sign system of a higher level that suppresses private perceptions and puts the viewer in the space of his culture [27]. Thus, when analyzing movies, we face a certain paradox: according to its visual series, cinema is the most real of all arts, but at the same time it is also the most illusory, which is explained by a combination of the traditional media and fiction mechanisms of image formation with the cinema’s focus on the emotional perception of images by the audience. Certainly, all the above applies to the presentation of heroes in movies for heroism is one of the most important ideas reflected in cinema throughout its history, and sociologists should try to assess the influence of cinema on social ideas about heroism [see, e.g.: 38].

Third, we need to identify the possibilities of the empirical sociological study of the types of heroes and their representation in the media (cinema). For instance, there are at least several techniques for studying the audience’s perception of movies, which can be focused on the construction and presentation of heroism: ‘thinking out loud’ in combination with conversational analysis; dichotomous questions while watching a movie with a gadget; making a video from the key moments of the movie; reconstruction of viewers’ associations with the movie [see, e.g.: 1; 24; 26]. Certainly, this is not the final list; moreover, these techniques are rarely used by sociologists who prefer more ‘sociological’ methods such as traditional surveys, content analysis and, less often, the unfinished sentences technique. Thus, content analysis [see, e.g.: 13; 34; 37] of visual images is a tool for studying viewers’ perception, especially in combination with some techniques mentioned above: for instance, viewers, after watching a movie, make a short video from its most memorable moments, and content analysis allows to identify and group frames and situations that evoke the greatest response; after the ‘thinking out’ technique, viewers’ verbal reactions can be grouped by content-analysis in order to identify the most typical and the rarest comments; content analysis can be used in the study of reviews in the Internet which ordinary viewers write after watching a movie (such comments can be compared with the reviews of professional critics), etc.

According to the unfinished sentences technique, respondents finish sentences independently choosing the criteria and semantic basis for answers [see, e.g.: 7; 21; 23; 35]. Verbal reactions to the first, unfinished, part of the sentence allow the researcher to identify the main characteristics of the image under study — social norms, values and stereotypes. For instance, we used content analysis in combination with the unfinished sentences technique to consider the image of the hero presented in movies in two perspectives — cinematic standards and viewers' perception. With the content analysis means, key 'heroes' of movies were identified together with their characteristics and life situations; the images of 'heroes' in the Russian cinema were reconstructed, and the most popular 'heroes' for national and international audiences were compared (the sample consisted of the Russian movies that were the most successful in the country and abroad). The unfinished sentences technique allowed to identify the preferred characteristics of the movie heroes for different generations (children and parents): the survey questionnaire was designed to find out respondents' ideas about heroism in general but included a set of questions on images of heroes in cinema — to compare social representations of a 'real hero' and a 'movie hero'. The combination of two methods — content analysis and unfinished sentences technique — helps to reveal, at least to some extent, how cinema affects social representations and how society perceives this influence.

For instance, the research confirmed the hypothesis that the most common type of hero in the contemporary Russian cinema is the warrior-hero, but only in relation to the movies successful at the box office both in Russia and abroad and not to the movies that received national and international awards. The hypothesis that the good-doer hero would be represented mainly by female characters was also confirmed. In general, the Western public is more interested in the good-doer hero if the movies that received awards and critics' approval are concerned; while the mass audience in Russia and the West prefers warrior-heroes. In the movies that interested the Western audience the most, women mainly play the role of good-doers and, in general, traditional 'female roles'; while in the movies that interested the Russian audience the most, women mainly played the role of adventure-seekers and warrior heroes, and antagonists of main characters.

The hypothesis that the main type of the hero for the younger generations would be inspirers and for the parental generation rather rescue heroes was partially confirmed, because both generations prefer the rescue hero in real life, while in the movie, the younger generations prefer inspirers and adventure-seekers. Another hypothesis was also confirmed — that the youngest generation (high-school students) is mainly inspired by the movies about superheroes, the younger generation (university students) — by more 'real' heroes, and the older generation — by the heroes of Soviet movies. There is a discrepancy among respondents from the children generation: in real life, they define 'hero' as mainly the rescuer, while in the movie — as the inspirer. In other words, children support an inspiring interpretation of heroism — as a struggle with one's fears and internal problems rather than with enemies or circumstances.

This short review of the possibilities of the sociological study of heroism could have finished here, but there is a brand-new issue associated with heroism, which became evident under the pandemic and is certainly worth mentioning. Sociologists are interested not only in the mass attitudes to the covid-19 pandemic, people's fears and trust/distrust in the actions of the authorities, etc., but also in some general changes in social representations including interpretations of heroism. For instance, we all witness the current heroization of healthcare workers due to their selfless fight against the coronavirus epidemic. Some years ago, Russians named as heroic professions primarily rescuers and the military, today doctors and teachers are increasingly mentioned as heroes in the answers to the open-ended questions.

Thus, WCIOM (Russian Public Opinion Research Center), in its analytical review 'Heroes of the Year 2020', provided data on whom Russians considered heroes of 2020 and what qualities the hero should have [18]. According to the Russian public opinion, the person/hero of 2020 should be honest, decent and fair (13%), most likely a doctor or teacher (9%), active, communicative and purposeful (8%), brave, fearless and with strong character (8%). In general, these qualities are similar to those in previous years, and the main difference is that the emphasis was made on the professions of doctors and teachers. Most often, when choosing from the list of professions, Russians called doctors the heroes of the year (55%), then emergency rescuers (31%), virologists and developers of the coronavirus vaccine (22%). At the same time speculators who increased the cost of drugs and artificially created their shortage (44%), and also alarmists (30%) were named anti-heroes together with politicians who criticized measures against the pandemic (21%), covid-dissidents (19%) and regional leaders who did not cope with the pandemic challenges in their regions (11%).

Such a change in the public's list of heroic professions was quite expected under the covid-19 pandemic; however, there are unexpected interpretations of this change. For instance, some scholars argue that the concept 'heroism' is not always appropriate when healthcare workers during the pandemic are concerned: heroism implies voluntary helping others with some degree of personal risk [see, e.g.: 15; 39; 40]; the hero 'label' that the media 'puts on' healthcare workers as if obliges them to make sacrifices beyond their professional responsibilities [10]. Moreover, heroism in its classic definition possess an aura of myth and magic, which negatively affects the real assessment of the doctors' work as if turning them into mythical characters, i.e., instead of heroization, society should provide doctors with all possible help and support. Certainly, such heroization is determined by the mass media coverage of the pandemic [31], which proves that the sociological study of heroism is a search for answers to the above mentioned three questions — types of heroes; sources of their heroic images and interpretations; methods and techniques to reveal, on the one hand, the media presentation and construction of heroic images and, on the other hand, social representations of the hero determined by many different factors but mainly the media.

Funding

The article was prepared with the support of the "RUDN University Program 5-100".

References

- [1] Arabov Yu.N. *Cinematography and Theory of Perception*. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [2] Barney D.D. *The Network Society*. Cambridge; 2004.
- [3] Baudrillard J. *Simulacra and simulations. Philosophy of the Postmodern Era*. Minsk; 1996. (In Russ.).
- [4] Bazin A. The evolution of the language of cinema. *What is Cinema?* Moscow; 1972 (In Russ.).
- [5] Benjamin W. *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*. Moscow; 1996. (In Russ.).
- [6] Berger J. Public images. Pocheptsov G.G. *Imageology*. Moscow–Kiev; 2001. (In Russ.).
- [7] Burlov A.V., Tatarova G.G. The unfinished sentences technique in the study of the image of a ‘cultivated man’. *Sociology: 4M*. 1997; 9. (In Russ.).
- [8] Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*. Moscow; 1997. (In Russ.).
- [9] *Cinematic Ghosts Haunting and Spectrality from Silent Cinema to the Digital Era*. Leeder M. (Ed.). New York; 2015.
- [10] Cox C. ‘Healthcare heroes’: Problems with media focus on heroism from healthcare workers during the covid-19 pandemic. *Journal of Medical Ethics*. 2020; 46.
- [11] Debord G. *The Society of the Spectacle*. Moscow; 1999. (In Russ.).
- [12] Dmitriev A.N. Cooperation of P. Lazarsfeld and T. Adorno in the study of mass communication. *Sociological Journal*. 1997; 3. (In Russ.).
- [13] Dmitriev I. *Content Analysis: Essence, Tasks, Procedures*. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [14] Farley F. Heroism with capital and small letters. URL: <https://www.psychologytoday.com>. (In Russ.).
- [15] Franco Z., Blau K., Zimbardo P. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism. *Review of General Psychology*. 2011; 15 (2).
- [16] Gibson J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Moscow; 1988. (In Russ.).
- [17] *Heroes and Villains of the Millennial Generation*. Allison S.T. (Ed.). Richmond; 2018.
- [18] Heroes of the Year 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-goda-2020>. (In Russ.).
- [19] *Heroism and Wellbeing in the 21st Century. Applied and Emerging Perspectives*. Efthimiou O., Allison S.T., Franco Z.E. (Eds.). New York; 2018.
- [20] Ideas about the hero. 2017. URL: <http://kantar-tns.com>.
- [21] Kabanov M.M., Lichko A.E., Smirnov V.M. *Methods of Psychological Diagnostics and Correction in the Clinic*. Leningrad; 1983. (In Russ.).
- [22] Khrenov N.A. Interaction of Spectacular and Visual Forms in the Contemporary Culture. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [23] Klimova S.G. The use of the unfinished sentences technique in sociological research. *Sociology 4M*. 1995; 5–6. (In Russ.).
- [24] Kostetska I. The Audience’s and Professional-Critical Perception of the Movie: Abstract of the PhD thesis. Saint Petersburg; 1990. (In Russ.).
- [25] Kuznetsov S.A. *Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
- [26] Markina O.S. Social-Psychological Characteristics of Perception and Understanding of the Movie (on the example of R. Bykov’s ‘Scarecrow’): Abstract of the PhD thesis. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [27] Poselyagin N. Lotman’s cinema narratology and cinema phenomenology. URL: http://www.academia.edu/24255057/Cinonarratology_and_cinophenomenology_Lotman. (In Russ.).
- [28] Prendergast C. Cinema sociology: Cultivating the sociological imagination through popular film. *Teaching Sociology*. 1986; 14 (4).
- [29] Shaposhnikova L.V. *Wisdom of Ages*. Moscow; 1996. (In Russ.).

- [30] Shtain O.A. *Mask as a Form of Identity: Introduction to Philosophy of Image*. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
- [31] Sonnevend J. A virus as an icon: The 2020 pandemic in images. *American Journal of Cultural Sociology*. 2020; 8
- [32] Sontag S. *On Photography*. Moscow; 2013.
- [33] Sztompka P. *Visual Sociology. Photography as a Method of Research*. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [34] Tarshis E.Ya. Prospects for the development of the content analysis method. *Sociology: 4M*. 2002; 15. (In Russ.).
- [35] Tatarova G.G. *Methodology of Data Analysis in Sociology (Introduction)*. Moscow; 1998. (In Russ.).
- [36] Trotsuk I. Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the ‘abominable’ practices. *Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
- [37] Trotsuk I.V. *Textual Analysis in Sociology: Problems and Promises of Different Types of ‘Reading’ of Semi-Structured Data*. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [38] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Assessment of cinematographic influence on social representations of heroism: Approbation of an approach. *Communicology*. 2018; 6 (4). (In Russ.).
- [39] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Happiness and heroism, personal and collective as main elements of the ‘bright future’ in the Soviet (non)utopia. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
- [40] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. The phenomenon of heroism: Two ‘chronological’ interpretations. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3). (In Russ.).
- [41] What videos are the most popular on YouTube? URL: <https://rusability.ru/news/kakie-video-nabirayut-bolshe-vsego-prosmotrov-na-youtube>. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180

Три вопроса в основе социологического изучения героизма*

И.В. Троцук, М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Несмотря на понятную и предсказуемую незаинтересованность социологов в проблематике героизма, поиск четких и однозначных концептуальных и эмпирических определений героя в современном обществе — важная социологическая задача, особенно в условиях нынешней пандемии, которая возродила интерес общественного мнения к критериям, которые позволяют называть человека героем в силу выполнения им социально важных задач (пусть и в рамках своих профессиональных обязанностей). Автор кратко характеризует основные элементы традиционной трактовки героизма — той, что прослеживается повсеместно в устойчивых социокультурных нарративах, и переходит к обозначению тех вопросов, что составляют предметное поле социологических исследований героизма. Первый вопрос заключается в поиске не столько единого определения героя, сколько типологии героев, основанной на социальных представлениях о том, когда и

* © Троцук И.В., Субботина М.В., 2021

Статья поступила в редакцию 01.11.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020.

посредством каких действий и решений герои «раскрывают» свою суть. Автор отталкивается от традиционных типологий героев, которые подчеркивают психологические аспекты героического мышления и поведения, чтобы предложить собственную типологию на основе как литературы, так и российских опросов общественного мнения, — чтобы типология помогала искать ответы на вопросы, почему общество нуждается в героях, что именно делает человека героем в глазах общества и что такое лжегероизм. Второй исследовательский вопрос затрагивает источники образов и трактовок героизма и фокусируется на масс-медиа и особенно кино с точки зрения их способности конструировать образы героев и героических социальных практик. Третий исследовательский вопрос касается возможностей эмпирического социологического анализа типов героев и их репрезентации в масс-медиа (кино). Автор полагает, что социология должна опираться на собственную методологию (контент-анализ, опросы, особенно на основе метода неоконченных предложений), сочетая ее с методиками изучения зрительского восприятия, и приводит собственные примеры, позволяющие сопоставить социальные представления о «реальном» герое с кинообразами. В заключение автор отмечает формирование новой тематики в рассматриваемом предметном поле в условиях пандемии — изменения в социальных представлениях о героизме, обусловленные героизацией медицинских работников благодаря их самоотверженной работе.

Ключевые слова: герой; типы героизма; определение героя; лжегерой; масс-медиа; кино; социологические методы; эмпирическое исследование; опрос

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-181-191

Инклюзивные тренды городского развития: темпорально-пространственные социальные практики*

Д.В. Зайцев¹, О.В. Зайцева², В.Н. Ярская-Смирнова¹

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
ул. Политехническая, 122, Саратов, 440054, Россия

²Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, 1, Саратов, 410028, Россия
(e-mail: zaitsev.d@bk.ru; zaitseva.o@bk.ru; jarskaya@mail.ru)

В статье приведены результаты обзора отечественных и зарубежных исследований социально-урбанистического развития, представленных в системе научных мероприятий саратовского региона. В современной урбанистике сформировался ряд трендов: темпоральный, универсального дизайна и социокультурный. Городское развитие в России осуществляется в контексте агломерационных тенденций, все отчетливее проявляющихся в процессах расселения, что предполагает активное развитие пригородных территорий, изменение их ландшафтных характеристик, культурных пространств и мобильности граждан. Комплексное влияние на социально-урбанистические особенности городов в России и мире оказала пандемия covid-19, трансформировав структуру и функционал многих урбанистических локаций, создав условия для появления посткоронавирусного города. Эмпирические данные свидетельствуют, что такой город наиболее сензитивен к отрицательным и положительным аспектам социальной жизни, проявлению сплывающих людей практик. На фоне низкой, фрагментарной доступности объектов социальной, культурной и иной инфраструктуры городов, по сути, ориентированных на людей здоровых, наблюдается синхронизация элементов городской инфраструктуры в контексте социального запроса на «коронавирусную» трансформацию архитектурно-градостроительной среды в аспекте дистанцирования. На основе исследовательских данных из разных регионов России в статье определены приоритетные направления развития инклюзивного вектора социальной урбанистики: конструирование моделей инклюзивной культуры городских сообществ; мониторинг создания доступной среды для граждан разного возраста и степени мобильности (используя, в частности, потенциал исследовательских подходов *tracing* и *walk along*); формирование модели партисипаторного городского планирования, социальной экспертизы инклюзивности архитектурного пространства, а также образовательной модели профессиональной подготовки по социальной урбанистике и универсальному дизайну.

Ключевые слова: урбанизм; город; доступная среда; социальная урбанистика; право на город; универсальный дизайн; инклюзивное пространство; темпорализм

* © Зайцев Д.В., Зайцева О.В., Ярская-Смирнова В.Н., 2021

Статья поступила 14.11.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

Инклюзивная культура постепенно становится одной из целей развития российского общества, органичной основой повышения степени социальной сплоченности, формирования социально-чувствительной городской среды. Трансформация городского пространства посредством обеспечения доступности городских территорий, перестройки урбанистических локаций с учетом нужд представителей разных социальных групп и их мобильности, повышения конкурентности территорий отчасти обусловлена развитием агломерационных тенденций и социальных политик в русле инклюзивных трендов в мире и России.

В саратовском регионе социологический анализ ключевых аспектов социального развития традиционно осуществляется двумя основными школами — Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (СГУ) и Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (СГТУ). В СГТУ исследования в русле социальной урбанистики и социологии города проводятся более десяти лет сотрудниками Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, института урбанистики, архитектуры и строительства, а также кафедры философии, социологии, психологии [6; 7; 12; 15]. Было реализовано более 15 инициативных проектов, поддержанных различными фондами-грантодателями, например, «Социальный урбанизм как доступность городской среды в параметрах темпорального неравенства и концептах социальной политики (на примере российских провинциальных городов)» (Российский научный фонд, 2018–2020), «Инклюзивная культура социального времени: современный урбанистический контекст (регион Нижнего Поволжья)» (Российский фонд фундаментальных исследований, 2018–2020).

Институциональные практики апробации результатов исследований представлены ежеквартальными методологическими семинарами, ежегодными круглыми столами по социально-урбанистической проблематике, ежегодными конференциями по разным аспектам российской и зарубежной социальной политики и методологии социальных исследований. В 1990-е годы в докторском диссертационном совете при СГТУ, возглавляемом В.Н. Ярской-Смирновой и успешно проработавшем 23 года (до 2015 года), были защищены первые диссертации по социологии, в которых рассматривалась проблема инклюзивных преобразований городского пространства, подчеркивалась необходимость социальной экспертизы степени инклюзивности урбанистических пространств, развития саратовской агломерации с точки зрения сплоченности, равенства и справедливости, разрабатывались теоретические положения исследований в контексте формирующихся инклюзивных трендов (темпоральный, тренд универсального дизайна, социокультурный), которые стали основой современной урбанистики (например: Смирнова Е. «Социокультурный анализ нетипичности» (1997); Яковлев Л. «Пространство социализации» (1998); Наберушкина Э. «Стратификационный анализ инвалидности» (1998); Чернецкая А. «Социальное пространство повседневности» (1999)).

Первый — темпоральный — тренд предполагает «разделение» времени посредством создания стационарных и мобильных урбанистических локаций, удобных для конкретных видов деятельности и времяпровождения. Управление временем позволяет объединять людей, конструировать моменты социальной сплоченности, инклюзии, в том числе за счет применения в урбанистическом ландшафте релевантных времени/эпохе образцов инклюзивного архитектурного дизайна, культурно-исторической реконструкции. Тренд универсального дизайна способствует созданию города, удобного для всех, независимо от особенностей здоровья, возраста, функциональных параметров повседневной жизненной ситуации. Социокультурный тренд отличается направленностью на создание локаций для интеграции горожан, их коммуникации, взаимодействия, проведения интерактивного досуга, обмена традициями, опытом, развития практик добрососедства, взаимопомощи и поддержки.

Логичным продолжением научных традиций саратовского региона в области социологии города стала международная конференция «Социальный урбанизм: время и пространство городской жизни», прошедшая 25–26 сентября 2020 года с использованием сервисов Zoom и BigBlueButton. Конференция была приурочена к 90-летию СГТУ и юбилею заслуженного деятеля науки, основателя одной из первых социологических школ в саратовском регионе В.Н. Ярской-Смирновой — директора Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований (НОРЦМИ СГТУ), организатора конференции. Приоритетными стали 11 направлений работы конференции: методология исследований социального урбанизма; инклюзивная культура в урбанистическом контексте; доступная среда: социальная реальность и темпоральная динамика; изменение городской жизни в период пандемии; цифровая реконструкция мобильности и право на город; социальные группы в городе: анализ инклюзивных практик; проекты благоустройства, конструирования городских ландшафтов; городские стили культуры и архитектуры с позиций инклюзии; социальное неравенство в городе; культурная память города; placemaking: от глобального движения к локальному опыту. Формат конференции предполагал как онлайн-встречи, так и обсуждение докладов на форуме.

В конференции приняли участие более ста представителей разных стран мира — Англии, США, Франции, Белоруссии, Туркменистана, Казахстана и России. Были представлены более 30 образовательных и научных организаций, в частности: Университет Северной Каролины, Университет Брауна, Университет Ла-Сьота, Университет Линкольна, Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет, Белорусский институт правоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт — филиал ФНИСЦ РАН, Самарский национальный исследовательский государственный университет, Волгоградский государственный университет, НИУ «Высшая школа экономики», Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Новосибирский национальный

исследовательский государственный университет, Южный федеральный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет, Томский государственный университет, филиал Международного института экономики и права в Санкт-Петербурге, Московский государственный институт международных отношений, Московский государственный университет, Уральский государственный педагогический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Участников конференции приветствовали Никита Покровский, президент Сообщества профессиональных социологов, заведующий кафедрой общей социологии НИУ ВШЭ (Москва), Борис Докторов (США), Майкл Расселл, профессор Университета Линкольна (Великобритания), Линда Кук, профессор Университета Брауна (США), Дональд Рейли, профессор Университета Северной Каролины (США), отметившие актуальность проблематики конференции и важность международного обсуждения социально-урбанистических проблем с темпорально-пространственных позиций.

В рамках пленарного заседания Майкл Расселл в ходе доклада «The lived experiences of mobility for wheelchair users in Russian cities» раскрыл социальные аспекты повседневности инвалидов-колясочников в крупном городе, что было созвучно содержанию прозвучавшего позже выступления Елены Ярской-Смирновой (д.с.н., Москва) «Темпоральность и мобильность в нарративах о доступности городского пространства». Линда Кук в докладе «Mitigating the social and economic effects of covid-19: The Russian government's anti-crisis program» отметила маркеры тотальной трансформации городского пространства в условиях пандемии, ее социальные эффекты и появление посткоронавирусного города.

Валентина Ярская-Смирнова (д.ф.н., Саратов) критически оценила судьбы российской социологии, обозначила векторы ее развития, проанализировала эффекты современных практик гонений на российскую социологию во многих регионах, в частности, саратовском. К примеру, утрата социологической школы для СГТУ и в целом для Саратова — один из факторов, неблагоприятно влияющих на сохранность и развитие научного и человеческого капитала, способствующих миграции из региона и талантливой молодежи, ориентированной на получение социально-гуманитарного образования, и высококвалифицированных научных кадров. Социология охватывает все сферы человеческой жизни, носит прогностический характер, выполняет гуманистическую функцию, задавая моральные ценности, формируя социальные идеалы, научно-технические и социально-экономические программы, стимулируя развитие общества. Очевиден спрос на специалистов, которые могут теоретически объяснить новые данные и спрогнозировать модель социального развития.

Критический посыл прослеживался во многих выступлениях — обозначим акценты тематической палитры конференции по основным направлениям ее работы. Релевантные времени доклады «пандемической» направленности

содержали результаты исследований по широкой проблематике — от особенностей виртуализации городских общественных пространств в условиях пандемии, актуализации социальных проблем при короновирусной угрозе, специфики неравенства в контексте переформатирования городского пространства, трансформации деятельности городских социальных служб в условиях пандемии, изоляции в пандемию как примера тотальной эксклюзии до динамики дорожно-транспортного травматизма в Москве во время режима самоизоляции и трансформации функций городской цифровой среды в период пандемии.

Интересными и эмоционально окрашенными стали выступления молодых ученых из разных городов России, посвященные развитию инклюзивных тенденций в городском пространстве: «Инклюзивный музей в городе: от отдельных практик к методической рефлексии» (м.н.с., аспирант Н. Большаков, Москва), «Локации инклюзивной городской среды для маломобильных групп населения» (м.н.с. Е. Селинаева, Энгельс), «Поля стратегического действия и право на город: к вопросу о методологии исследования городских конфликтов» (с.н.с. А. Желнина, Санкт-Петербург), «Инклюзия посредством фольклора: реконструкция или изобретение традиции?» (к.с.н. Р. Кононенко, Москва), «Культурный ресурс для развития городов: концептуализация опыта сети креативных городов ЮНЕСКО» (к.с.н. О. Осипова, Нижний Новгород) и др.

Изменение отношения горожан к социально-урбанистическим проблемам было проанализировано в таких выступлениях, как «Городское дворовое пространство в зеркале общественного мнения жителей города Саратова» (д.с.н. С. Ивченков, Саратов), «Социальное неравенство в восприятии саратовской молодежи» (к.ф.н., И. Бегина, Саратов), «Различия в восприятии уличной безопасности в России» (асп. А. Веркеев, Санкт-Петербург), «Отношение старшего поколения горожан к пандемии в России» (с.н.с. О. Парфенова, Санкт-Петербург), «Отношение к мигрантам городского населения европейских стран» (с.н.с. В. Прохода, Москва), «Стрит-арт в восприятии городской молодежи: кейс Екатеринбурга» (Д. Руденкин, Екатеринбург). Также в рамках конференции были проанализированы проблемы отчуждения в сетевом обществе и построение соседских социальных сетей как формы территориальной идентичности.

Город и люди старшего возраста — одно из дискуссионных направлений конференции, в рамках которого обсуждались перспективы самозанятости пожилых посредством электронных платформ, факторы и возможности активного долголетия в современном городе, аспекты гармоничного старения пожилых горожан в контексте солидарности с пространством. С данными вопросами связана и проблема мобильности горожан, исследуемая представителями саратовского социологического сообщества: «Мобильность в представлениях горожан» (д.с.н. С. Константинов), «Векторы мобильности людей с ограниченными возможностями в городском пространстве саратовской

агломерации» (д.с.н. Д. Зайцев), «Автомобилизм в городской среде: контекст социального урбанизма» (маг. Е. Родин), «Доступность среды в рефлексии городских движений» (к.с.н. А. Чернецкая) и др.

Активное обсуждение на онлайн-встречах и в рамках форума вызвали выступления, раскрывающие разные аспекты трансформации и функционирования городского пространства: «Особенности социокультурного проектирования комфортной среды провинциального города» (к.ф.н. Н. Лысикова, Саратов), «Трансформация городского пространства: ресурсы социальных инициатив» (к.ф.н. Р.Курасов, Актобе), «Роль горожанина в проектировании архитектурно-градостроительной среды» (к. арх. Н. Сухина, Саратов), «Конструирование социально-культурного ландшафта города» (д.с.н. М. Тулузакова, Балаково), «Социальная экспертиза общественного транспорта в пространстве города» (маг. К. Аманов, Халач), «Социальные условия соседского активизма в новых окраинных жилищных комплексах» (ст. преп. К. Тенишева, с.н.с. Е. Тыканова, Санкт-Петербург), «Темнота как часть городского опыта пространства: на примере Новокузнецка» (маг. А. Пискунова, Томск). В докладах, в частности, отмечалось, что российские города отличаются низкой, фрагментарной доступностью объектов социальной, культурной и иной инфраструктуры, ориентированы на людей здоровых. Реализация с 2011 года федеральной целевой программы «Доступная среда» [2] не дала желаемых результатов, не достигла декларируемых целей, прежде всего из-за недостаточного контроля со стороны государства и гражданского общества. В итоге за десять лет расходования колоссальных бюджетных средств созданы лишь отдельные элементы доступной среды, которые не включены в сеть доступности и не всегда соответствуют действующим строительным нормам и правилам [10; 13].

Анализ выступлений участников конференции позволил сделать вывод, что урбанистические новации в большинстве случаев влияют на повседневность конкретных социальных групп, меняя их мировосприятие, и специфика этих групп должна междисциплинарно исследоваться и учитываться при конструировании новых и реконструкции существующих городских пространств. Пространственный аспект социальной урбанистики обусловлен комплексом процессов укрупнения и усложнения сетей поселений, что актуализирует проблему территориальной организации доступа к социальным ресурсам. Важен фокус на локализации — город и его районы с точки зрения распределения и концентрации социокультурных ресурсов. Соответственно, неравенство может исследоваться в терминах разрыва между наличием/отсутствием элементов городской среды, обеспечивающих удобство передвижения и реализацию потребностей людей с разными ограничениями, а также в терминах концентрации инфраструктуры (административные, образовательные, культурные, досуговые учреждения, сервисы здравоохранения). Аналитическое сравнение приспособленных и социально сензитивных урбанистических зон с их противоположностями позволит включить в трактовку

неравенства темпоральный аспект — время, необходимое на получение доступа к ресурсам, в контексте параметров «социальная исключенность» и «неравная включенность» (в терминологии М. Буравого) [4; 16]. В целом право на город осуществляется через участие и присвоение: согласно А. Лефевру, жителям должно принадлежать приоритетное право участия в принятии стратегических решений о городском развитии на самых разных уровнях, а также право физического присутствия и полноценного использования городского пространства в повседневной жизни [8].

Социальное пространство и время интегрированы с социальной мобильностью, во-первых, в аспекте профессиональной мобильности, связанной с карьерным ростом, профессиональными компетенциями, стремлением и возможностью повышения квалификации, которые зависят от условий города; во-вторых, в аспекте доступности городского пространства, параметров транспортной инфраструктуры ее чувствительности к нуждам населения. В настоящее время наблюдается синхронизация элементов городской инфраструктуры в контексте инклюзии, сформировался социальный запрос на «коронавирусную» трансформацию архитектурно-градостроительной среды в аспекте дистанцирования. Горожане стали ценить наличие у каждого члена семьи своего пространства, комнаты, дома и квартиры с террасами, балконами, отдельными входами (например, при расположении квартир на первых этажах), расширенные придомовые территории, жизнь вне города (усадебная дача). Время пандемии преобразило как урбанистическое пространство, так и сеть социальной коммуникации. Анализируя последствия коронавирусной угрозы в риторике Л. Вирта, мы наблюдаем в ряде случаев ослабление родственных связей — люди боятся инфекции в тесном общении, снижают до минимума число контактов, происходит их обезличивание, нивелирование отношений добрососедства, основ социальной солидарности [1], что приводит к аномии, первичному конструированию отчуждения, а в дальнейшем его институционализации [5].

Подводя итоги конференции, В. Ярская-Смирнова, Д. Зайцев и А. Чернецкая констатировали устойчивость интереса к социально-урбанистической проблематике, перспективность векторов развития социального урбанизма, появление новых методов исследования особенностей городской среды, взаимодействия с нею человека и социальных групп в аспектах доступности, мобильности и инклюзии. Развитие инклюзивной культуры намечает возможности смягчения социального неравенства, создания комфортного, социально-чувствительного урбанистического пространства. В целом отмечается, что власть обратила внимание на микроуровень — повседневность конкретного человека, его потребности, интересы. В результате происходит трансформация окружающей среды, изменяется наполнение социальной политики, фактически становящейся политикой инклюзивного типа [3; 9; 11; 14].

Работа конференции показала актуальность социально-гуманитарных исследований в русле социальной урбанистики, значение их результатов для

развития социологии города и преобразования российского общества. Большинство исследований носит междисциплинарный формат, отличается синтезом качественной и количественной методологии, комплексностью. Виртуальные форматы работы конференции стали эффективными дискуссионными площадками, на которых обсуждалась актуальная тематика, созвучная приоритетам Стратегии инновационного развития Российской Федерации, Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Итоги конференции были подведены на заключительном пленарном заседании, где были сформулированы рекомендации по ряду направлений инклюзивного развития социальной урбанистики, в частности: а) городским службам — развивать инклюзивную культуру городского сообщества, многоуровневую, доступную урбанистическую среду; б) администрациям муниципальных образований — систематически проводить мониторинг создания доступной среды городов для граждан разного возраста и степени мобильности в партнерстве с гражданским обществом, формировать модели партисипаторного городского планирования, социальной экспертизы инклюзивного архитектурного пространства; в) власти и бизнесу — активнее создавать форматы «умного города» для всех категорий населения, «коворкинга» (коллективного действия) и «колинга» (объединения офисного, жилого и досугового пространств); е) университетским и исследовательским центрам — разрабатывать спецкурсы по социальной урбанистике, инклюзивной социальной политике, концептам мобильного гражданства и права на город, использовать потенциал исследовательских подходов *tracing* и *walk along*.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №19-011-00542.

Библиографический список

- [1] *Вирт Л.* Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В.Г. Николаева; отв. ред. Л.В. Гирко. М., 2005.
- [2] Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0>.
- [3] *Зайцев Д.В.* Урбанистика и профессиональные городские сообщества // Материалы VII международного Конгресса социологов «Евразия и глобальные социально-экономические изменения». Казань, 2020.
- [4] *Иванов Д.В.* Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 4.
- [5] *Ильмухин В.Н.* Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3.
- [6] Инклюзивная культура горожан (Нижнее Поволжье) / Под ред. В. Ярской-Смирновой, Д. Зайцева. М., 2019.
- [7] *Корогодова Н.П., Ярская-Смирнова В.Н., Зайцев Д.В.* Темпоральность переживания социального пространства маломобильными когортами // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 4.
- [8] *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М., 2015.

- [9] *Ловцова Н.И., Зайцев Д.В., Иванова Е.И.* Урбанистика и профессиональные городские сообщества // *Материалы VII международного конгресса социологов «Евразия и глобальные социально-экономические изменения»*. Казань, 2020.
- [10] *Рункевич Д., Малай Е.* Общероссийский народный фронт выявил неэффективность программы «Доступная среда». 2015. URL: <https://iz.ru/news/583454>.
- [11] *СклярOVA Т.В., Чернецкая А.А.* Приватность в городском пространстве: придомовая территория в представлениях горожан // *Материалы Международной научно-практической конференции* / Отв. ред. А.В. Тихонов. М., 2017.
- [12] Социальный урбанизм: темпоральный контекст доступности (на примере российских городов) / Под ред. В. Ярской-Смирновой, Н. Божка, Д. Зайцева, Е. Ярской-Смирновой. М., 2020.
- [13] Эффективность государственной программы Российской Федерации «Доступная среда»: отчет о ходе реализации и об оценке. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1353>.
- [14] *Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Право на город в парадигме мобильности // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45.
- [15] *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н.* Агентная позиция людей с инвалидностью в городском пространстве // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 56.
- [16] *Burawoy M.* Scientific information blog. URL: <http://burawoy.berkeley.edu>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-181-191

Inclusive trends of urban development: Temporal-spatial social practices*

D.V. Zaitsev¹, O.V. Zaitseva², V.N. Yarskaya-Smirnova¹

¹Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
Politekhnicheskaya St., 122, Saratov, 410054, Russia

²Saratov State Law Academy
Volskaya St., 1, Saratov, 410028, Russia
(e-mail: zaitsev.d@bk.ru; zaitseva.o@bk.ru; jarskaya@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of a review of the data of Russian and international research of social-urban development as presented at the scientific events in the Saratov region. In contemporary urbanism, there is a number of trends: temporal, of universal design, and social-cultural. The Russian urban development follows agglomeration trends that are increasingly evident in the processes of settlement, which means active development of suburban areas, changes in their landscape characteristics, cultural spaces, and mobility of citizens. The covid-19 pandemic had a complex impact on the social-urban features of cities in Russia and the world by transforming the structure and functionality of many urban locations, creating conditions for the emergence of a post-coronavirus city. The empirical data show that such a city is the most socially sensitive to negative and positive aspects of social life and to manifestations of inclusive practices that unite people. Under the low, fragmented accessibility of social, cultural and other infrastructure of cities that are designed for healthy people, there is a synchronization of urban infrastructure elements in the context of inclusion due to the social demand

* © D.V. Zaitsev, O.V. Zaitseva, V.N. Yarskaya-Smirnova, 2021

The article was submitted on 14.11.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

for a ‘coronavirus transformation’ of the architectural and urban environment in terms of social distancing. Based on the research data from different regions of Russia, the authors identify priority directions of the inclusive development of social urbanism: models of the inclusive culture of urban communities; monitoring of the city accessible environment for citizens of different age and mobility (in particular, with the ‘tracing’ and ‘walk along’ approaches); model of participatory urban planning and social expertise of the inclusiveness of the urban space; educational model of professional training in the field of social urbanism and universal design.

Key words: urbanism; city; accessible environment; social urbanism; right to the city; universal design; inclusive space; temporalism

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00542.

References

- [1] Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected Works on Sociology]. Transl. by V.G. Nikolaev; ed. by L.V. Girko. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [2] Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii “Dostupnaya sreda” [State Program of the Russian Federation “Accessible Environment”]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0>. (In Russ.).
- [3] Zaitsev D.V. Urbanistika i professionalnye gorodskie soobshchestva [Urbanism and professional urban communities]. *Materialy VII mezhdunarodnogo Kongressa sotsiologov “Evraziya i globalnye sotsialno-ekonomicheskie izmeneniya”*. Kazan; 2020. (In Russ.).
- [4] Ivanov D.V. Struktury sotsialnogo neravenstva v usloviyakh glem-kapitalizma [The structure of social inequality under glam-capitalism]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2015; 4. (In Russ.).
- [5] Ilmukhin V.N. Gorodskaya sreda kak faktor determinatsii povedencheskikh praktik: varianty sotsiologicheskoy kontseptualizatsii [Urban environment as a factor of behavioral practices: Options for sociological conceptualization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 3. (In Russ.).
- [6] Yarskaya-Smirnova V.N., Zaitsev D.V. (Eds.). *Inklyuzivnaya kultura gorozhan (Nizhnee Povolzhie)* [Inclusive Culture of Townspeople (Lower Volga Region)]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [7] Korogodova N.P., Yarskaya-Smirnova V.N., Zaitsev D.V. Temporalnost perezhivaniya sotsialnogo prostranstva malomobilnymi kogortami [Temporality of social space experience of the low-mobility cohorts]. *Srednerussky Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2020; 4. (In Russ.).
- [8] Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Transl. by I. Staf. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [9] Lovtsova N.I., Zaitsev D.V., Ivanova E.I. Urbanistika i professionalnye gorodskie soobshchestva [Urbanism and professional urban communities], *Materialy VII mezhdunarodnogo kongressa sotsiologov “Evraziya i globalnye sotsialno-ekonomicheskie izmeneniya”*. Kazan; 2020. (In Russ.).
- [10] Runkevich D., Malay E. Obscherossiyskiy narodny front vyavil neeffektivnost programmy “Dostupnaya sreda” [The all-Russian people’s front has revealed the inefficiency of the “Accessible Environment” program]. 2015. URL: <https://iz.ru/news/583454>. (In Russ.).
- [11] Sklyarova T.V., Chernetskaya A.A. Privatnost v gorodskom prostranstve: pridomovaya territoriya v predstavleniyakh gorozhan [Privacy in the urban space: Local area in the perception of townspeople]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ed. By A.V. Tikhonov. Moscow; 2017. (In Russ.).

- [12] Yarskaya-Smirnova V.N., Bozhok N.S., Zaitsev D.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (Eds.). *Sotsialny urbanizm: temporalny kontekst dostupnosti (na primere Rossiyskikh gorodov)* [Social Urbanism: Temporal Context of Accessibility (on the Example of Russian Cities)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [13] Effektivnost gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii “Dostupnaya sreda”: otchet o khode realizatsii i ob otsenke [Efficiency of the State Program of the Russian Federation “Accessible Environment”: Report on its progress and evaluation]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1353>. (In Russ.).
- [14] Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Pravo na gorod v paradigme mobilnosti [The right to the city in the mobility paradigm]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2018; 45. (In Russ.).
- [15] Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. Agentnaya pozitsiya lyudey s invalidnostiyu v gorodskom prostranstve [Agency position of people with disabilities in the urban space]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020; 56. (In Russ.).
- [16] Burawoy M. Scientific information blog. URL: <http://burawoy.berkeley.edu>.

ЮБИЛЕЙ

К ЮБИЛЕЮ М.К. ГОРШКОВА

29 декабря 2020 года отметил юбилей известный российский ученый и организатор науки, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, академик Российской академии наук Михаил Константинович Горшков.

С именем М.К. Горшкова связан многолетний плодотворный этап развития отечественной социологии. День рождения Михаила Константиновича совпал с пятнадцатилетием его работы в должности директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ранее — ИС РАН), объединившего академические социологические институты страны и превратившегося под руководством М.К. Горшкова в ведущее головное научное учреждение, проводящее фундаментальные и прикладные исследования по приоритетным направлениям социальных наук.

Под руководством М.К. Горшкова на протяжении последних десятилетий было проведено множество исследований по изучению особенностей массового сознания и общественного мнения в современной России. Человек в трансформирующемся обществе, социологический портрет нашей большой страны и диагностика состояния и развития российского общества — таковы основные темы научных разработок М.К. Горшкова и его школы, в состав которой входят талантливые ученые разных поколений.

Невозможно переоценить заслуги академика Горшкова как организатора социологической науки в нашей стране. Благодаря его усилиям российские социологические институты избежали участи предельной фрагментации и раздробленности. Защита интересов профессионального социологического сообщества и забота о формировании публичного статуса социологии как дисциплины и формы экспертного знания всегда были и остаются ключевыми ориентирами в деятельности М.К. Горшкова.

М.К. Горшкову принадлежит более 350 научных трудов (в том числе монографий, учебников, учебных пособий), ряд из которых переведен на

иностранные языки. Внимание научной общественности всегда привлекали его статьи по актуальным проблемам социологической науки и социальной практики, опубликованные в ведущих изданиях России и зарубежных стран, а также многочисленные экспертные интервью в СМИ. Будучи ученым мирового уровня и мировой известности, М.К. Горшков постоянно выступал и продолжает выступать за сохранение, развитие и поддержку отечественной социологической традиции.

Коллектив журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» гордится многолетним плодотворным сотрудничеством с М.К. Горшковым — постоянным автором журнала, более десяти лет являющимся членом его редколлегии. М.К. Горшков как председатель Государственной аттестационной комиссии по социологии в Российском университете дружбы народов постоянно отмечает высокий уровень подготовки выпускников-социологов нашего Университета, что является для преподавателей кафедры социологии РУДН важной оценкой их профессионального труда.

Желаем Михаилу Константиновичу крепкого здоровья, реализации его многочисленных творческих замыслов и новых свершений.

ЮБИЛЕЙ

К ЮБИЛЕЮ П.М. КОЗЫРЕВОЙ

1 января отметила юбилей Полина Михайловна Козырева — известный российский социолог, доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

Вся трудовая и творческая биография Полины Михайловны связана с Институтом социологии РАН — ведущим академическим социологическим учреждением нашей страны (в Институте она начала работать в 1973 году, сразу после окончания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова). Можно сказать, что Полина Михайловна за

долгие годы работы в ИС РАН выросла вместе с Институтом, став одним из наиболее преданных его сотрудников, своими руками, идеями и текстами творивших его судьбу.

На протяжении многих лет П.М. Козырева была заведующей сектором в Институте социологии РАН, в 2005 году защитила докторскую диссертацию, став в том же году заместителем директора Института. Обычно «ученые по призванию» не очень любят занимать руководящие должности, но Полина Михайловна на протяжении своей трудовой биографии продемонстрировала редкий пример сочетания качеств серьезного исследователя с умением конструктивно решать организационные задачи.

В структуре Института социологии ФНИСЦ РАН П.М. Козырева возглавляет Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, сотрудники которого заняты изучением наиболее злободневных и «сензитивных» проблем российского социума. Под руководством П.М. Козыревой проводятся многочисленные широкомасштабные эмпирические исследования, востребованные как в академической, так и в управленческой среде, включая общегосударственный уровень. На протяжении последних десяти лет П.М. Козырева возглавляет Центр лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

П.М. Козырева активно публикуется в научной периодике, занимается экспертной деятельностью, является членом ряда диссертационных советов

(в том числе диссертационного совета по социологическим наукам в Российском университете дружбы народов), членом редколлегий ведущих общественно-научных периодических изданий (в том числе журналов «Полис» и «Вестник Института социологии»). В последние годы П.М. Козырева — главный редактор «Социологического журнала», авторитет которого среди отечественных социологов чрезвычайно высок.

Полина Михайловна активно сотрудничает с Российским университетом дружбы народов не только как член диссертационного совета, но и как председатель (в течение ряда лет) Государственной аттестационной комиссии по социологии, ежегодно принимающей государственные экзамены и организующей защиты выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров, которые получают образование на кафедре социологии РУДН

Редакционная коллегия журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» и коллектив кафедры социологии РУДН поздравляют Полину Михайловну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья, новых творческих успехов, интересных и амбициозных исследовательских проектов.

НАШИ АВТОРЫ

Богдан Игнат Викторович — кандидат политических наук, начальник отдела Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (e-mail: BogdanIV@zdrav.mos.ru).

Богданов Михаил Богданович — младший научный сотрудник Лаборатории культурсоциологии и антропологии образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: bogdanovmikle@mail.ru).

Девятко Инна Феликсовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: deviatko@gmail.com).

Жу Ди — доктор философии (социология); заместитель директора Департамента исследований молодежи Института социологии Китайской академии общественных наук (e-mail: zhudisoc@163.com).

Зайцев Дмитрий Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (e-mail: dvzсаратов@mail.ru).

Зайцева Олеся Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (e-mail: zaitseva.o@bk.ru).

Ключарев Григорий Артурович — руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры философии, социологии и политологии им. Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»; доктор философских наук (e-mail: Kliucharev@mail.ru).

Козырева Полина Михайловна — доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: pkozyreva@isras.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных

отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Кученкова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета; старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: a.kuchenkova@rggu.ru).

Лапшина Анастасия Кирилловна — системный аналитик акционерного общества «Финмаркет» (e-mail: acia00.96@yandex.ru).

Лебедев Даниил Вадимович — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: zenon-daniil@yandex.ru).

Мартыненко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры современной социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: ts.martynenko@gmail.com).

Низамова Альфия Энварьевна — кандидат социологических наук, главный эксперт Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (e-mail: anizamova@hse.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nikulin@ranepa.ru).

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yamap@yandex.ru).

Радкевич Константин Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: radkevich@rambler.ru).

Рязанцев Игорь Павлович — доктор экономических наук, заведующий кафедрой социальных наук историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: dekan-soc@mail.ru).

Смирнов Александр Ильич — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: smir_al@bk.ru).

Сорокин Павел Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: psorokin@hse.ru).

Субботина Мария Владимировна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru).

Темнова Лариса Витальевна — доктор психологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: temnova.larisa@yandex.ru).

Чурсина Анна Вадимовна — младший научный сотрудник Центра социологии образования и науки Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: anna.chiursina@gmail.com).

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: schabaga@gmail.com).

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (e-mail: jarskaja@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места

работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into corre-

spondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
